

*Мария
Метлицкая*

Можно я побуду
счастливой?

Annotation

Эта книга – о женщинах, родившихся в СССР, которым выпало «жить в эпоху перемен».

В юности они мечтали о флакончике «Может быть», сами варили помаду, шили одежду, которую было не отличить от творений модных дизайнеров, потому что купить все это в эпоху дефицита было невозможно, а быть красивыми очень хотелось.

В зрелом возрасте они рожали детей в советских роддомах, где из медикаментов подчас были лишь бинт и зеленка, стояли в бесконечных очередях, а Париж видели только в передаче «Международная панорама».

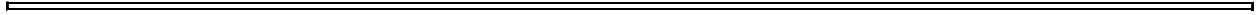
Но они не теряли оптимизма и женственности – влюблялись, расставались, совершали безрассудства ради любимых.

Так что эта книга – о счастливых женщинах. О том, что тем, кто любит жизнь, она в конце концов отвечает взаимностью.

- [Мария Метлицкая](#)
 -
 -
 - [Дневник женщины средних лет](#)
 -
 - [Истоки, дед и бабушка](#)
 - [Начало, пятидесятые](#)
 - [Шестидесятые, Сокол](#)
 - [Конец шестидесятых – начало семидесятых](#)
 - [Новая квартира, Юго-Запад](#)
 - [Семидесятые, юность, любовь](#)
 - [Конец семидесятых – начало восьмидесятых](#)
 - [Начало перестроечных лет](#)
 - [Начало лихих девяностых](#)
 - [Девяностые, продолжение](#)
 - [Двухтысячные](#)
 - [Остров Прекрасной Елены](#)
 -
 - [Пятидесятые](#)
 - [Семидесятые, юность, любовь](#)
 - [Восьмидесятые](#)

- [Знакомство с Андре](#)
- [Итак, Париж](#)
- [Бургундия. Наш дом и ожидание счастья](#)
- [Возвращение](#)
- [Меленки](#)
- [Приемные дети](#)
- [Плес](#)
- [Дом, счастье пришло](#)
- [Выгулово](#)
- [Гостевой дом](#)
- [Эпилог](#)
- [Разговор с Леной](#)

○

Мария Метлицкая

Можно я побуду счастливой?

*Моей маме, моим подругам и соотечественницам –
женщинам, рожденным в СССР*

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мне всегда было интересно выдумывать сюжет, погружаться в повествование, где я – полноправная хозяйка. Хочу – казнь, хочу – милую.

А тут впервые захотелось написать о собственной жизни, о бабушке и маме, родившихся и живших в СССР, разделивших со своими современницами трудности и невзгоды и – все равно умевших быть счастливыми, несмотря ни на что и вопреки всему. А еще – жить ради своих близких, любить их бескорыстно и беззаветно. Иногда – ни за что.

Об этом – первая часть книги, «Дневник женщины среднего возраста». Это, конечно, не дневник в буквальном смысле слова, скорее история жизни.

В этой книге очень много историй о быте. Женская жизнь всегда связана с ним – будь он неладен! Но без быта невозможно, потому что женщина прежде всего вьет гнездо, устраивает повседневную жизнь своих близких. И наверняка, читая эти страницы, вы вспомните собственные истории, истории собственных мам и бабушек. Надеюсь, что это будут самые теплые, самые милые сердцу воспоминания.

С героиней второй части книги, «Остров Прекрасной Елены», судьба свела меня совершенно случайно, но, как часто бывает, эта случайная встреча оказалась для меня очень важной. Судьба Елены необычна, это как раз тот случай, когда подлинная история гораздо интереснее придуманной, потому что такое невозможно придумать.

Книга эта – восхищение, преклонение, восторг перед моими соотечественницами, сверстницами, с их вечным терпением и

терпимостью, смиренностью и громким, звенящим бунтом, с силой и мощью их натуры, великодушием. А еще – с открытостью, искренностью, состраданием. С их упорством и верой, талантом и работоспособностью, умением проходить сквозь стены и раздвигать руками огромные горы. С нежностью, бескорыстием и вечным стремлением быть любимыми.

И конечно, эта книга о том, как можно изменить свою жизнь. Перевернуть. Переделать и вновь сотворить, обнулив предыдущую. При самых малых, мизерных возможностях. При полном отсутствии денег. Имея только талант и веру. Ну и, конечно, друзей-сподвижников, соавторов судьбы, единомышленников.

Ведь если веришь в себя, то в тебя поверят другие. Заразительное это дело – одержимость, настойчивость, трудолюбие, вера, талант. Как ветрянка, наверное.

В общем, жизнь начинается даже не в сорок, как было однажды нам сказано. И к пятидесяти можно начать!

В Плесе, где живет моя героиня, я научилась любить и понимать свою родину. Стала больше верить в людей. Я удивилась и обрадовалась, что сохранила способность удивляться – большое спасибо Лене еще и за это!

Наши российские женщины – основа всего. Нигде, уверена – нигде! – нет таких женщин!

Так сложилось исторически. Ведь где война и беда – там спасает она, женщина: провожает на пороге и ждет, когда вернется муж, брат или сын. А войн и бед нашим современницам выпало немало.

Пережито многое... И многое впереди. Но я в нас верю. Мы снова прикроем, закроем, спасем и утешим – теплом и любовью, верой и верностью.

Дневник женщины средних лет

В июле, в самом конце пятидесятых, на Арбате, в знаменитом роддоме имени Грауэрмана родилось некоторое количество младенцев. Среди них была и я. Спасибо всем, кто принимал в этом участие, дело это было, как я понимаю, совсем непростое.

В общем, началась жизнь.

Истоки, дед и бабушка

Моя бабушка Софья Борисовна Метлицкая была человеком необыкновенным. Думаю, что все лучшее, что есть в нас, женщинах нашей семьи, – конечно же, от нее. Ее бесконечно трагичная судьба похожа на многие другие.

Родилась она в еврейском местечке под Минском. Мой прадед, ее отец, брал в аренду мельницу, и с этого кормилась большая семья. Был он невысокого роста, широк в плечах, очень ярок и красив лицом. К слову, – чудеса! – мой сын, его праправнук, многое взял от него, и не только внешность. Говорили, прадед был строг, немногословен и слегка скуповат. Может, расчетлив? Ответственен за родных, за большую семью? Много читал: философские книги, исторические, религиозные. Был человеком образованным, искал смысл жизни. Отличался сдержанностью и ироничностью – мнение ценил только свое. К служителям культа относился с пренебрежением и недоверием – говорил, что почти все они нечисты на руку, что между человеком и богом посредников быть не должно. Религиозным он не был – субботу не соблюдал.

Моя прабабушка Мария, Марьяся, как называл ее прадед, была женщиной тихой, мягкой, изящной и милой, хотя красотой не блистала. Мужу никогда не перечила – никогда! Вела хозяйство и растила троих детей – двух дочек и сына. По рассказам бабушки, у них был хороший, крепкий дом и, конечно, прислуга – девчонка из местных. Она помогала по хозяйству и в огороде. Подозревали, что тихой и покладистой своей Марьясе муж изменял. А она, если спрашивали, есть ли у нее на сей счет сомнения, смеялась, махала рукой и бесшабашно и легкомысленно отвечала: «Не мыло – не измылится». Почему она была так беспечна? Муж-то красавец! Думаю, что не ощущала угрозы – о разводе тогда никто не думал вообще. Ну завел мужик интрижку – и что? Семья есть семья! К тому же трое любимых детей. Вот и была тихая Марьяся спокойна.

Моя бабушка, их дочь Софья, лицом пошла в своего отца – выросла красивой и яркой. Да и характер, думаю, тоже был как у прадеда – нетерпелива, вспыльчива и очень решительна. Потому и замуж выскочила в шестнадцать лет – особенно не рассуждая. Хотелось в столицу, в большой город, хотелось свободы – отец был строг и держал дочек-красавиц в ежовых рукавицах. Да и время было жуткое, тревожное, смутное – 20-е годы.

Избранником бабушки оказался молодой судья из Минска. Уехали, обосновались в маленьком городке Червине. Муж там работал судьей, а бабушка в семнадцать родила сына и – затосковала.

Муж ее, пламенный борец за справедливость, писал письма отцу народов о несправедливости общества, просил «принять меры». К тому же был глуповат.

Позже они переехали в Минск – муж получил должность старшего судьи. Ну, жили себе и жили, однако через пару лет после переезда бабушка моя легкомысленная влюбилась. Ее новый избранник, Стефан Ивашкевич, был очень хорош собой. Голубоглазый блондин, со скульптурным лицом суровой и твердой лепки. Но – женат. Начались годы страданий, слез, расставаний и новых встреч. Думаю, что это была большая страсть, никак иначе.

Вскоре бабушку с мужем перевели в Москву, где он получил хорошую должность – замначальника в Наркомпросе. Дали им и квартиру – отдельную, где-то на Войковской. Бабушка отправилась туда на трамвае. Ехала часа полтора. Поначалу, выйдя на улицу, тут же захотела вскочить в трамвай и уехать обратно. Но любопытство победило, и квартиру посмотреть пошла. Говорила, что та оказалась большой и просторной – дворец, а не квартира, хоть на велосипеде катайся. Но вселяться туда бабушка отказалась. Согласились на две комнаты в коммуналке, в самом центре. На Кировской – куда уж центральнее. Там, в доме номер двадцать четыре, родилась моя мама.

А роман с моим будущим дедом все продолжался. Он часто приезжал в Москву в командировки. Встречались они в гостиницах – чаще всего в «Национале». История эта затянулась на долгие десять лет. Первый бабушкин муж об адюльтере узнал – сообщили, но претензий не предъявлял – умолял не бросать его, не разводиться. Понятно, что такая слабость мужской натуры была страстной бабушке не по душе – мужа своего она теперь еще и откровенно презирала. Решила все беременность – любовник тут же развелся и переехал в Москву.

Они сошлись. Поначалу жили в одной квартире с бабушкиным первым мужем – тогда это было вполне нормальным явлением. Вдуматься – ужас! Утром у туалета или раковины сталкиваться нос к носу со счастливым соперником, который только что обнимал твою бывшую, но все еще любимую жену. Но как-то жили и морды друг другу не били. Даже за стол садились все вместе.

В одной комнате жили дедушка с бабушкой – молодожены. В другой – брошенный муж, их общий с бабушкой сын и домработница. Услышав про

домработницу, я удивилась. Бабушка махнула рукой: «Да что ты! Домработницы тогда были у всех. Даже у самых бедных». Деревенские девушки сбегали из сел от голода и невыносимых условий. В столице платили им сущие копейки, но колхоз не платил и этого – были лишь трудодни. В городах им давали кров и обеспечивали питанием – ели все вместе, за общим столом, деньги от зарплат они собирали.

Потом наконец разъехались – первый муж бабушки уехал снова в Минск, вскоре удачно женился и прожил о-о-очень долгую и спокойную жизнь.

Кстати, еще про мою затейницу бабушку. Имена своим детям дала она нетрадиционные, скажем так. Сына назвала Владиленом, а маму мою – куда хлеще для тех времен – Эвелиной. Это сейчас полно Эвелин, а тогда мама стеснялась своего имени. Представлялась Инной. Ну и плюс отчество – Эвелина Стефановна. Кем только не была она за свою трудовую биографию – и Инной Степановной, и Эльвирой, и Элеонорой.

Брат ее тоже Владиленом не остался – назвал себя Владимиром. А дома его звали Леней. Такая вот путаница из-за сложностей, придуманных бабушкой.

К слову, про имена. Дочек своих мама назвала просто: я – Маша, сестра – Катя. Сотрудница ее как-то недовольно заметила, обидевшись за меня и сестру: сама Эвелина! А дочки? Крестьянки! Фантазии вам не хватило?

В 37-м родилась моя мама.

Деда забрали, когда маме моей было восемь месяцев от роду, а бабушке двадцать восемь лет. Замуж она больше не вышла, хотя звали, и не раз. Звал и первый муж, который после ареста соперника резко активизировался.

Вот что бабушка рассказывала об аресте деда.

Он был в командировке, в Киеве. Дал телеграмму – встречай рано утром. К ним пришли накануне. Не поверили, что деда нет. Спросили – где прячешь? Бабушка протянула телеграмму. Те прошлись по квартире. Проверили. Поверили. Ушли. Пришли рано утром следующего дня. Сели в прихожей. Потом переместились в комнату. Раздался звонок в дверь. Соседка выскочила предупредить, но не успела – следом за ней выскочил и гэбэшник. Цыкнул и сильно толкнул локтем: «Туда захотела?»

Бабушка протянула мужу сложенный рюкзак – носки, смену белья, рубашку. Попрощались взглядом – обняться не дали – не положено врагам отчизны обнимать своих близких. Подойти к дочке тоже не дали: какая дочка, если с тобой самим пока не все ясно? Полгода бабушка ходила в

тюрьму, в Бутырку. Отстаивала дикие очереди с такими же, как она. Носила деньги и передачи. А однажды ей сказали: «Все. Больше не приходите – осужден. По пятьдесят восьмой. Десять лет без права переписки».

Я как-то спросила ее:

– Ты понимала?

Она ответила:

– Наверное, да. Но продолжала надеяться. Вдруг? Ждала и после войны – вздрагивала на каждый стук, каждый звонок.

«Вдруг» не случилось.

У бабушки не просто отняли любимого человека, защитника, мужа, кормильца. У нее, двадцативосьмилетней, отняли судьбу. Женскую жизнь. Деду моему в момент ареста было тридцать семь лет.

В 90-е нам позвонили из общества «Мемориал», пригласили в архив КГБ на Кузнецком, где выдали дело маминого отца, моего деда, Стефана Ивашкевича. Дело это было тоненьким, коротким. Гораздо короче, чем его короткая жизнь. Зафиксировано, что после трех допросов он во всем признался – наверное, кончились силы.

На крошечной фотографии лицо совершенно замученного и сломленного человека – глаза, молящие о смерти и избавлении.

Мама плакала и приговаривала:

– Бедный мой папочка!

В тоненькой картонной папочке был приклеен конверт: «Не вскрывать!» Я предложила все-таки вскрыть, но моя законопослушная мама отчаянно закачала головой: «Что ты, ни в коем случае!» Ну я и послушалась, о чем очень жалею сейчас – надо было открыть и прочитать. Надо было все знать до конца. Впрочем, о чем я? О правде, которой и не было?

Мы нашли деда и в расстрельных списках Сахаровского центра, и в Книге памяти общества «Мемориал». Съездили в Коммунарку, на его могилу, которой, собственно, нет. Есть только примерное место, где, слава богу, закончились его адские муки.

Не знаю о нем почти ничего – когда-то семья его перебралась из Варшавы в Питер, где он и родился. Семья была большая, с трагической историей – кто-то покончил с собой, кто-то умер в младенчестве, кто-то в юности, а кто-то погиб в гражданскую. Мать его, моя прабабушка, жизнь свою окончила в доме скорби – не выдержала психика «валежной пани» кошмаров соцстроя.

Дед мой воевал в Гражданскую командиром бронепоезда. А позже, в 20-е, занимал важную должность в большом министерстве, быстро шел

вверх по служебной лестнице и – обычный итог!

О, сколько их упало в эту бездну...

Упало и – пропало. Навсегда.

Бабушкиного отца, моего прадеда Бориса Метлицкого, тоже взяли в начале 30-х. «Раскулачили». И наплевать, что не был он хозяином мельницы и сам пахал там до третьего пота – эксплуататор!

Не посадили – отправили на строительство Беломорканала. Канал был построен в рекордные сроки – с 31-го по 33-й год. Но какими усилиями и какой ценой! По документам примерно двенадцать с лишним тысяч трупов. Хорошее слово – «примерно»! Но и там дед проявил себя – в смекалке, честности и труде. Начальник заметил его, перевел в бригады, очень ценил. Дед выжил и вернулся домой – повезло. В Белоруссию не поехали – там было не прокормиться. Отправились к старшей дочери Анне на юг, на Азовское море.

Мама хорошо помнит своего деда – немногословного, сурового, требовательного и красивого старика. Его я не знала, а вот его Марьяся, Мария Метлицкая, полная моя тезка и моя прабабушка, прожила очень долгую жизнь – умерла она в 76-м, я тогда заканчивала школу. Было ей девяносто два года.

Она еще успела вкусить жизни до революции, до кровавых и страшных времен. Еще поносила бархатные шляпки и брошку-каменю. Еще помнила ощущение тонкого кружевного белья. Еще по утрам собирала свои богатые волосы в высокий пучок, подколотый настоящим черепаховым гребнем. Пара капель духов «Коти» на тонком запястье, маленькая ножка в кожаном башмачке с изящной защелкой, сшитом удивительно! Ни разу ногу этот башмачок не натер, ни разу нога не устала. Подметка не отвалилась, не дала течь – даже в эвакуации, когда проваливался, хрустя и ломаясь, словно стекло, тонкий лед на коварных лужах.

И пальтишко свое износила до белизны обшлагов. Английский драп синего цвета, подбитый сереньким кроликом, с бархатной стоечкой у нежной шеи – прожило оно до мирного времени, пока дочери не выкинули «это добро». Только сережек, подарка мужа на рождение сына, прозрачных бриллиантовых капелек редкой грушевидной формы, не осталось – проели в войну.

Развлечений в ее жизни было немного – в город, в Минск, выезжали не часто – раз в месяц: в гости к родне, за важными покупками или же к докторам на прием. Ну и в синематограф, а после в кондитерскую – побаловать себя кофе с пирожными. А так – обычная женская жизнь: трое детей, кухня, сад-огород. Жизнь трудовая, но не голодная. Спокойная

жизнь, дай бог всякому!

Ее обожали все внуки и правнуки – доброты она была невероятной, тихая как мышонок, неприхотливая, совсем некапризная. Очень смешливая. Пела нам песни и рассказывала сказки с таким выражением, по «ролям», что нас разрывало от смеха.

Картинка из детства – бердянский двор в самом центре, улица Красная. Четырехэтажный дом, квартира тетушки, бабушкиной сестры, – три комнаты, маленькая кухня. На балконе, под марлей – от мух, – сушатся знаменитые азовские «бички». Мы, конечно же, потихоньку таскаем их оттуда. Во дворе на скамеечке сидят местные старушки – бабушка Марьяся среди них. Худенькая, как подросток, в легком темном платье, в платочке на голове, сидит, опираясь на палку.

Она видит нас, правнуков, и машет рукой, смеется:

– Ну, бандиты! Дел понаделали?

Потом, спустя годы, так же сидели моя бабушка и ее сестра.

Потом... потом скамеечка опустела. Ушли старики. И двор опустел. И жизнь опустела без них.

В начале двухтысячных мы с уже взрослым сыном поехали в Литву, навестили моих двоюродных сестер в Минске и решили заехать в Острошицкий городок, на родину бабушки. Это совсем близко от Минска – километров пятнадцать.

Пыльная дорога, заросший пруд. Восстановленная церквушка – во дворе еще стояли строительные леса. Навстречу вышел молодой батюшка, разговорились. Объяснили, что мы москвичи, едем в отпуск и вот решили заехать. Он кивнул и грустно сказал, что от «прежнего» почти ничего не осталось – пруд да дорога. Нет, есть еще старое строение – кажется, бывшая больница, заброшенное, полуразрушенное здание. Да! Еще старое кладбище! Правда, и оно совсем заросшее и заброшенное. Мы пошли туда – бурьян и осока по грудь, огромное поле. Сын рванул вперед и закричал:

– Мам, я нашел!

Я подошла и увидела несколько полукруглых, замшелых камней с еле заметными буквами. С трудом различили остаток фамилии – точнее всего несколько букв. Гладили эти теплые камни и плакали. Тишина была какой-то нереальной, даже оглушительной. Где-то жужжал шмель, над головой стрекотала пепельная стрекоза. Жарило солнце, чуть колыхалась трава. Вечный покой и вечная природа. Почти вечные камни, но и им, кажется, отпущен свой срок. И все же человеческая жизнь оказалась куда короче, чем все остальное! Но не короче человеческой памяти.

До войны бабушка с мамой, как я уже говорила, жили на Кировской. Служила бабушка делопроизводителем в управлении при Московском отделении жилищного хозяйства, почему-то в секретном отделе. Что они там засекречивали – одному богу известно. Сразу после ареста мужа пришла к своему начальнику и все ему рассказала. Тот выслушал молча, глаз не поднял и, тяжело вздохнув, принял решение – тут же перевел ее в другой отдел – несекретный – и даже повысил зарплату. Словом, он бабушку спас. Имя этого человека, ее начальника, – Давид Львович Бронер. Мама помнит его до сих пор.

В самом начале войны бабушка с сыном и дочкой, моей будущей мамой, эвакуировались в Татарию. До Казани – на поезде, дальше по Волге – на пароходике. Мама помнит, что маленький пароходик почему-то горел.

Всю жизнь бабушка хранила самые теплые воспоминания об этом глухом татарском селе и о его жителях – приняли их там тепло и радушно. Работала она в бухгалтерии при совхозе, носящем гордое имя «Пятнадцатилетия Октября». Старший бабушкин сын, мамин брат, вчерашний московский школьник, работал в поле на тракторе. Семнадцатилетним подростком он ушел на фронт – в последний призыв.

Комнатка, где они жили, была крохотной, шестиметровой. Дети спали у печки, бабушка – у окна. Туда же, в Татарию, приехали и ее родители. Приехали, когда бабушка умирала от воспаления легких – холод в избе был такой, что к подоконнику примерзали, покрываясь инеем, ее прекрасные длинные волосы. Прадед быстро собрался и уехал в Казань, продал там свое наследство, золотые часы-луковку на цепочке, привез дочке лекарство, которое и спасло ее жизнь. Он, мой запасливый и расчетливый прадед, умудрился раздобыть и пшено, и фасоль – словом, выжили.

В 43-м вернулись в Москву. Комнаты, слава богу, сохранились – бабушка высылала домработнице Дусе деньги за коммуналку. Дуся в войну жила там же, на Кировской. Конечно, сожгла все книги и мебель – обычная история, надо было как-то выживать. Бабушка ее, разумеется, не отругала.

Итак, наступила мирная жизнь. Осталось жилье, вернулся с войны старший сын – инвалидом, с ранением, изуродовавшим его лицо, но живой, что было огромным счастьем. Росла умница дочь. И снова ежедневные подвиги, снова борьба за жизнь. Борьба, а не жизнь: после войны бабушка работала в бухгалтерии домоуправления, зарплата копеечная, карточки. В школу мама пошла в подкрашенных мелом парусиновых тапках на веревках. В дождь мел таял и растекался под ногами белой лужицей. От стыда мама плакала. Единственное ее платье было сшито из отцовской гимнастерки – серой, застиранной, усеянной плотными кубиками штопки.

Были у бабушки подруги – Геня, Галя, Берта. Я прекрасно их помню, этих ангельских старушек – бедных, плохо одетых, одиноких и никогда не унывающих. В театры – раза два в месяц! В музеи и того чаще. Ну и в гости друг к другу! Муж, кстати, имелся только у Гали – остальные вдовели.

Вспоминаю один Новый год. Родители в командировке. Любимая бабушкина подружка Геня живет далеко, возле Измайловского парка. Вечером едем к ней отмечать. Комнатка на первом этаже, очень низком, окном почти в землю. Деревянные крашенные полы, кровать с металлической спинкой. Кипенно-белое покрывало. Старенький телевизор, черно-белый «Темп». Бьющая в глаза бедность и такая же отчаянная чистота. Небольшой круглый стол, парадная, местами подштопанная скатерть. На столе – плешечки с закуской, салатами – оливье, селедка под шубой, тертая морковка, свекла с чесноком. Пирожки. Бутылка сладкого шампанского.

Еле слышно работает телевизор – Брежнев шамкает челюстью и хвалится успехами, что-то там про закрома и пятилетки, которые в срок. Укладывают меня спать поздно, почти в час ночи. Я засыпаю под бабушкин и Генин размеренный, тихий и убаюкивающий шепот. На столе горит лампа, прикрытая старым платком. Среди ночи просыпаюсь и вижу ту же картину – две пожилые женщины, чья дружба проверена годами и самой жизнью, по-прежнему сидят друг напротив друга. Склоненные седые головы – у обеих старушечьи пучки. И разговор, разговор – без конца. На улице поскрипывает желтый фонарь и слабо пробивается рассвет, а они все сидят. Вспоминают. И не кончается, тихо течет их беседа. Журчит неспешно, как ручеек. Ну а я – я снова засыпаю, как мне и положено.

Подсчитала – это год примерно 69-й. То есть бабушке и ее подруге под шестьдесят. Всего-то! Немногим больше, чем мне сейчас.

А ощущение было, что они древние старушки.

Всю жизнь бабушка служила своей дочери, своим внукам и, слава богу, застала наших детей – своих правнуков. Водила нас на музыку, фигурное катание, плавание. Помогала с уроками, обстирывала, обглаживала, подавала, убирала и защищала от строгой мамы.

По вечерам, когда мы все наконец разбредались по своим углам, она садилась читать. Читала всегда и много – книги, газеты («Литературку»), толстые журналы. О себе не думала никогда – главным были семья, дети, дочь.

Мама рассказывала, что ухажеры у бабушки, конечно же, имелись. Она и после войны оставалась красавицей – зеленоглазая, с русой косой по пояс, пышногрудая. Но никогда не была замечена ни во флирте, ни в кокетстве – увы!

В двадцать восемь, в 38-м, перед ней навсегда закрылась дверь в счастье, в устройство женской судьбы. Или – сама виновата, характер? Нежелание размениваться? Устроить свою судьбу? Пусть без любви – но с мужчиной-то легче! Или ничего не осталось в выжженной душе? И не было места чувствам и эмоциям?

Она растила нас с сестрой, везла на себе весь дом, была прекрасной хозяйкой и абсолютно святым человеком – ничего плохого к ней не приставало. Сплетни она ненавидела, а щедрость ее была запредельной, такой же, как скромность.

Характер был у нее сложный, вспыльчивый, неровный. Но ее искренность, чистота, почти святость, все искупали.

Вот задуматься – что хорошего она видела в своей жизни? Раннее бестолковое замужество? Второй брак, окончившийся страшной трагедией? Нищету? Вечную нужду? Женское одиночество? Она никогда не путешествовала, не носила красивой одежды, удобной обуви. Не имела отдельного жилья – так, чтобы уединиться и хоть немного отдохнуть от нас, шумных, непослушных, беспокойных. На море ездила с внуками и там не расслаблялась ни на минуту. Ни разу не была в санатории – чтобы подали, накрыли, убрали. Корячилась под лестницей на чужих дачах в душном угаре керогаза, стирала в тазу.

И переживала, переживала за всех нас, своих любимых и близких.

Она не видела ни Париж, ни даже Ялту, перед ней не открывал дверь услужливый и бородатый швейцар, ей не целовали руки, провожая недвусмысленным, задумчивым взглядом. Она не просыпалась на широкой постели с тонким бельем. Ей ни разу не сварили кофе – в том числе мы, паразиты, обожавшие ее!

Она просто была, и казалось, что так будет всегда! Всегда. Всегда она будет рядом, всегда покрикует нас своим прокуренным голосом, всегда пожалеет, даст умнейший совет. И снова – прикрикнет, снова раскритикует. Не обнимет, нет – никаких сю-сю, это не про нее.

Но мы всегда будем знать, что сердце ее полно любви к нам, жалости и сочувствия, почти слепого обожания и тотальной, неистребимой верности.

Ее нет уже очень давно – больше двадцати лет. Ее нет физически, но она есть – каждый день она с нами.

Приходя на кладбище, я говорю ей: «Привет! Ну как ты там, а?

Наблюдаешь за нами? Ты мной довольна, ба? Не ожидала? Не ожидала, что из твоей легкомысленной внучки, любимейшей, избалованной именно тобой, что-то получится? То-то! Гордись!»

А дальше рассказываю ей, что у нас происходит. Хотя я уверена – она и так в курсе всего. Ну как же она может не быть в курсе? Она ведь всегда держала руку на пульсе. Она все про нас знает, все видит, и нам от этого легче. Она следит – пристально следит, заинтересованно – все ли мы делаем так? Так, как нужно, как она нас учила? И мы чувствуем это.

Мы уже не плачем – давно отплакали. На ее могиле мы шутим и что-то вспоминаем – тоже что-то смешное, семейное.

Что она дала нам? Свое сердце, душу – да всё! Она научила нас быть людьми – а это самое-самое.

Мы, конечно, другие – у нас нет ее бескорыстия, доходящего до глупости, до идиотизма. Мы, наверное, подумаем, отдать ли последнее. Мы вообще сначала подумаем о себе, а уж потом о других. И все же мы не выросли подлецами, лгунами, бездельниками. В ведении дома мы почти приблизились к ее умению и таланту. Мы не рассматривали своих партнеров как средство улучшения качества жизни – может, и зря. Но этому бабушка нас не научила, потому что сама не имела представления об этом. Мы умеем трудиться. У нас есть друзья. И наша, уже не такая большая, семья всегда сплотится, если не дай бог...

Мой сын похож на бабушку внешне – прямой нос, зеленые глаза. И характер! В нем так много от нее, что иногда я просто теряюсь.

Никого не осталось в том городке, что под Минском. Никого и ничего, кроме старого пруда, затянутого ряской, желтых кувшинок, голубоватых стрекоз, кружащихся над мутной водой, старых и крепких дубов на пыльной и узкой центральной улице. И старого кладбища, густо заросшего осокой и бурьяном.

Несколько серых валунов с полустертыми надписями – ничего не поймешь, ничего...

И все же, глядя эти теплые, нагретые солнцем камни и разговаривая с ними, я верила, что меня слышат мои дальние предки.

И бабушке, думаю, это было приятно – при всем ее скепсисе, при отсутствии сентиментальности. Мне кажется – так.

Мы все – до сих пор – под огромным шатром ее безграничной любви и защиты.

И чувствуем это всегда.

Начало, пятидесятые

Моя двадцатидвухлетняя мама отстояла меня не без усилий и жестко – бабушка, потом, кстати, обожавшая меня без всякой меры, настаивала на аборте. Почему? Да все просто – видела зорким оком бесперспективность раннего и не совсем равного брака дочери. В чем, как всегда, оказалась права. Но мамино твердое «нет» решило мою судьбу.

В конце июля, числа, наверное, двадцать пятого, меня привезли в мою первую квартиру – огромную коммуналку на Петровских линиях.

Мало было счастливых, не наблюдавших деревянные кружки для унитазов, развешанные в рядок на гвоздях в общем туалете, не помнящих огромное, душное, во влажном пару, пространство коммунальной кухни, больше похожее на преисподнюю, где в ряд на кривоватом полу, выложенном коричневыми квадратиками метлахской плитки, стояли несколько газовых плит и маленькие, кривобокие столики – свой, личный, у каждой семьи. И множество звонков на деревянной панели у входной двери и надписи под ними: Гусевым – два звонка, Фельдманам – три, а Копопленко – уже все четыре.

Еще был общий звонок – так и писалось: «общий». Это для почтальона со срочной телеграммой, участкового врача, милиционера или старьевщика с заплечным мешком. Были в те времена еще и точильщики – мужички, как ни странно, довольно хилого вида, волочившие увесистый точильный станок. Их ждали и им радовались – ножи, ножницы, запчасти от мясорубок – все выносилось на лестничную площадку. Тут же выстраивалась очередь, терпеливая и умиротворенная. Хозяйки, оторвавшись от плит и тазов, с превеликим удовольствием давали себе передышку – шушукались и обменивались новостями – чаще всего, разумеется, квартирными сплетнями. С плохо скрываемой радостью, слегка по-садиistically, поносили своих свекровей, мужей и детей.

Я прекрасно помню нашу первую квартиру – доходный дом напротив гостиницы «Будапешт» – второй этаж, окнами на Неглинку, на знаменитый юргенсоновский магазин «Ноты». Наискосок – Сандуновские бани. В квартире проживало тринадцать семей. У всех по комнате, а у счастливых и по две. Моя бабушка как раз была среди счастливых – путем сложных, многоходовых обменов у нас оказалось две комнаты. Правда, довольно скоро одну комнату бабушка отдала любимому брату, вернувшемуся из долгой командировки в Магадан. Московского жилья у

него не было.

Отдала дальнюю комнату, запроходную, с выходом на черную лестницу – страшную, жутковатую, стылую, остро воняющую помойкой. На черной лестнице смело гулял ветер – наверное, из щелястых, никогда не конопаченных рам. Но имелось у комнаты неоспоримое достоинство – свой выход, отдельная дверь на эту самую «кухаркину» лестницу, именуемую в старые добрые времена входом для прислуги. Помню дверь, обитую черным дерматином: пухлую, с серой, грубо и бесстыдно выпирающей ватой – дверь в «отдельную» дядюшкину квартиру.

И вот итог «передела собственности» – точнее, переделывания: бабушкин брат получил отдельную квартирку – свой вход, с личной дверью. В коридорчике, узком, пройти только боком, была установлена электрическая плитка, подвешен рукомойник с ведром и – на тебе! – кухня. Жена его там и готовила, «на проходе», лишая себя «удовольствия» толкаться на общей и коммунальной.

Черной лестницы я побаивалась: темно, холодно, отвратительный запах помоев и табака – это была еще и курилка. Но бегать к тетке любила – та часто пекла пирожки.

Итак – бабушка комнату отдала.

– Это мой брат! – твердо объявила она. – И у него нет жилья.

Вот так просто. И правда, куда уж доходчивее?

Бабуля моя пару раз в жизни имела возможность побыть крезом или султаном Брунея. Но эту плохо знакомую роль исполняла она с большим блеском – превращала в театральное действо.

Сейчас это кажется неправдоподобным – запросто отдать комнату в центре. Ну а тогда подобные подарки были нормой. Как не поделиться с родными? «Да и зачем нам две комнаты?» – искренне удивлялась бабуля. Нам – это ей самой и маме-студентке. Про то, что красавица и умница мама наверняка скоро выскочит замуж (в девках женщины нашей семьи не задерживались, все мы «ранние»), бабушка не задумывалась. Как вообще не думала о материальном – никогда.

Была в бабушкиной жизни еще одна невероятная история: она подарила наследственное кольцо из бриллиантов. Причем сделала это ни минуты не раздумывая, раз – и готово! Тоже – брату. Этому странному и не вполне логичному поступку было простое и бесхитростное объяснение – Коленька высылает нашей мамочке десять рублей в месяц, а я не могу! Да и вообще – зачем мне бриллианты? Куда их носить?

Совестливая моя бабушка...

Бриллианты достались ее племянницам и золовке. Слава богу, все они

были хорошими людьми. А для хорошего человека ведь ничего не жалко. Ну и третья попытка игры в богачку – пятьсот рублей, полученные в наследство от умершей подруги. Тогда еще вполне приличные деньги.

После выхода из сберкассы у бабули моментально изменилась походка и распрямилась спина, горделиво запрокинулась голова. Ну и взгляд стал соответствующим.

– Лови такси! – объявила бабушка, закуривая свою «беломорину». – Едем в Елисейский!

Надо ли говорить, что у Елисеева мы скупили все, что было возможно? Помню икру по несусветной цене, сыр рокфор с зеленой плесенью, севрюгу и торт.

Гуляла моя бабушка. И откуда такие замашки? А остатки от наследства тут же, по приезде домой, отдала моей маме.

Думаю, если была бы возможность, бабуля моя сорила бы деньгами с удовольствием, не задумываясь. Но только возможностей не было.

Никогда не жалела денег на хороший кофе, шоколад или сыр. А на большее, кстати, все равно не хватало. Широта натуры ведь не всегда зависит от толщины кошелька. Далеко не всегда.

Или – нищим легче делиться? Может быть, так.

Квартира на Петровке была очень дружной, что тоже было не такой уж редкостью по тем временам. Мизантропы еще не расплодились в огромном количестве, все упрямо и с удовольствием верили в светлое будущее. Только пережили войну, помнили голод и холод и были счастливы оттого, что остались живы, вернулись из эвакуации, с фронта – да и просто от хорошего успели отвыкнуть. А до нового «хорошего» было ой как далеко! Кто-то и вовсе его не дождался.

Праздники – ноябрьские, майские, новогодние, дни рождения, свадьбы, поминки – отмечали вместе. Вместе радовались и горевали. Вместе смеялись и плакали. Вместе готовили, накрывали столы, собирали и дружно мыли посуду.

Но были, конечно же, на фоне жизнерадостного, оптимистичного, неизбалованного и очень терпеливого народа и изгой. В любое время процветают человеческие пороки.

Помню отлично семью – муж и жена. Он мужичок противный, склизковатый, похожий на усатую, разевшуюся, жирную крысу. Но тихонький – скорее всего, просто трус: всегда помалкивал и бочком, бочком к себе в комнатку. «Отрывалась» жена – Антонина, Тонька, как звали ее за глаза. Тонька была старше своего муженька лет на двенадцать. Нервничала,

наверное, что уйдет ее крысеныш к бабенке посвежее, вот и пасла его, как козла, – на короткой веревке. Работала она учителем физкультуры. Говорили – стучала. Скандалы обожала – расцветала, как маков цвет, пылала лицом и сверкала глазами. Могла бы легко и просто задавить необъятным бюстом или задницей, а уж если рот откроет – беда, страшное дело. Сплетница, хамка, грязнуля и жадина. Их не любили и к столу не приглашали.

Была еще семья художника, милые люди, но муж – пьяница и бузотер. Скандалил исправно, по расписанию, часто и громко. Как и многие художники, «главарь» семьи ничего не зарабатывал – кормильцем была жена. Их и жалели, и поносили, и подносили – кто миску с супом, кто пару котлет, кто пирожки. Народ наш всегда жалел нищих и пьяниц.

Помню странную пару – Наталья и Клавдий. Наталья – женщина-гора: высоченная, очень полная, с густыми седыми волосами на подбородке, одышливая, больная, почти неходячая, добрая и плаксивая. И он – крошечного росточка, с малюсенькими ножками в детских ботиночках, со странным, смешным, помятым и улыбочивым личиком. Женским каким-то личиком, что ли?

Наталья из комнаты почти не выходила – в магазин бегал шустрый Клавдий, обед готовил он же, давая полезные советы опытным хозяйкам. Странно, но к его советам прислушивались.

Спустя много лет я узнала историю их семьи и любви – и она меня потрясла. Наталья и Клавдия были подругами. Работали на одном заводе. Клавдия (или Клавдий?) был, к несчастью, гермафродитом. К сорока годам мужская часть его организма одержала победу над женской. И из Клавдии получился Клавдий. Он стал носить мужскую одежду, сделал мужскую стрижку – видимо, ощущал себя полноценным мужчиной. А их дружба с Натальей перешла в иное качество. Что уж там было на самом деле – уже никто не узнает. Может быть, дело в том, что выживать в паре всегда проще. Клавдий был очень заботливым мужем, внимательным, нежным, хорошо понимал нелегкую женскую долю. Наверное, женская генетическая память у него хорошо сохранилась. Жили они мирно и счастливо. Ну или просто мирно.

Помню drobный стук мальчиковых ботиночек на подбитых каблучках «для росту» – Клавдий, с вечной улыбкой на сморщенном старушечьем личике, спешит по коридору, неся любимой Наташеньке кастрюлечку с кашей.

Еще была одна прекрасная старушка – определенно из «бывших». Звали ее Вера Николаевна. Помню синие обои в ее комнате, кобальтовые

чашки и разрозненные серебряные ложечки. К чаю подавались варенье в вазочке на тонкой крученой ножке и домашнее печенье с изюмом. На простой табуретке, прикрытой куском вытертого бархата, стоял старый патефон с пластинками – только классическая, оперная музыка. Слушала она ее часами. Слегка потрепанный, с костяными ребрами веер висел на стене – память о первом бале девицы Верочки Смоловой. Низкий абажур нависал над столом, покрытым гобеленовой скатертью с пушистыми кисточками на концах – кисточки эти я заплетала в косички, за что получала от бабушки нагоняй. На стене висела икона, под ней всегда горела лампадка. Напротив – фотографии статного красавца в военной форме. «Муж», – шепнула мне бабушка. Верочкин муж, белый офицер, погиб в Гражданскую. От голода умер новорожденный сын – сама Вера в то время погибала от сыпняка.

– Зачем я выжила? – до конца жизни удивлялась она. – Для чего? Для чего живу так долго? Чем прогневала Господа нашего?

Жила тихо и тихо умерла, не дождавшись расселения и отдельной квартиры. Помню сережки в ее аккуратных и красивых ушах – маленькие, бирюзовые, яркие, как и ее добрые, вечно слезящиеся глаза. Каждый день она выходила на променады – шляпка из потертого велюра, платочек на шее, перчатки, «помнящие многое», и крохотная кожаная сумочка на звонкой защелке, в которую она стыдливо прятала пролетарскую авоську – а вдруг что-то удастся достать?

Московские старушки, «арбатские» – так почему-то их называли.

Их больше нет... нет даже похожих.

Была и еще одна замечательная пара, семья, польские аристократы – Ольга Алексеевна и Алексей Фелицианович. Происхождение свое, конечно, скрывали – чем хвастаться-то? Воспитанием или образованием? Хорошими манерами – да о чем вы? Все это было уже не в чести. Алексею Фелициановичу удалось уберечься – анкеты были исправлены, и бывший военный инженер служил на заводе простым работягой. В начале 30-х забрали их единственного сына. Сидел он в Ухтпечлаге, потом, видимо, оказался в ссылке и дальше – пропал. Никаких вестей от него больше не было.

Ольга Алексеевна была истинной аристократкой духа – ее уважали, с ней считались. Была она и замечательной хозяйкой – бабушка моя многому у нее научилась. Считалась она негласной «хозяйкой» квартиры – ложилась позже всех, проверяя перед сном запоры на входной двери и газовые конфорки. Составляла список квартирных дежурств. Не выходила на кухню без прически, не подкрасив губы. Никогда не носила халаты. Революцию

называла «разволюцией». Так и говорила: «Это было до разволюции».

На стене в ее комнате висели старые фотографии – Олечка в широкополых, полупрозрачных летних шляпах, Олечка в маленьких шляпках с вуалью, в бархатном рединготе, в кружевной тальме.

В середине 50-х раздался звонок в дверь. На пороге стояла немолодая женщина с очень усталым лицом и потухшим взглядом. За руку она держала худенького белобрысого мальчика.

Оказалось, что женщина эта в ссылке сошлась с их сыном, родила ребенка, назвали Валерой. Ее муж, сын стариков, умер, а она с сыном выжила и вернулась в Москву. Конечно же, Ольга и Алексей мальчика признали и приняли. Женщина эта отдала им сына, почему – я, конечно, не знаю. Валерик рос у деда с бабушкой, которые его обожали. Мать приходила его навещать.

Алексей Фелицианович умер, Валерик вырос, женился и забрал старенькую бабушку к себе.

Были еще циркачи – дрессировщики пуделей. Они разъезжали по гастролям, а приехав домой, начинали отчаянно спекулировать – из Ташкента везли дыни и груши, из Молдавии персики и виноград, с Украины посуду – кастрюли, утятницы, из Белоруссии шерстяные носки, варежки, свитера и сухие грибы. Из Норильска копченую рыбу.

Открывал торговлю муж дрессировщицы – крошечный, пузатый и лысый хитрован. Торговался нещадно и цены не сбрасывал – плакался, что не на что кормить подопечных – от государства собачки получали сущие копейки. Народу становилось стыдно, и все утихали. Иногда, правда, приторговывал и костлявым мясом – видимо, подопечные все же «делились».

Жена его носила странное имя Фиалка. Была она женщиной редкой, почти уникальной красоты и очень высокого роста (муж еле-еле доставал ей до плеча). На кухню Фиалка не выходила. Муженек варил ей кофе, покупал пирожные в Столешниках и относил все это на красивом старинном подносе в комнату. Обожал и прислуживал, очень старался. Наверное, всю жизнь боялся, что Фиалка уйдет.

Помню ее мельком – прошла, обдав запахом духов и цветочного крема. Пролетела, прошелестела шелковым пеньюаром, процокала домашними туфельками на каблучках. Нездешняя фея, нездешняя красота. Не ко времени пришлось бедная женщина, жалко...

Их, конечно же, тоже не любили и осуждали. Но ненависти к ним не было – все видели, как тяжело они пахали – неоттапливаемые

провинциальные гостинички и клубы, поезда, автобусы, переезды, перелеты на кукурузниках, заштатные шапито.

Еще была несчастная и тихая женщина Рита, никогда не поднимающая печальных глаз. Воспитывала она недвижимого сына – наверное, это был тяжелый ДЦП. Муж ее после рождения больного ребенка тут же, конечно же, исчез. Мальчик не сидел, не говорил – только открывал рот, когда мать подносила ложку с супом или кашей. В интернат она его не отдавала – говорила: «Ни за что и никогда». Покормив и умыв сына, Рита тут же бежала на работу – куда-то совсем недалеко, по-моему в ЖЭК. Прибегала днем – снова покормить и переодеть. Родных у нее не было. Отдельную квартиру они получили одни из первых.

Еще в квартире жила маленькая старушка, одетая во все черное. Ходила она только в церковь на службы и в булочную. На кухне никогда не топталась, в разговоры ни с кем не вступала, что-то бормотала себе под нос и постоянно крестилась. Никто про нее ничего не знал. Поговаривали, что в прежней жизни она была матушкой, женой расстрелянного попа.

Врач Сусанна, абхазка, слыла мастерицей-кулинаркой. Когда она колдовала на кухне, все стекались на запахи – свежая зелень, грецкие орехи, фасоль. Так тогда в Москве не готовили. Из Сочи часто приезжала ее родня – для них она и старалась. Ну и, конечно, лечила соседей – в любое время дня и ночи никому не отказывала – сделать уколы, примочки, померить давление.

Квартира часто ходила в Сандуны на «помыв» – всем составом. После бани на кухне накрывался стол.

В кинотеатр «Мир», что на Цветном, – тоже ходили вместе. Мама рассказывала, как всем скопом пошли на «Ночи Кабирии». Сеанс был вечерний, поздний. Впереди – молодежь, сзади гуськом семенили старушки.

В детстве наша комната мне казалась огромной. Разумеется, такой она не была – объем и кубатура увеличивались визуально благодаря высоченным потолкам – метров пять или около того – и огромным окнам.

Высоченные окна бабушка мыла и проклинала архитектора. Чтобы открыть верхние створки, приходилось ставить большую стремянку. И еще был подоконник. Скорее всего, гранитный, возможно мраморный, шириной не меньше метра. На нем меня «выгуливали» под открытым окном месяцев, наверное, до пяти.

Когда подросла, со мной ходили гулять в тогда еще очень пышный и зеленый сквер у Большого театра. Помню, как мы, дети, собирали там райские яблочки – ярко-красные, с черными пушистыми «хвостиками» и золотистым черенком. Хотелось их надкусить, но бабушка следила зорко. Но я все же ухитрилась однажды заныкать было яблочко в карман и тайно, исподтишка надкусить. Разочарование оказалось огромным – первое несовпадение внешнего вида и внутреннего содержания. Впрочем, варенье из райских яблочек было отменным.

Гуляли со мной еще на Горького, у памятника Долгорукому. На площади было голубиное царство – огромное море курлыкающих и клехтущих голубей. Людей голуби не боялись и настойчиво кланчили хлеб.

Возле дома на Петровке была сказочная булочная – в ней продавались калачи, с которых осыпалась мучная пыль. Конечно же, ели и «ручку», за которую держали калач в царские времена. Отсюда и пошло «дойти до ручки», то есть до крайней степени бедности. А советский народ ел – неужто выбрасывать такую вкуснотищу! В Филипповскую ходили за сайками, бубликами, рижским и заварным, пирожными и сдобными булочками. Московский хлеб был в то время прекрасен – впрочем, как и мороженое. Мы уже жили на Соколе, но все равно ездили в Филипповскую за любимыми калачами и бубликами.

Калачи, кстати, довольно скоро пропали. И кому они, интересно, мешали?

А бублики где?

Москвичи, конечно же, помнят прозрачные тележки с пломбиром в ГУМе, Пассаже и ЦУМе – тончайший вафельный стаканчик, а наверху шапочка шоколадного или ванильного мороженого с изюмом. Расхватывалось оно моментально – тележка пустела, и мороженщица резво ее увозила. Народ терпеливо ждал следующую. Работало это бесперебойно.

Мороженое московское тоже кануло в Лету. А про нынешний московский хлеб говорить просто больно.

За сыром и колбасой – конечно же, ходили к Елисееву или на Горького в «Диету». Что-то достать там можно было всегда, даже в самые скудные годы, естественно, отстояв огромную очередь. Был еще магазин «Сыр» – там же, на Горького. Но очередь меня не пугала – я обожала сказочный, похожий на королевский дворец, Елисеевский магазин. Бабушку не дергала – закинув голову, рассматривала разукрашенные потолки, бронзовые люстры, расписанные стены и портреты в золоченых рамах.

Помню еще крошечную пончиковую, смешной павильончик в

Столешниках, напротив – почти напротив – храма Космы и Дамиана. Домик в два окошка, а в окне инсталляция – столик, два кресла и куклы, тряпичные бабы, вроде тех, что сажали на чайник. Куклы пили чай – настоящий самовар, настоящая посуда и пончики из папье-маше. Внутри само производство, фритюрница, лента, по которой медленно ползли уже готовые пончики, а пышная, совсем как в окошке, тетушка быстро и ловко нанизывала их на круглую деревянную палку, вроде той, которой помешивают в баке белье на плите. В титане какао, два столика на высокой ноге – их называли «стоячки». Можно было купить и навynos. Тетка ловко кидала пончики в бумажный пакет, щедро сыпала сахарную пудру и – пожалуйста, приятного аппетита! Дух от жареных пончиков витал над Столешниками.

Жить не в центре считалось... не очень приличным, что ли. Кто жил на окраинах? Те, кто имел частные дома – на Преображенке, в Сокольниках, Гольяново – практически дачи. Ну и бараки – заводские, перенасыщенные народом – не всегда, кстати, трезвым и мирным. В частных домах удобств не было, а бабушка всегда гордилась удобствами. И смех и грех. Ржавая ванна с несмываемыми подтеками и обвалившейся плиткой. Про туалет уже было сказано. Но «до ветру» не бегали, это да.

Муж мой, к слову, родился на Плющихе, в старом двухэтажном доме. Так вот, там ни воды, ни газа, ни туалета действительно не было. Воду свекор – здоровый и крепкий мужик, профессиональный пловец, прошедший войну, – носил из колонки. Готовили на примусе и керогазе, и туалет – деревянная будка – стоял во дворе. Конечно, народ ходил в бани.

Мама училась в Армянском переулке, в 644-й школе, тогда еще женской. На первом этаже их дома была кулинария. Дальше по улице – рыбный магазин, а на левой стороне – китайская пагода чайуправления, из которой разносился запах только что смолотых кофейных зерен. Правда, не во все времена. Заходить туда было чертовски интересно – там тоже все было как в сказке.

В детский сад я ходила на Кировскую. Главная мука тех лет – лифчик для чулок. Застегивать его никак не получалось – мучились и девочки, и мальчики. Браво колготкам и тому, кто их изобрел.

Спустя целую кучу лет меня снова занесет на Кировскую – там, в доме Страхового общества «Россия», будет находиться скульптурная мастерская моего первого мужа. Мама в то время будет работать в ЦСУ, в статуправлении, в знаменитом доме гениального Ле Корбюзье – тоже на

Кировской. По Кировской, на Чистых прудах, я буду «выгуливать» свою непростую беременность.

Маму я часто встречала после работы – пошли, пошатаемся? Ну и шли гулять – от мрачноватого, коричневого здания ЦСУ в чайуправление, кулинарию, магазин «Свет», рыбный – что на углу. Магазин «Пуговицы», угловой гастроном и так до Дома фарфора. В нем всегда были огромные очереди. Помню, «напали» на кофейные чашки из костяного фарфора. Сейчас уже ни одной не осталось. Впрочем, что чашки...

А сейчас там пустота, ни одного человека, хотя товар восхитительный! Но в зале одни продавцы.

Вернемся в коммуналку на Петровке. Летом меня отправляли в выездной детский сад – тоже от ЦСУ, маминой службы, – в Пестово, Рузу. Хорошо помню деревянные бараки, раскладушки, эмалированные зеленые ночные горшки, остывшую манную кашу, ненавистный компот, в котором барахтались противные осы. Мы вылавливали их столовыми, жирными от супа ложками и пили, потому что нас заставляли.

От бесконечных дождей было холодно и сыро. Тоска. Помню, как сейчас: я стою у окна и жду маму. Воспитатели гонят меня, но я упрямо стою. Смотрю на раскисшую от непогоды дорогу. Реву. Мама приезжала каждые выходные – на попутных грузовиках. Привозила сладости, фрукты. Ночевала в каморке у дворника. Мы шли с ней в лес, и она меня кормила. Ревели при этом обе. И снова запах хлорки, сырое белье, ледяная вода в рукомойнике, ночные горшки, на которые нас высаживали в ряд: хочешь не хочешь, а сиди, так положено.

Летнюю садовскую дачу я, ребенок вполне общественный, ненавидела люто. По счастью, скоро родилась сестра, и мы начали ездить на съемные дачи.

Шестидесятые, Сокол

В шестьдесят пятом наша жизнь круто изменилась. Родители нашли удачный обмен. «С Петровки на Сокол, в квартире всего одни соседи, разве не рай?» – приводила разумные доводы мама. А бабушка отчаянно протестовала: «Ехать в такую даль? С самих Петровских линий? Пять минут от Большого театра и десять от Красной площади?» Но – уехали. Казалось, что преимущества неоспоримы. Рядом – Поселок художников, тихий и зеленый рай в огромном городе. Да и две комнаты – родителям и нам с бабушкой. И всего одна семья за стеной. Здорово, да? Оказалось – не очень. Соседи попались злобные и нечистые на руку – однажды я видела, как бабка Прасковья лезет руками в нашу кастрюлю с борщом – тянет оттуда кусок говядины. С тех пор без надзора на плите ничего не оставалось. С бабкой Прасковьей жила дочь Лизавета, старая дева, с лицом желчным, темно-желтым. От злости? Или болела? Всех эта Лизавета ненавидела, а меня, маленькую девочку, почему-то больше всех. Никогда не здоровалась – только цыкала вслед. Тихим и добродушным был только дед, муж бабки Прасковьи, но он рано погиб – выпил лишку, попал под электричку. Помню, как в коридоре стояла крышка гроба, обитая красным и черным сатином. Испугалась тогда я здорово – из комнаты долго не выходила.

Кухня была крошечной – метра четыре. Два стола, плита и раковина. Ели мы в комнате, за большим круглым столом. Большая комната была замечательной – светлой, квадратной, метров восемнадцать, с окном-фонарем во всю стену.

Бабушка долго не могла привыкнуть к новому месту. Ей казалось, что это почти деревня, загород, выселки – так далеко. А до центра, между прочим, было всего двадцать минут на метро. За продуктами она по привычке ездила «в город». Городом она называла, естественно, улицу Горького. Отстояв полдня в очередях, усталая, но довольная, разбирала свои авоськи – докторская колбаса, пошехонский сыр, вологодское сливочное масло и шоколадные конфеты – конечно же, от «Красного Октября».

Коммунальный быт был ужасен – кто спорит: общая кухня, ванная, туалет. Жизнь на виду – вот что самое страшное. Никаких тайн от соседей, ни грамма приватности. Сейчас и представить себе невозможно, как это так – очередь в туалет? Или – в ванную?

Конечно же, все мечтали об отдельной квартире. Но... Жили же как-то... Может быть, от кошмаров коммунального быта спасали светлые мечты – что когда-нибудь будет отдельная?

Счастливая мама тут же купила мебель – темно-красного, почти гранатового цвета, изящную и необычную – горка для посуды, длинный комод, стол и стулья. В эпоху «стенок» эта чудесная мебель была продана за копейки, о чем еще много раз пришлось пожалеть – сносу ей не было, настоящее дерево, а вид и по сей день был бы прекрасен и благороден. При этом по ходу пьесы она оттащила на помойку старинную бронзовую люстру, заменив ее польской с пластмассовыми разноцветными колпачками. Много лет спустя призналась, что вместе с люстрой на помойку было снесено ну очень старое зеркало в той же бронзе, поломанные настенные часы в футляре из сандалового дерева и ветхий (по словам мамы) ковер. Подозреваю, персидский или турецкий «пенсионер» с немаленьким стажем и богатой родословной.

Наша с бабушкой комната была совсем крохотной, семиметровой, но с балконом и кладовой. Кладовка стала моей личной территорией, там лежали игрушки, стоял кукольный домик.

На балконе бабушка выращивала цветы – желтые, красные и оранжевые настурции. Осенью собирала в баночку зеленые, очень пахучие шарики – семена – для последующей высадки.

В теплое время я обожала торчать на балконе – переговариваться с еще гуляющими подружками. Весь двор был как на ладони.

Да, это был настоящий московский двор – уютный, зеленый, закрытый, с палисадником, лавочками, качелями, крытыми верандами – на случай дождя. И с катком, который обязательно заливал при первом морозе вечно пьяненький и добрый дворник дядя Ваня. Зимними вечерами, еле дождавшись маму с работы, я брала коньки, и мы шли на каток.

Летом на лавочках сидели старушки, по двору прогуливались молодые мамочки с колясками. В палисаднике росли розовые и белые флоксы, и никто и не думал их обрывать.

Во дворе мы устраивали тайники и делали «секретики» – неглубоко, в маленькой ямке, укладывался фантик от конфеты, кусочек фольги, лучше цветной, листик или цветок, и все это «сказочное богатство» придавливалось цветным же стеклом. Красота была неопишная. Трупки погибших птиц собирали на заднем дворе и устраивали пышные похороны. Укладывали их в коробки, сооружали могилы, украшали их цветами и ветками. Это увлечение, к счастью, скоро прошло.

Играли в классики, в шандер, в города, в прятки и в казаки-

разбойники. Во дворе мы болтались целыми днями – это была особая жизнь, сейчас такой нет. Именно во дворах мы проходили боевое крещение – на верность, на честность, на дружбу. Там, во дворах, очень скоро всем становилось понятно и ясно: этот – трус, та – врушка, а тот – предатель! Ну а это – друзья. Дворовый кодекс чести был очень в чести – простите за каламбур. Двор был маленькой, крошечной моделью общества, мира, если хотите. Там и закладывались, закалялись характеры. Формировались личности.

В Поселке художников, на задворках, работала зеркальная фабрика. Возле нее ежедневно вырастала помойка с отходами – осколками зеркал и длинными дырчатыми лентами разноцветной фольги – малиновой, синей, зеленой. Из нее делали то, что сейчас называют пайетками. А раньше это называлось просто – «блестки». Это было большое богатство – длинные перфорированные ленты фольги и осколки зеркал. Что мы делали со всем этим добром – убейте, не помню! Осталось только в памяти, как, найдя, мы были счастливы безмерно.

Часто бегали к метро «Сокол» – за мороженым. Очень ценилось цитрусовое, желтенькое, по девять копеек – кисло и вкусно, а главное – дешево. Могло хватить денег и на два. У метро толстая тетка, замотанная зимой в кучу платков, притоптывая огромными валенками, орала на всю улицу: «Пирожки га-аа-рячие! С мясом, повидлом и рисом!» С мясом стоили десять копеек, с повидлом и рисом – по пять. Чаще всего хватало на рис и повидло. С мясом есть боялись – бабушка говорила, что мясо там «от не пойми кого» – может, кошачье, а может – собачье.

Шумные пестрые цыганки там же, у метро, торговали леденцовыми петушками на палочке – прозрачными, ярко-красными, очень соблазнительными. На петушки тоже было наложено вето – никогда и ни при каких условиях! Попробовать хотелось, но остерегались. В том числе и шумливых цыган. Утащат – и никто не найдет! Заберут «на мыло» – так нас пугали.

В нашем доме была прекрасно развита инфраструктура – на первом этаже располагались сберкасса, парикмахерская, ЖЭК, ремонт обуви и булочная. Туда мы бегали за «калорийками» по десять копеек – «загорелыми» плюшками, утыканными орешками, с изюмом внутри. За домом стояли автоматы красного цвета с газировкой. С сиропом – три копейки, без – одна. К автомату полагались граненые стаканы. Но частенько их не было – говорили, что воруют их алкаши. Потом мы сообразили бегать туда со своими кружками – брали одну на всех и не мучились.

Любимое развлечение – толкаться в огромном детском магазине «Смена». Пропадали в отделе игрушек, одежды и обуви. Помню, завезли туда роскошные кофты – желтые, розовые, голубые, производства Японии – такое вот чудо. Кофты были украшены вывязанными цветами. Не кофта – мечта! Канючила долго. Наконец мама, вздохнув, согласилась. Стоила эта красота безумно дорого – двадцать рублей, четверть зарплаты. И вот день счастья – встречаю маму после работы, под самое закрытие магазина. В магазине почти пусто – время к девяти, все уже дома. Замерла у прилавка – какого цвета выбрать? Мучилась страшно. Победил, конечно, салатový. До сих пор, наряду с зеленым, мой любимый цвет.

Мама уже пошла к кассе, и вдруг – дикий крик! Деньги украли! Когда? Как? В почти пустом магазине! Плакала мама, рыдала я. Мы ушли домой, и всю ночь я не спала – страдала. Очень страдала – пропала мечта.

На следующий день после работы мама принесла салатový мечту – деньги взяла в кассе взаимопомощи, в долг. Вот и было мне счастье!

Помню и первое сентября. В первый класс я пошла там же, на Соколе. Старая школа красного кирпича, за школой – густой яблоневый сад. (Сейчас в моей любимой 149-й расположился журнал «Коммерсант».)

В мой первый школьный день моросил мелкий дождик, было довольно прохладно. Но явственно помню праздник! Точнее – его ощущение: острое, незабываемое. В руках фиолетовые астры, чувствую запах горчинки. Белый фартук, новые туфельки, белые гольфы с помпончиками. Тревожно от неизвестности, страшновато, но – интересно. Все-таки новая жизнь! Спину оттягивал малиновый ранец с тетрадками, деревянным пеналом с ручкой и карандашами. У двери я оглянулась на маму – мама плакала и махала рукой – в добрый путь! Я очень боялась разреветься – уже скучала по маме и бабушке. Но через минут десять о них забыла – в классе было оживленно и весело, мы знакомились друг с другом, ерзали на деревянных прохладных скамейках, хлопали тяжелыми зелеными крышками парт. Осваивались.

Мне повезло с первой учительницей – она была именно такой, о которой можно только мечтать. Немолодая и синеглазая Ида Давыдовна учила нас не только правописанию и арифметике – она учила нас доброте и милосердию. Да и все учителя – ну, или почти все – в нашей школе были прекрасными. Например, литературу и русский нам преподавала Раиса Матвеевна Уткина, очень полная, рыжеволосая, густо конопатая. Говорили, что она – сестра поэта-фронтовика Иосифа Уткина. Наверное, именно она научила меня любить поэзию.

Математичка (имени не помню) – строгая, но не вредная. Билась со

мной, но безуспешно. С натягом ставила четверки – авансом. Аванс я так и не отработала и надежд ее вялых не оправдала.

Учитель по военному делу – фамилию, увы, не помню – фронтовик, с протезом вместо правой руки, с изуродованной половиной лица – осколочное ранение. Рассказывал про войну, просто про жизнь – да так, что мы, шумные и бестолковые, на сорок пять минут немели и застывали. Спустя много лет узнала, что он еще был и писатель. Писал о предвоенном времени, о своем поколении, об одноклассниках – из целого класса, ушедшего на фронт, уцелел только он.

Директор школы, Лидия Ивановна Воронина, статная белокурая красавица, строгая и справедливая, вела географию. На ее уроках было так интересно, что, услышав звонок, мы оставались на местах и просили «еще».

Англичанка Маргарита Николаевна – маленькая, кругленькая, очень смешливая. На ее уроках было весело – говорили только на языке, даже рассказывали анекдоты.

Моя первая школа была прекрасна – нам стремились дать знания, поделиться с нами жизненным опытом. Там не работали бездушные и косные учителя – каждый был личностью, индивидуальностью. Жаль, что в шестом классе я оттуда ушла.

С Сокола навеки остались подружки. Обе – Ларисы, Лорки. Все было вместе и всё на троих. Детская дружба, наверное, самая крепкая, самая верная и самая бескорыстная. Общаемся до сей поры, правда, нечасто: одна ныне во Франкфурте, другая – в Тель-Авиве. Но главное, что друг друга не потеряли.

В семь лет меня отвели к учительнице музыки – на прослушивание. Жила она в отдельной трехкомнатной квартире на Беговой, напротив Боткинской больницы. Квартира была роскошной – муж моей «музыкалки» служил скрипачом в большом театре. Сама учительница была немолода, пахла нездешними духами и шелестела необыкновенным шелковым халатом, расшитым райскими птицами. Звали ее Муза Николаевна. Ногтем с безупречным маникюром темно-бордового цвета она отбивала такты на крышке рояля и просила меня повторить. Не помню, было ли это успешно, но слуха тогда у меня не было точно. Она вздохнула и сказала бабушке, что пианистки из меня не получится, а вот слух мне она разовьет. Это у нее получилось – слух у меня теперь есть, далекий, правда, от абсолютного. Петь мне когда-то очень нравилось. Могу и сейчас, но без особого энтузиазма.

Занятия музыкой я не любила, но ездила туда с интересом – в пузатой стеклянной горке рядом с роялем было много чудес – фарфоровые фигурки дам и кавалеров, мальчики со свирельками, девочки с котятками, кареты и зонтики. Сказка. Было очень любопытно рассматривать Музины кольца и браслеты – они звенели, переливались и в солнечный день брызгали разноцветными слепящими искрами.

Естественно, родители купили пианино – в кредит. В большую комнату втиснули сверкающую черным лаком бандуру под названием «Заря». Возле него примостился черный крутящийся круглый стульчик – все было серьезно, по-взрослому. Ну и мучилась дальше – деваться-то было некуда. Осточертевшая музыкальная зубрежка как-то навела меня на мысль о членовредительстве, и верная Лорка притащила из дома бинт и замотала мне кисть. А потом муки продолжились еще на семь лет. После красавицы Музы была еще музыкальная школа у планетария, а потом я пианино закрыла. Точнее – захлопнула крышку со стуком. Раз и – навсегда. Эстафету передала младшей сестре.

В секцию фигурного катания меня отвели в общество «Динамо» – совсем рядом, под арку – тогда это было модно, как бы сказали сейчас – в тренде. В теплое время лед заменяли залом ритмики – все как в балетной школе: трико, забранные под ленту волосы, станок и зеркала вдоль стены.

Каток я любила больше, чем зал, наверное, потому, что всегда обожала морозец и снег, хорошую зиму. И уж точно заниматься фигурным катанием было куда веселее, чем долбить этюды Черни и Гедике.

Мои школьные подружки, близнецы Лорка и Инка, жили в отдельной квартире. А под их окнами, почти около подъезда, находилось кладбище. Вернее – его остатки. Чтобы быстрее добраться от метро, нужно было пройти сквозь него. А вскоре кладбище решили перенести. Обнесли его высоким забором, согнали солдатиков. Мы, освободившись после уроков, мчались туда, чтобы повиснуть на шатком заборе. Было страшновато, но интересно. Солдатики вынимали остатки гробов и останки людей – остовы скелетов, разваливающиеся части черепов, а мы, дураки, вглядывались, пытались разглядеть что-то интересное. Что, господа?

На месте этого кладбища соорудили, представьте, парк. Но популярностью он не пользовался – только если у местных алкашей и маргинальных парочек, ищущих уединения. Гиблое место.

Были, конечно, мечты. Я, например, мечтала о чешских белых ботинках для фигурного катания. Но стоили они ужасно дорого – рублей

двадцать пять. И однажды моя мечта сбылась – приехал какой-то незнакомый дяденька, по версии мамы, наш дальний родственник. Родственник почему-то пошел со мной и беременной мамой на каток в «генеральский» двор, внимательно наблюдал за моими экзерсисами, а потом и вовсе расщедрился – купил мне в «Смене» эти самые белые чешские коньки за двадцать пять рублей. Я удивилась такой щедрости и вниманию, вопросительно посмотрела на маму, а она беспечно махнула рукой: купил – и радуйся! Родственник все-таки. Родственник этот оказался моим отцом, но это поняла я чуть позже, сопоставив некоторые факты своей биографии и семейной истории.

Конечно, мы тайно влюблялись. Например, в старшекласников и в хулиганов. Критерии были такие – или красавец, или отпетый двоечник. Иногда совпадало. В меня был влюблен главный хулиган района – Димка Турчинин. Уже в те годы у него не хватало зубов – видимо, были потеряны в драках. Он мне не нравился, но было приятно находиться под его защитой.

Там, на Соколе, в Поселке художников, в старом роддоме номер шестнадцать, у меня родилась младшая сестра. Помню, как бегала туда после школы – весна, тепло, и мама в окне – мы машем друг другу. Помню и свою страшную гордость – младшая сестра была только у меня, и ни у кого больше. Коляску с младенцем покатать доводилось не всякому – проходили строжайший отбор и фейс-контроль. Не шутки же, право слово, – любимый младенец.

На лето снималась дача – непременно. Наплевать на кредит за инструмент, наплевать на мамин декрет. Дача должна быть – и точка! Как девочки будут проводить лето в пыльном и душном городе? Невозможно. В основном жили в комнатухах на втором этаже – первый был значительно дороже. Валентиновка, Зеленоградская, Ильинка. Шаткая лестница, две комнатки под покатой крышей – в одной мы с сестрой и бабушка, а в другой – родители. Под лестницей, на табуретке, двухконфорочная плитка, подключенная к газовому баллону, – отдельной кухни, конечно, не было. Баллоны на газовых пунктах меняли родители. И там, на этом квадратном полуметре, бабушка моя, вечная труженица, варила борщи, жарила котлеты и даже пекла пирожки. И, конечно, варила варенье.

Воду приходилось таскать из колодца. Родители приезжали на выходные, в пятницу. Сначала на электричке, потом на машине. Мы с сестрой ходили на «большак» их встречать. Скучали по ним очень. Да и к

тому же – подарки и вкусы были гарантированы. Правда, с бабушкой вольницы было побольше.

Обязательно имелось озеро или пруд – тогда в подмосковных водоемах купаться было не страшно. В Зеленоградской озеро было глубокое, с очень холодной водой, и мальчишки переплывали его на спор, выпендриваясь перед нами, девчонками. А еще помню бесконечное гороховое поле, темный и влажный грибной лес, сухие, залитые солнцем земляничные поляны.

По выходным обязательно приезжали гости, родительские друзья. И начинались шашлыки, анекдоты и песни под гитару. Мы, дети, жадно ловили взрослые разговоры. Особенно я прислушивалась к разговорам «за политику». Понимали, что родители чем-то не очень довольны, громко и обреченно вздыхают, что-то критикуют и над чем-то грустно посмеиваются.

Помню, что испытывала большое удивление – я искренне и довольно долго считала, что мне несказанно повезло – родиться в самой свободной и самой прекрасной стране на свете. Ведь там, в далеких Америках, живут бедные и несчастные люди! Голодают безработные, дети-бродяжки рыщут в помойках в поисках еды. А мы, мы же счастливы! Нам выпало родиться именно здесь, в Советском Союзе!

Для счастливого детства не важен политический строй. Для счастливого детства важны семья и любовь. А обо всем остальном мы стали задумываться куда позднее. Нам, детям, душно не было – душно, наверное, было нашим родителям. Ну, а мы до поры пребывали в неведении. Нам было счастливо и хорошо.

Жизнь и вправду была прекрасна – счастливое детство! Двор, любимая школа, подруги. Мороженое и пирожки, каток, на каникулы абонемент в кинотеатр «Ленинград», где очень рано – в восемь утра – шли прекрасные сказки Роу. Вставать не хотелось – на улице холодно и совсем темно, но вставали и бежали. Это был праздник. А еще дача и море на каникулах. Мама, папа, сестра и любимейшая бабушка. Кукла Зоя – не немецкая резиновая с открывающимися глазами и блестящими, «настоящими» волосами, нет. Пластмассовая, лупастая, «нашенская» Зоя с негнуцимыми ногами и приличной плешью на голове. Похожая, как две капли, на свою тезку – продавщицу из овощного. С таким же стервозным и глупым лицом. Но – любимая, наверное, из жалости.

В августе уезжали в Бердянск, на Азовское море – к бабушкиной сестре. Трехкомнатная квартира в самом центре непонятным образом вмещала немыслимое количество народу – кроме нас с сестрой и бабушки,

туда съезжались внуки бабушкиной сестры из Мурманска, Минска и Ленинграда. Все дети спали в одной комнате – на кровати, диване, раскладушках.

В шесть утра наши бабушки, родные сестры, тогда еще – статные, полные сил и бодрости духа красавицы, отправлялись на базар. И после семи заступали на вахту. Борщи в огромных кастрюлях, смахивающих на баки для кипячения белья, компоты, тазы котлет и жареных бычков – «бичков», если по-местному, чебуреки, пирожки, пончики. Бадейки с кукурузой – пшенкой, как ее здесь называли.

Из крана лилась соленая вода, готовить на ней было невозможно. Питьевую воду привозили во дворы на машинах, и выстраивались очереди с бидонами, ведрами и баками. В местной воде только стирали.

По вечерам в выходные во двор привозили кино. Мы рассаживались на шаткие скамейки и ждали, пока механик повесит на ржавую опору тряпичный экран. Аппарат скрипел, кряхтел, визжал и ломался. Пленка рвалась. Фильмы были старыми, даже древними. Новые – за деньги в кинотеатрах, пожалуйста! А тут – халява, тут даром.

И все равно была радость.

Рядом, под окнами, раскинулся «центр-парк» – парк имени Отто Юльевича Шмидта. Цветущие и душистые розы, сладкая газировка в стеклянных конусах, мороженое. Иногда по выходным в парке играл духовой оркестрик. Некоторые пары отваживались танцевать. По вечерам под нашими окнами гудела центральная танцплощадка. Спать не давала, но мы не расстраивались. Завидовали тем, кто там «зажигал», нас не пускали – соплячки.

Городок этот мы обожали. В свободе нас не ограничивали и перемещения наши не отслеживали. К чему? Было тихо, и никогда ничего не случалось. Минуты две от дома – центр, с базаром, бульваром, набережной и прочими радостями в виде кафешек, молочных коктейлей, соков и булочек. Кинотеатры – на каждом шагу. Фильмы – индийские, мексиканские, аргентинские – идут без перерывов, билет стоит десять копеек. Деревянные лавки, хруст семечек, переговоры и обсуждения – в голос. В кино мы бегали раза два на дню. А то и по три.

Почему-то было много кондитерских – кофе, конечно же, из титана – и торты! Об этих красавцах стоит рассказать отдельно. Торт на витрине, как правило, был мощным, огромным – на три или пять килограммов. А украшен – нет слов! Таких украшений, такого обилия крема, таких пышных роз, пионов, георгинов, сирени на московских тортах я не помню. А буйство красок: огненно-красные, ярко-желтые розы, оранжевые,

фиолетовые гиацинты, бордовые георгины, белые и красные пионы. Фантазия безумного кондитера, поклонника импрессионизма, не сумевшего осуществить мечту стать художником?

Торт нарезался в продажу кусками. Есть его было страшно, честно, главное, не думать об этом как о съедобном – так, инсталляция.

На пляж собирались бесконечно шумно и долго – такая орава! Долго и тщательно складывали сумки с фруктами – виноградом, персиками и грушами. Как же заморенным детям без витаминов, о чем вы? По дороге на пляж местные старушки торговали семечками и кукурузой, и мы начинали кланяться у бабушек. Нас не останавливало то, что дома уже сварена целая лохань. Нет, мы хотим сейчас и эту! Бабушки наши в конце концов сдавались, и мы хватали горячие початки и натирали их крупной каменной солью. Кукуруза была очень плотной, почти безвкусной, мясистой и жестковатой – ни в какое сравнение с нынешней, сладкой и нежной. Но вкуснее той кукурузы не могу представить. На пляже всегда было много народу – негде расстелить полотенце. Мы строили что-то из песка, неохотно заходили в море, а потом еще более неохотно из него вылезали – это называлось «до синих губ». Бабушки растирали нас полотенцами и совали в руки по «фруктине». С пляжа шли медленно – от солнца и воды уставали. Обедать нас загоняли – а есть совсем не хотелось, тем более после винограда, сладких персиков, кукурузы. Но бабушки были неумолимы – не дай бог, дитя похудеет! Хотя бы – на грамм.

Фотография тех лет под названием «Завтрак». На переднем плане – тарелка, скорее – миска. Именно миска – не мисочка! А в ней – рыночный творог. Вернее – гора творога. Масса на полкило, и никак не меньше. И все это великолепие полито жирными сливками (процентов, думаю, сорок, не меньше; меньше на рынке просто не было), приправлено клубникой или другой «фруктиной», присыпано орешками – для калорийности, а еще для чего? А за миской – ребенок. Несчастный ребенок шести лет от роду, то есть я. На лице моем, тогда еще – на личике, – гримаса отчаянья, страха и боли. Как это съесть? Немыслимо. Еще на лице ужас от предчувствия рвоты. А съесть надо! Иначе... Мама в этих вопросах не уступала. Ребенка требовалось откормить. Привезти в Москву эдакой... пышкой. Булкой румяной. Отрадой для глаза. Чтоб родня хвалила, соседи завидовали, прохожие всплескивали руками – красота-то какая!

Ну и мама старалась. А я – я страдала. Потому что еще будет обед, за ним полдник, а следом и ужин.

Есть я тогда ненавидела. Но – приучили! Это претензия к маме.

Обвиняю и настаиваю – виновата она. Я тут вообще ни при чем.

Летом я ездила в лагерь. Лагерь от маминой работы находился там же, в Пестово, на Рузском водохранилище, где был когда-то тоскливый и жуткий мой выездной детский сад. В целом лагерную жизнь я приняла – проблем с коммуникацией у меня не было, подружками я обрала моментально, любила принимать участие во всяких смотрах и постановках, но условия проживания там были воистину дикими. Например, барак, где мы жили, никогда не отапливался. А холодных и дождливых дней в Подмоскovie достаточно. Помню, как мы с девочками мерзли и никак не могли уснуть – надевали на себя все имеющиеся кофты, брюки и свитера. Страшно, до кровавых ран, зажирали нас комары. Из средств защиты была одна «Гвоздика» – одеколон с мерзким, неистребимым запахом. Да и то, я думаю, это был миф. Воняла она возмутительно, а комарам было, похоже, по барабану. Тошнило от нее только нас.

Но самое страшное в лагере – туалет. Деревянный барак с дырками в полу. Хлорка шибала в нос и глаза – до слез, до тошноты. Хлорки никто не жалел. Ну и никакой интимности, приватности, уединения – все в ряд, как курицы на жерди. За тоненькой и щелястой стенкой – мальчишки. Подглядывают, ржут, улюлюкают. Дебилы.

Баня бывала раз в неделю – маленькая, тесная, душная. Нас торопили – на очереди был следующий отряд. Про все остальное никто не задумывался – что неплохо было бы, в принципе, принять душ и произвести процедуры личной гигиены, хотя бы раз в день. Зато зорко следили за чистотой не только помыслов, но и ног! Ноги – главная часть «организма», как грустно шутил наш вожатый. Ноги мы мыли ежедневно в обязательном порядке. Прямо на улице располагался длинный стальной и бесконечный, метров на десять, «ногемойник» с ледяной водой. Там же чистили зубы. По желобу текла и пенилась серая вода с островками зубной пасты и мыла.

Еще один детский кошмар – утренние линейки. Сонные пионеры, мечтающие о теплой подушке, покачиваясь, с полузакрытыми глазами, стояли в ряд и отдавали салют. Гордо поднимался флаг, – а уж возможность его поднять считалась особой привилегией, это надо было еще заслужить. В столовой нас ждали блин остывшей манной каши и крутое яйцо. На ужине мы воровали хлеб и посыпали его крупной солью – съедали уже в постели перед сном.

В выходные приезжал автобусик с посылками. Родители присылали нам печенье, вафли, карамельки и яблоки. На все остальное почему-то

было наложено строгое табу. В палате (так назывались наши «светелки») все это сваливалось в одну кучу и моментально съедалось.

Бывали еще и родительские дни. Приезжали родители с судочками, баночками, мисками и кастрюльками, уводили нас в лес, и там начиналось! Мы, разумеется, ни от чего не отказывались – оголодали. А что творилось с нашими животами назавтра...

Из хорошего были кино, танцы, редкие походы в лес и на озеро. Военная игра «Зарница» – это, скорее, из разряда смешного. Целая постановка с действиями – готовилась она долго, серьезно. Короче – войнушка. Ладно мальчишкам все это было интересно, а нам, девочкам? Перебежки, окопы, заложенные мины – не навоевалась еще наша страна?

Правда, имелось довольно много кружков – по вязанию, шитью, рисованию и лепке. Еще устраивали походы и картошку – посиделки возле костра, с разговорами и запеканием в золе этой самой картошки, которую неохотно давали, вернее, поштучно выдавали толстущие повара.

Костер на рассвете – это романтика.

И, конечно же, именно в лагере случались первые влюбленности и даже романы. Это происходило на танцах, их ждали все! Порядок был такой: день – кино, день – танцульки. Девчонки стояли у стенки и ждали, когда их пригласят. Мальчишки делали вид, что им по барабану всё – и танцы, и девочки. Самые смелые танцевали. Остальные глупо хихикали и толкали друг друга локтями. Девочки из старших отрядов менялись нарядами и воровато пользовались косметикой. Если вожатые засекут подкрашенные ресницы – неминуем скандал. Девуцу клеймили позором и даже могли отправить домой. Но, конечно же, смелые продолжали «наводить красоту».

Делали мы и песенники – это была отдельная тема. В толстую тетрадь, обязательно в дермати́не, записывались песни – желательно ровным, красивым почерком. Дальше – на что хватит фантазии и поделочного материала: вырезки из журналов, цветные карандаши, акварельные краски, цветы из открыток, фотографии знаменитых актеров. Песенники хранили как зеницу ока, ими хвалились, гордились, устраивали негласные конкурсы – у кого лучше. Песни переписывались.

Но как бы интересно в лагере ни было, домой все равно хотелось. Очень хотелось. Хотя думаю, что наше поколение – это поколение детей общественных, корпоративных.

В те годы было принято переписываться со сверстниками из соцстран – Болгарии, Польши, ГДР, Румынии. Где мы находили их адреса? Убейте, не помню! Кажется, был какой-то журнал, где и печатали адреса

иностранных детей, жаждущих переписки со сверстниками. У меня история получилась другая – в поезде, по дороге на любимый курорт, я познакомилась с девочкой. Сразу было понятно – по каким-то приметам, в виде эластичной ленты на волосах и предметов туалета – девочка эта не наша. Разговорились, и точно – оказалась полькой, из Варшавы. По-русски она говорила прекрасно – полькой была только мать, а отец – из того самого городка на Азовском море, куда мы с ней направлялись. Конечно, мы обменялись адресами, и началась переписка. Как-то вечером, под самый Новый год, раздался звонок в дверь. На пороге высокий мужчина, весь в снегу – на улице метель, не видно ни зги, фонари за окном едва различимы, виден лишь слабый и желтоватый их отблеск. В руках у мужчины большая коробка.

– Это вам! – объявил он и, наотрез отказавшись войти, передохнуть и выпить чаю, исчез. Нам, ошарашенным, оставалось только растерянно попрощаться.

В комнате открыли подмокшую от снега коробку, а там – торт! Огромный, вафельный, шоколадный. Красоты неземной! Сверху замок из шоколада, шоколадные же фигурки, по-моему Кот в сапогах. И приложено письмецо от моей польской подруги – с Рождеством Христовым!

Знать бы еще, что это – Рождество? Про Ленина знаю, про Брежнева тоже. Про революцию. И про войну. А вот Рождество...

Прекрасный был сюрприз, неожиданный, вкусный, красивый.

Ели мы этот торт дней пять – такой он был огромный. Ну и подружек школьных позвала – вместе порадоваться.

Конец шестидесятых – начало семидесятых

В конце 60-х мои родители уехали за границу. С собой взяли только младшую сестру. Я осталась в Москве – в маленькой азиатской стране не было русской школы. Эти три года были наполнены тоской по сестре и родителям и еще – очень счастливой жизнью с бабушкой.

По субботам мы «гуляли» – торт-мороженое в картонной коробке с желтыми и розовыми украшениями. За отсутствием морозилки торт надлежало съесть весь и сразу. Что говорить – снова «свезло».

Часто на выходные я уезжала с ночевкой к друзьям родителей на Хорошевку. Жили они в двухэтажном особняке, построенном пленными немцами сразу после победы. Ох, и сейчас я не отказалась бы проживать в этом самом домишке – чудный, двухэтажный, он был рассчитан на четыре семьи: две квартиры на первом этаже и две на втором. Деревянная, крепкая, темного цвета лестница. Камин почему-то в прихожей. Из кухни – холодная кладовка метров на пять. Собственный палисадник с сиренью и жасмином. Неплохо, правда? И зачем эти чудесные дома снесли? Простояли бы они наверняка не один десяток лет. А вместо них построили типовые панельки – скучные, как понедельники.

С подругой Машкой мы возились в палисаднике – варили куклам обеды, укладывали их спать и купали в старом тазу. У Машки была «немка» Стелла, с ресницами, волосами и в кружевных трусах. У меня – моя верная, жизнью потрепанная, очень советская Зоя. Был в их семье и незнакомый предмет под названием тостер. Про такие штуки никто тогда и не слышал. В тостере Машкин отец поджаривал бородинский хлеб, и по всей квартире разносился восхитительный запах. Мы усаживались у телевизора и поедали подсоленные черные гренки. А по ночам трепались с Машкой о жизни. Я что-то бесконечно выдумывала, а доверчивая подруга верила в мои бредни.

Перед сном мне хотелось плакать: Машка с папой и мамой. А я? Наутро спешила домой, к бабушке.

Родители вернулись через три года. Мы встречали их в Шереметьево, и я вглядывалась в толпу, стараясь скорее увидеть сестру и маму. И вот вышла мама и всех ослепила! У меня замерло сердце – какая же она красавица! И как я соскучилась! Помню огромные бирюзовые серьги, плавно покачивающиеся в ее ушах, и коричневый замшевый плащ. Пахло от нее восхитительно – это был не только запах французских духов и

нездешней, заграничной жизни – это был запах мамы.

Первая ночь после приезда, включен только ночник. Я сплю на диване с сестрой, крепко ее обнимаю. В голове проносится мысль – как же я счастлива! За столом мама и бабушка, которые никак не могут наговориться – почти три года разлуки. А возле дивана – коробки, пакеты с подарками. И самое главное – целая сумка жвачки! Мама и сестра наконец-то рядом. На стуле висит красная кожаная юбка – подарок. На тумбочке – тоненькое колечко с бирюзинками. Мое! Первое золотое колечко. Мама купила его в аэропорту за четыре доллара. Господибожемой, счастье! Какое же счастье!

Есть и еще одна новость. И, увы, не самая приятная. Родители заработали на кооперативную квартиру, а это означает, что с Сокола мы уедем во вполне обозримом будущем. В общем, меняется вся жизнь. Переворачивается. Все теперь будет другим: школа, двор, учителя, подруги.

И как я это переживу? Пока – ждем. Ждем, когда построят наш новый дом. Новый дом, «у черта на куличках» – по бабушкиным словам, в новом районе на юго-западе Москвы. Раз в месяц ездим туда – посмотреть, как идет стройка. Идет. А куда она денется? Считаю этажи – чем выше, тем меньше мне остается привычной жизни на старом месте. Грустно и хочется плакать. Бабушка тоже восторгов не разделяет – снова выселки, снова даль. Правда, метро, но до него еще надо дойти! Прорваться, пробуриться, дошкандыбать. Все перерыто, перепахано и разрыто, сплошные траншеи – строительство, новый район.

И было все это, кстати, еще лет тридцать назад.

Многие годы мама моя «прорывалась» к метро, как сквозь чащу, – в резиновых сапогах. В пакете были модельные, в метро она торопливо переобувалась.

Новая квартира, Юго-Запад

Наконец, въехали в новый дом. Там уже вовсю шел ремонт – переклеивали обои, циклевали паркетные полы и перекладывали кафельную плитку.

Мама бегала по магазинам – шторы, светильники, мебель и прочие радостные и «украшательные» штучки. Она вила свое первое гнездо.

Рады были все: наконец-то закончилась коммунальная эпопея – у нас будут свой туалет, своя ванная и своя кухня, и никто не залезет грязными лапами в кастрюлю с борщом.

Тосковала одна я – как я буду без своих девчонок? Без любимых учителей? Без катка во дворе? Без кинотеатрика «Дружба», что в десяти минутах ходьбы, в который мы правдами и неправдами пробирались на фильмы «детям до шестнадцати запрещено»? Без парка, где мы зимой катались на лыжах? Без Поселка художников, где прошло мое детство и который я знаю как свои пять пальцев. Без всего того, к чему привыкла и без чего, как мне кажется, я просто не смогу дальше жить.

Еще года полтора после переезда каждое воскресенье я ездила в старую школу и любимый двор. А потом привыкла – и ничего. Дети быстро приспособляются. Квартира, конечно, оказалась нам раем: три комнаты – родительская, бабушкина и наша с сестрой.

На обоях в нашей комнате живут лукавые гномы. Мой письменный стол стоит у окна. Я смотрю в окно и вижу лес и овраг, занесенный снегом. За оврагом и лесом мелькает, вспыхивает огнями широкий Ленинский проспект – нечастые машины сливаются красными огоньками сигнальных фонарей.

Бабушка ворчала, что мы забрались на кудыкину гору и доехать до нас невозможно – больше никто к нам в гости не приедет! Глупости – гости прекрасно добираются до нашей «кудыкиной». Но у нас пока почти нет магазинов – только на первом этаже соседнего дома в двухкомнатной квартире лавка, как ее называет бабушка. В лавке продают хлеб, прогорклое темно-желтое масло сомнительного вида и качества и такую же колбасу грязно-серого цвета. Колбасу и масло заворачивают в толстенную коричневую бумагу – почти картон.

Всем, кроме хлеба, мы брезговали, и бабушка продолжала два раза в неделю за продуктами ездить в «город» – на Горького, в «Диету» или к Елисееву. Магазинов в новом районе не было долго – года три наверняка.

Я пыталась привыкнуть к новой школе, но там все чужое – настолько, что я горько плакала по ночам. Мне там активно не нравилось. И если бы не моя Танька...

Самое время сделать небольшое отступление, поговорить о женской дружбе. Мне смешно слышать, что женщины не умеют дружить. Жалко тех, кто уверен в этом. Пример «вечной» женской дружбы – моя мама и ее подруги. Они вместе семьдесят пять лет, с первого класса!

И я не мыслю жизни без подруг, без моих любимых «девок». Сколько бессонных ночей, разговоров и откровений. Сколько поддержки – моральной, душевной. Постоянное ощущение нутряной, отчаянной близости, снятой шкуры, уверенности, что нечего стыдиться, что тебя точно поймут. И никогда не попрекнут твоей слабостью, страхами и ошибками. Никогда не припомнят того, за что тебе стыдно и горько.

А те, кому не повезло, – что ж, значит, не тех друзей выбирали.

Точная фраза – подруг много не бывает. Приятелей, друзей – пожалуйста! А вот подруг...

Девочки мои, Ленуся и Танечка! Спасибо вам за терпение! За помощь – любую – спасибо! Спасибо за верность, за честность. За то, что в самое-самое сложное время, когда жить не хотелось, в самый непроходимый мрак вы были всегда рядом! Вы были тактичны, безмерно добры и... увы, страдали вместе со мной.

Дружбе нашей так много лет! Сорок шесть с Танюлей. Полных тридцать – с Ленусей. Вы руки мои – правая, левая. Любимые соавторы моей жизни. Будьте только здоровы!

Юлька, Натуля, Олесенька, Валерочка! Я вас люблю, и вы это знаете!

И я знаю точно – что если... Да не дай бог! Но – вы всегда будете рядом.

Но вернемся к нашей истории.

Учиться в новой школе мне быстро расхотелось, не было никакого желания вовлекаться в учебный процесс. И иногда мы позволяли себе сбежать с четвертого или пятого урока. Маршруты были такие – кинотеатры «Казахстан» или «Звездный», сладкие слоеные язычки с газировкой там же, универмаг «Москва» на Ленинском – так, поглазеть, магазины «Варна», «Власта» и «Ванда» – волшебный мир социалистических и дружественных нам стран.

Деньги иногда были – Танькин дед баловал любимую внучку или меня родители радовали. У кого были, на те и гуляли, никогда не считались. Покупали блеск для губ, дезодорант или духи – ну, на что хватало.

По выходным ездили в центр, на Горького. Вождеденными местами там были кафе «Космос» и «Московское». В последнем было совсем круто – там собиралась модная студенческая тусовка: коктейли, черный кофе, пирожные. Мороженое в «Космосе» было красивым и вкусным, подавалось оно в вазочках или высоких фужерах-креманках.

Попроще было кафе «Север» – публика туда заходила разная, не только «джинсовая», вождеденная, студенческая. Да и попасть туда было проще – в «Космос» и в «Московское» стояли огромные очереди.

Класе в восьмом к нам пришли немцы – в нашем районе были построены дома от гэдээровского торгпредства и посольства, а вот школу для немецких детей построить еще не успели, задержали. В каждом класе их оказалось человека по три или больше. Мы смотрели на них, как на инопланетян. Дружить с немцами было почетно и круто. Многие очень старались. Но только не мы. Нам с Танькой и друг с другом было неплохо. Тем, кто приблизился к немцам, конечно же, перепадала какая-то мелочь, очень ценная для советского подростка, – ластики, карандаши, что-нибудь из косметики или сладостей, например «резиновые» конфеты.

Потом «наши» немцы кое-что смекнули и развернули торговлю. Бизнес довольно быстро был налажен, и дело пошло – немецкие комсомольцы и пионеры с синими галстуками торговали поношенными джинсами, майками, обувью и прочим личным барахлом. А наши радостно все это скупали и за ценой не стояли. Всем хотелось чего-то яркого, модного, заграничного.

Сабина, немка из нашего класа, оказалась человеком открытым и добрым – ну совершенно русская душа. Иногда она привозила нам, близким приятельницам, тем, кому симпатизировала, что-нибудь из Германии. Так что проблемы нарядов как-то решались. Еще было принято меняться. Поносишь какую-нибудь шмотку и – поменяешься с подружкой. И у нее обновка, и у тебя.

И потом, мы были такие юные, такие стройные и прекрасные, что не тряпки нас украшали, а мы их. Чистая правда!

Кстати, в десятом класе наша Сабина родила ребенка от мальчика из соседнего класа. Скандала не было – роды пришлись на самый конец учебного года. Наши скандалить не решились – ну раз уж немцы молчат! Помню, зашли мы к Сабине навестить ее после роддома. А в доме радость! Не горе, а счастье! Бабушка с дедушкой носят с младенцем, внучкой Наташкой. И все улыбаются.

Главной мечтой советского подростка были, конечно же, джинсы. На

все остальное было наплевать, но... джинсы! Мама дорогая! Это была мечта.

Марки мы знали три – «Ливайс», «Ли» и «Вранглер». «Ли» были попроще, а «Ливайс» и «Вранглер» – за пределами возможного!

Стоили они баснословных денег – от ста пятидесяти рублей и выше. А это месячная зарплата, между прочим. И не самая маленькая. Так что оставалось только мечтать. Джинсы носились по многу лет, по пять или больше.

Кстати, первые джинсы я купила на втором курсе, скопив несколько стипендий. Было это так – мой приятель, одноклассник, взял меня к очень важному человеку. Дело это было опасное – для нас и самого хозяина. Впускались только свои. Хозяин был фарцовщиком. Подозреваю – достаточно крупным. Из чего я сделала этот вывод? Квартира его была наполнена товаром. От пола до потолка стояли коробки, пакеты, ящики и мешки. Ну, просто пещера Али-Бабы, не иначе!

Хозяин понимал, что студенты – народ бедный, почти нищий, и пришли «за одним наименованием», он так и сказал. А потому он особенно и не старался – был сдержан, надменен и все время смотрел на часы. В квартире царил полумрак.

– Джинсу, – коротко бросил мой друг и грозно добавил: – Чтоб не фуфло!

В смысле – не барахло какое-нибудь, не подделка.

Хозяин окинул меня опытным взглядом, вздохнул, пошуровал в загашниках и наконец вытащил.

Они были великолепны, эти портки! Темно-синие, местами белесые, а главное – с рыжей кожаной оторочкой на карманах и молнии.

– Рупь с полтиной, – небрежно бросил хозяин.

То есть – сто пятьдесят. А у меня в сумке ровно сто сорок. Десятка – огромные деньги! Может, уступит?

И началась торговля – долгая, утомительная, нудная. Ну и сторговались. По-моему, мы просто очень надоели хозяину. Он, кстати, здорово нервничал – видимо, ждал крупную рыбу – сома или щуку, а нас, пескарей, презирал.

– Ладно, хрен с вами! – раздраженно бросил он. – Навару с вас, шелупони, никакого! Одни потери.

Выходя из подъезда, мы столкнулись с парой – пышная, красивая дама в роскошной шубе сияла бриллиантами. Респектабельный мужчина тщательно проверял дверцы бежевой «Волги» – надежно ли закрыты?

Мы с приятелем переглянулись – переживать за фарцовщика, видимо,

не стоило.

У многих в те времена был «свой» мясник, «своя» косметичка, «своя» тетка в билетной кассе, «свой» автомеханик и «своя» девочка в галантерее.

Они и были «хозяева» жизни – те, кто мог достать, отovarить, вынуть из-под полы, повернуть, обменять. Банщик в Сандунах был важнее профессора, так он себя ощущал. И к банщику, и к автомеханику, и к хорошей парикмахерше, и к кассирше в театральных или авиакассах все шли на поклон: актеры, ученые, писатели и врачи.

Блат – чисто советское изобретение: полезные знакомства, связи в обход общепринятых правил. И было это противно.

Ну, а у кого таких полезных знакомств не было? Выкручивались как могли. Голь, как говорится, на выдумку хитра.

Все тогда умели вязать и шить. В доме тканей на Ленинском покупался дешевый материал, как правило, черного цвета. Выкройки девчонки перерисовывали на кальку и передавали друг другу. Кроили и – вперед! Тогда были модны клеши от бедра. И даже я, человек, далекий от портняжного дела, шила себе эти «от бедра» за пару часов.

Шили мы и ситцевые юбки «слоями», украшая их полосками кружев. А еще кофты-«распашонки», тоже из пестрого, с цветочками, очень дешевого (пятьдесят три копейки за метр) ситца. Вырез обшивали кружевом, подкрашенным в чайной заварке. Кружево получалось кремовое, цвета топленого молока. Потом пришли юбки-бананы. Выкройку брали из «Бурды».

Хуже было с обувью – то, что предлагал отечественный легпром, было кошмаром. Иногда «выкидывались» польские или чешские башмаки. А главным трендом был немецкий «Саламандер», «Саламандра», как его называли. Фирма существует до сих пор, я как-то зашла в их фирменный магазин. Стало смешно и грустно – эта унылая стариковская обувь (фасоны и дизайн почти не поменялись) казалась нам когда-то верхом элегантности и совершенства.

Была еще такая штука, как «Березка». В смысле – магазин. Там было много прекрасных товаров – от нижнего белья и косметики до дубленок. Но продавалось все это волшебство за валюту. Точнее, за чеки. Было и такое извращение. Чеки платили гражданам, работавшим за пределами родины. Чеки были разные – полосатые и бесполосные. Вторые считались самыми крутыми – платили их тем, кто «отбывал срок» в капстранах. На полосатые же можно было купить товары попроще, да и выбор был пожиже.

Чеков у нас почти не было – на них после заграникомандировки купили

машину, давнейшую мечту отца. Но кое-что все-таки оставалось. Помню, как мама купила мне куртку – темно-синюю, болоньевую, стеганную мелкими стежками, на молнии и с капюшоном. Оказалась она всесезонной – легкой, теплой, непромокаемой.

Поскольку мы жили вблизи Ленинского проспекта – а это правительственная трасса, – нас часто сгоняли встречать. Кого? Да кого придется! Кто сподобился приехать к нам с важной миссией. В основном глав разных стран – Африки, Востока, соцлагеря. Помню, как встречали генерала Бокассу, а позже узнали, что этот друг Советского Союза был людоедом. С уроков снимали не только нас, подростков, в наших нестройных рядах были и студенты, и служащие. Школьники принимали это за счастье – снимают с уроков! Да и служащие, и студенты, думаю, были рады не меньше, чем мы. Наша задача заключалась в том, чтобы выстроиться вдоль проезжей части и махать бумажными флажками дружественной страны. Ну, мы и махали! Демонстрировали радость.

Представьте – плотная людская стена: Ленинский – самый длинный проспект столицы, простирается от Окружной до Октябрьской. Сколько согнано народу? Сколько людей сорвано с рабочих мест, лекций, уроков? Да наплевать! Дан приказ – и мы машем! Завуч кричит, срывая голос и пытаясь нас всех собрать, вернуть после мероприятия на уроки. Потом, отчаявшись, чапает к гастроному – магазины на Ленинском хорошие, а вдруг удастся что-то достать? А мы, ленивые балбесы, конечно же, счастливы.

Вот такие курьезы и маразмы соцсистемы. Теперь это кажется нелепостью, бредом и сюрсом. А тогда это была просто жизнь. Обычная жизнь. Советская.

Класс у нас собрался неплохой – «врагов» и стукачей я не помню. Все мои одноклассники были из семей примерно одного достатка – за редким исключением. Дома почти все кооперативные. А кто тогда мог себе это позволить? Преподаватели вузов, научные работники, дипломаты, торгпреды и, конечно, работники торговли! Однажды одноклассница – дочка директора ювелирного магазина – пригласила меня в гости. Там я и обомлела – «богатая» мебель, в лаке и завитушках. Три цветных телевизора (обычно тогда было по одному и не больше – и то далеко не у всех). Удушливый запах кошатины. Куча ковров – на стенах, полах и диванах. Хрусталь, хрусталь и снова хрусталь. В хрустальных ладьях – горы шоколадных конфет – да каких! – такие у нас только по большим

праздникам, только в заказах. А тут! Одну развернула – белая, «заиндевовшая», твердая, как кирпич.

Хозяйка махнула рукой:

– Да не едим мы все это! Надоело.

– А зачем лежат? – удивилась я.

– Для красоты! – ответила мне, непонятливой, моя одноклассница.

И все же моя новая школа любимой не стала. Учителя были... обычные, довольно посредственные, без «огня». Имелись, конечно, исключения – например, учительница по литературе Татьяна Николаевна. Сильная англичанка – Тамара Васильевна.

Любимая тема пожилой исторички – съезды компартий. Об этом она могла рассказывать часами, упиваясь цитатами из «дорогого Леонида Ильича». Естественно, ее никто и не слушал – все занимались своими делами. А она искренне расстраивалась и удивлялась:

– Вам что, правда, неинтересно?

Мы дружно вопили:

– Не-а!

И она начинала плакать. Горько так плакать...

А мы – естественно, ржать. Дети – народ жестокий.

Случилась однажды у нас дикая история. В классе девятом, если не путаю, наши одноклассники влюбились друг в друга. И девочка прекрасная, и мальчик замечательный. Мы относились к этому снисходительно и с пониманием. И вот экскурсия с классом в Ясную Поляну. Счастью не было предела – день весь не учиться! Погуляли по парку, посетили музей. Перекусили. На обратном пути заехали в Тулу, купили знаменитые пряники для подарка родным и поехали домой. Путь не близкий, все устали, вечер, темно.

На заднем сиденье автобуса сидели наши влюбленные. Она у него на коленях. Наверное, целовались и обнимались. Нам что за дело?

Классная наша, сухая и строгая химичка, смотрела на это с большим осуждением. А на следующий день разразился скандал. Классная назначила собрание – внеочередное, вроде срочного классного часа. Мы нехотя остались – страшно неохота было сидеть еще час в душном классе, очень хотелось на волю. И началось – пришла завуч. С гневной речью выступила наша химоза – заклеила влюбленных позором, кричала про разврат, бесстыдство, позор и кошмар. Потребовала исключения ребят из почетных рядов комсомола. А чем грозила потеря комсомольского билета

накануне поступления в институт? Всем понятно – без шансов. Учились наши «любовники», кстати, прекрасно. Сидели они ни живы ни мертвы. А остальные? Кто-то так и не вышел из оцепенения, большинство равнодушно занимались своими делами.

Слово взяла комсорг класса – кстати, совсем неплохая девчонка. И тоже принялась клеймить и обличать.

Никто – никто! – из нас не поднялся и не решился сказать: «Вы что, обалдели? Что же такого страшного, ужасного они сделали, что вы подвергаете их остракизму? Ну, сидела Таня на коленях у Толи! Ну, целовались. И что?»

Не встал и не защитил никто! Вот почему? Мы же прекрасно понимали весь бред происходящего! Прекрасно понимали, что ничего ужасного они не сделали. Сами мы уже всю целовались по подворотням. Нам было сначала дико, а потом даже смешно слушать весь этот бред. Мы очень хотели домой. Стыдно за это по сей день. Не могу забыть.

И снова маразмы тех лет...

Не разрешалось носить сережки, даже самые скромные, да других просто не было. И косметика не разрешалась, и лак. И мальчишкам нашим мерили волосы линейкой – а модны тогда были длинные, «под битлов».

А однажды случился на корабле нашем бунт – мои одноклассники обрились наголо, все как один. Такой вот протест.

В десятом мы дружно выщипали брови – мода такая была, брови в «ниточку». Ну и огребли – тоже по полной. Конечно, за пределами школы все красились, покуривали, пили вино. Надевали каблуки и брюки «от бедра». Но только за порогом родного учебного заведения.

А значительно позже, лет через семь после того, как мы окончили школу, она волшебным образом преобразилась – преподавать историю был приглашен Алексей Венедиктов. Тот самый, главный редактор «Эха Москвы».

У него училась и моя младшая сестра. Помню, как она пришла домой и сообщила (без восторга, надо сказать), что Алексеич – так они его звали – велел выучить Мандельштама и Гумилева. Слава богу, книги эти у нас дома были. Мы с мамой переглянулись.

Вместе с Венедиктовым в школу пришли еще несколько молодых учителей-мужчин: физик, литератор, математик. Они были полны энтузиазма, сил и прекрасных стремлений. Ходили с ребятами в походы, устраивали вечера поэзии, бардовской песни. Ставили спектакли. Как много дали они своим счастливым ученикам, как многое объяснили. Что

говорить – повезло.

Воспоминаний о детстве много. Много хорошего, есть и плохое. И все же – чудесное свойство памяти – стирать негатив.

Отлично помню частые выезды с родителями в лес за грибами и на рыбалку. Складной столик и стулья, которые никогда не вынимались из багажника машины. Мы мотаемся вокруг стола и выклянчиваем пирожок или кусок хлеба – проголодались. Мама тщательно сервирует походный обед – миски с котлетами и салатами, термос с чаем, печенье, испеченное накануне.

В лесу звенит прохладный осенний воздух. Между почти уже голыми ветками серебрится легкая, прозрачная паутина. Небо голубое, без облачка, чистое, но холодное, отстраненное, конец сентября. Разноцветье осенних листьев – оранжевых, желтых, бурых, карминных. Пахнет влажной грибницей, прелыми листьями, лесом и мхом. Немного подмерзли в резиновых сапогах ноги, гудят над ухом последние комары, и еще очень хочется спать – подняли нас возмутительно рано, в шесть с небольшим. И это, представьте себе, в воскресенье!

Майские праздники. Прохладно и даже холодно – особенно по вечерам. Мы едем в охотхозяйство к отцовскому другу, километров за сто или больше. Хозяин небольшого охотничьего домика, скорее избушки, с восторгом объявляет, что «пошли сморчки». Что такое сморчки, мы не знаем, но идем в лес вслед за ним. Видим под елками совсем необычное и смешное – вроде бы и грибы, а по виду – и нет. Нечто сморщенное, скукоженное, изрытое извилистыми бороздками, похожими на глубокие морщины. Собираем полное ведро. А вечером ужин – сморчки под сметаной. Изысканнейшее блюдо – нежный, духовитый запах и чудный, чуть сладковатый вкус.

После походов в лес мы дружно чистили грибы на нашей маленькой кухне. На плите уже кипел большой чан, куда мама закидывала «продукт». А запах стоял такой, что кружилась голова.

Ездили мы и на рыбалку – недалеко, на Нару, километров за шестьдесят. Брли с собой походную кастрюльку, треногу, картошку, лук и морковь. Попадалась, конечно же, мелочь – плотва, карасики, уклейки и голавли. Но уха из них, да еще и на природе, в лесу, была сказочной. По дороге в деревенском магазине покупали теплый местный серый хлеб – в простонародье «кирпичик». Вот и шла эта нехитрая ущица с теплым «кирпичиком» – ох, красота!

Новый год – конечно, самый любимый из праздников, особенно в детстве. Пахнет елкой, которую мы только вчера нарядили. Свежая елка была обязательно – никакого пластика, никогда. Пахнет мандаринами – за ними три часа отстояла наша несчастная бабушка. Пахнет и свежим огурцом – да, да! Достали один, и тот отправляется в салат, в оливье! Нет, не достали – купили на рынке. Цена бешеная, но – Новый год!

Ждем гостей. Пахнет пирогами – с капустой и с мясом. Сладкий уже под полотенцем – под неусыпным взором бабушки, не дай бог нам отщипнуть, отломить! Сладкий – это маковый рулет с изюмом. И, кстати, мак этот тоже пришлось доставать! Гости не входят – шумно и весело вваливаются, стряхивая с сапог и пальто снег. Узкий коридор завален обувью и одеждой – вешалка буквально обрывается. Все, что на нее не помещается, сваливают в нашу с сестрой комнату на кушетки.

Женщины пахнут духами, сверкают сережками, кольцами, мелькают голые плечи. Мужчины при галстуках и, кажется, тяготеют этим. Скатерть белая, парадная. Фужеры чешские, хрустальные.

Бабушка без сил, но бодрость духа не утеряна – в нашем доме любят гостей. Работает телевизор, и перед боем курантов все почему-то замирают и внимательно слушают осточертевшего всем генсека. Что нового он скажет? Да понятно, что ничего! И все же – все замерли.

Глупые люди! Мне кажется все это смешным.

Но праздника это не омрачает ни на минуту, потому что сейчас будет весело и вкусно, а завтра под елкой мы найдем подарки. И еще – наутро мы станем доедать то, что осталось от праздничного стола!

Если, конечно, что-то останется...

А впереди каникулы – целых десять дней. А это означает, что будут походы в театры, кино и на вечерний каток в Лужники, где катаются под «Мишель» «Битлз» и очень популярную тогда «Шизгаре» группы «Шокинг блю». А еще – кавалеры, кадreja и круги вдоль арены.

Еще можно будет бесконечно слушать пластинки с любимыми «Цветами» Стаса Намина и Пугачевой.

И, конечно, мечтать о любви.

И будут наши вечерние прогулки с Танькой по району и поедание мороженых болгарских персиков из картонной коробки. Зубы сводит, а вкусно – лучше любого мороженого.

Дача летом – тоже счастье. И ничего, что не своя. Наплевать, что вредная хозяйка без конца повторяет, что мы с сестрой топаем как слоны. Дура. Тогдашние мы – абсолютные нимфы, воздушные и невесомые.

На даче у нас компания – соседские мальчишки от четырнадцати и

старше. Мы с подругой Машкой влюблены в тех, кто старше.

Дача – это походы в лес и на речку, костры по вечерам, игра в «Кинга», гитара и местная библиотека, в которую я записана с самого начала сезона. В библиотеке – ветхом деревянном домике – пахнет пылью, книжной прелью и затхлостью. Но для меня это самый вкусный, самый родной и любимый запах. На столике стоит вазочка с полевыми васильками, их аромат смешивается с запахом сладких духов «Ландыш серебристый», которыми пользуется библиотекарьша. В стакане кипятильник – она заваривает чай со смородиновым листом.

Я стою на шаткой лесенке и выбираю книги. Больше двух в одни руки не дают – об этом предупреждает суровый плакат, но у меня здесь блат, я могу взять три и даже четыре. Горячо благодарю строгую и милую тетеньку и тороплюсь домой – на улице дождь, красота! Сейчас я устроюсь на кровати со скрипучей панцирной сеткой, укурюсь потеплее и – счастье пришло! Я буду читать! Читать и похрустывать яблочком – удалось парочку стырить, сорвать в огромном хозяйском саду, пока шла от калитки.

Зимой, в выходные, особенно если везло с погодой – солнечный, морозный денек или ранний весенний, – ездили по Подмоскovie, в музеи, бывшие усадьбы: Абрамцево, Кусково, Мураново, Архангельское, Ясную Поляну, Клин.

Больше всего я любила Архангельское, бывший дворец Юсуповых. Тогда еще был открыт и сам дом. Помню, как скользили войлочные безразмерные тапки на гладком, словно каток, наборном паркете, и я представляла себя юной красавицей-княжной на балу. Был прекрасен и парк со скульптурами, беседками, гротами. Хорош он был в любое время года – под белоснежным снегом, под одеялом опавших разноцветных листьев, под изумрудно-ярким летним газоном.

Счастье – это поездка в Таллин к любимым тетушке и дядюшке, к сестре. Выезжали мы рано утром – очень рано, часов в пять. Ужасно хотелось спать. В машине мы с сестрой дремали, прислонившись друг к другу. Но бабушка спать не давала – распевала романсы. А слух у нее... а голос! Китайская пытка. Просим ее замолчать, а она – опять запекает. Точнее – скрипит. Потом объяснила – не из вредности, боялась, что отец уснет за рулем.

Нет, спать не дадут – начинаем глазеть по сторонам. И все вокруг интересно! Снова полная сумка дорожной провизии, но мы канючим, что хотим в кафе. В кафе можно только в Эстонии – в наших родимых пенатах будут и хамство, и остывший суп, и деревянная котлета, и муха в компоте. Стол будет вонять мокрой тряпкой – все как положено и как всегда. А

можно и травануться – очень даже легко!

В Эстонии, даже в придорожной забегаловке, было чисто, ароматно и вкусно. И еще – никакого, представьте, хамства – только прохладная сдержанность. Нам подавали яичницу с ветчиной – красиво и вкусно, темный хлеб с тмином и кофе – настоящий, ароматный, со сливками. На столе вазочка с булочками – с сыром, с вареньем, с изюмом.

При расчете кассирша (касса у двери) вяло спрашивала: «Булочки брали? Сколько?» Не пересчитывала – верила нам на слово. Мы переглядывались и думали: «А у нас? Кто бы поверил на слово? И кто бы не спер пару булочек?»

Таллин мы обожали и неплохо в нем ориентировались – Старый город, Вышгород, новый район Мустамяэ, где жила наша родня. Пили кофе в маленьких кафешках, ели пирожные со взбитыми сливками, гуляли по бульжной мостовой, заходили в крошечные чудесные лавочки – вот где красота. Серебряные украшения, с янтарем и без, льняные салфетки с вышивкой, шерстяные изделия – от рукавиц и шапок до свитеров и пальто. В одном магазинчике видели странную штуку – варежки для яиц. Пестренькая, миленькая и маленькая (размером с детскую руку) рукавичка с фестончиками. В голову лезло что-то совсем неприличное. Мама, еле сдерживая улыбку, поинтересовалась у продавщицы – зачем?

– Яйца греть!

Теперь в разговор вмешалась я, а мама выкатилась из лавочки, согнувшись пополам в приступе смеха.

– В каком смысле – греть? – продолжала настаивать я. – А других способов нет?

Белокурая Брунгильда вступать в диалог была не намерена – тяжело вздохнув, произнесла, чеканя каждое слово – для нас, дебилов:

– Яйца, – тут пауза, в пару секунд, – сварили? Ну и надо – греть! Чтоб не замерзли и не остыли!

Теперь на улицу выскакиваю я – в приступе смеха.

А как было интересно в лавочках кузнецов с чугунными изделиями – щипцами, пепельницами, подставками для зонтов. А еще обожали магазинчики с керамикой, художественные салоны с картинами и картинками.

Из Таллина мы привозили замечательные вязаные свитера и варежки – не для яиц! Керамические вазочки изумительного рисунка и, конечно же, местный бренд – салаку и шоколадные конфеты фабрики «Калев».

На обратной дороге останавливались в Ленинграде – Русский, Эрмитаж.

На пару дней – больше неловко. В Ленинграде близкой родни у нас не было, только знакомые.

Летом, если мамин отпуск выпадал на июль, ездили в Юрмалу. Ехать в августе было опасно – погода могла подвести. Но и в июле везло не всегда – море бывало холодным, серым, погода ветреной. Зато много парков, кафешек и магазинчиков – у нас таких нет. Ездили в Ригу – послушать орган в Домском соборе и просто пошататься по узеньким улочкам – вот красота!

А в общем, наша жизнь была обычной. Так жили десятки и сотни тысяч наших соотечественников в Москве, Питере, Калуге, Саратове – на всем просторе огромной империи под названием СССР.

Всегда немножко не хватало денег – скорее на удовольствия или прихоти. Но удовольствий в Стране Советов было немного!

Конечно, хотелось посмотреть мир, иметь красивые тряпки и обувь, кассетный магнитофон и хорошую косметику. Читать те книги, которых не было в продаже и которые мы доставали всеми правдами и неправдами. И это были не обязательно авторы запрещенные, диссиденты, противники режима. Нельзя было достать ни Цветаеву, ни Мандельштама, ни Булгакова. Вернее – нельзя было купить! А достать в Союзе можно было все и всегда, это правда. Помню, как умоляла своего приятеля, сирийского студента, купить мне в «Березке» Булгакова. И помню свое счастье и восторг – до остановки дыхания, – когда зеленый том очутился в моих руках.

Ходили в театры – в «Современник», во МХАТ, в Вахтангова.

Помню, как женщины торопливо, смущаясь и оглядываясь, переодевали в фойе прихваченные из дома нарядные туфельки. А замызганные сапоги сдавали в гардероб. У зеркала поправляли прически, подкрашивали губы, одергивали скромные блузки. Трогательно. И буфет был доступен. Дороговато, конечно, но бутерброд и стакан лимонада – пожалуйста.

В ТЮЗе и Центральном детском я пересмотрела все спектакли до одного.

Билеты, кстати, распространяли в школе, и стоили они сущие копейки. Помню воскресные походы в зал Чайковского на лекции по музыке. Мы покупали абонемент и слушали чудесную Виноградову. Был у меня абонемент и в Пушкинский музей – тоже в лекторий. А в Третьяковку мы с удовольствием ходили сами.

Для сравнения – в этом году свекровь моей сестры решила показать

внукам Большой театр. Долго копила на билеты, долго пыталась их купить. И в итоге – три билета в разных местах, разумеется, не партер – далеко не партер! – и цена – двадцать девять тысяч рублей. Комментарии, как говорится, излишни.

Люди в то время не переживали о возможных материальных потерях – какие потери у нищих? На их сберкнижках болтались жалкие три рубля. Но какая-никакая уверенность в завтрашнем дне все же была. Медицина оставалась бесплатной, хотя благодарность врачу приветствовалась: конфеты, духи, хорошая книжка. При дефиците и ограниченных возможностях порадовать и отблагодарить было несложно. Врачи наши гениальные в тогдашних нищенских условиях выкручивались как могли. Инструменты берегли словно зеницу ока, при помощи «бинта и зеленки» творили чудеса. А вот если немного отвлечься от того времени и поговорить про медицину сегодня...

В столичной клинике, в отделении хирургии – гнойной, заметьте! – шестьдесят восемь коек. Стоят они в том числе и в коридорах – таких отделений в столице наперечет. Шестьдесят восемь больных – ампутированные конечности и так далее. А в перевязочной нет чистых пеленок! Ну нет – и все! Спрашиваю у перевязочной сестры – та машет рукой:

– Да что вы, какие пеленки? На все отделение выдают десять штук!
Дальше, пожалуй, не будем, чтобы совсем не впасть в уныние.

Я далека от мысли, что в советское время все было прекрасно. Конечно же нет. Атмосфера была тяжелая, душная. Изоляция от всего мира ощущалась, и как! Мы были фантастически неизбалованны и терпеливы. Мы были страшно закомплексованы, зашорены, вечно напуганы. Мы всех боялись и считали врагами.

Мы понимали, что жизнь наша скудна, однообразна, сера и почти бесперспективна, и, как никто, умели радоваться самому мизерному, малому, за что нас поднимали на смех. Мы знали, что живем в загоне, как в детском манеже – посадили, и все, так и сидите. Мы бесились от того, что нами так распоряжаются – нашими жизнями, нашими судьбами. За нас все решали. И еще нас учили гордиться успехами нашей страны. Правда, успехи эти в обыденной жизни не всегда были заметны...

Но все-таки было и то, чего сегодня отчаянно жаль. То, что безвозвратно ушло и утеряно. Например, бескорыстные, открытые и доверительные отношения между людьми! Дать деньги приятелю под

процент? Да бог с вами! Разве кому-нибудь это пришло бы в голову? Пригласить переночевать нового знакомого, транзитного пассажира, с которым ты только что познакомился в поезде? Да легко! А потом приехать к нему в городок на море и подружиться на всю долгую жизнь. Позвонить ночью другу и попросить о помощи? Запросто! Тут же приедет. И не упрекнет, что разбудили, и что потратился на бензин, и что завтра рано вставать.

Помню, как мама после работы встречалась с подружкой. Гуляли по центру, заходили в магазины, болтали. Могли пойти в кино или в театр – на лишний билетик. Многим ли сегодня это придет в голову? Только бы добраться побыстрее до дому, только бы рухнуть в постель.

Частые гости – тоже примета того времени. Сейчас так часто мы, увы, не собираемся, хотя и квартиры побольше, и даже дома. Грустно.

Тоски по тем временам нет. Есть тоска по молодости, по молодым и здоровым родителям. И вот думаю – как же неважно, мягко говоря, сейчас, если то застойное, тухловатое, в общем, время мы так часто вспоминаем с умилением и тоской!

Семидесятые, юность, любовь

Первую любовь ничего не омрачит – никакие трагические события в виде беременности или предательства. Романтическая первая любовь, глупая, смешная и – прекрасная, – как и положено. Омрачила ее только разлука – показалась она катастрофой. Вселенской, всеобъемлющей, непобедимой. Но – ничего! Мы переживем, пройдем через все испытания. Вместе пройдем. Детская наивность, помноженная на детскую же полную глупость. А ведь была девочкой книжной! Казалось бы – какие примеры!

Лето, дача. Тогда это была станция Зеленоградская. Снимали всегда там, где жили друзья родителей – огромная и шумная компания. По выходным – шашлыки, кулебяки с капустой, преферанс у мужчин, разговоры у женщин.

Друзья родителей, их компания, были тогда еще совсем молодыми, веселыми, шумными. Рассказывали анекдоты, пели под гитару песни. Хотя проблемы у всех были. Кого-то не брали на работу – например, из-за «пятого пункта», то есть национальности, неугодной отделу кадров. Кто-то маялся от тоски и скуки в пыльных кабинетах научно-исследовательских институтов. Кто-то не мог «протащить» свой проект – никому это не было нужно. Кто-то резко менял сферу деятельности – зарплаты не хватало, надо было кормить большую семью. Кто-то корпел над диссертацией, чтобы получить лишнюю десятку к зарплате. Всем осточертело «гоняться, доставать, рвать из рук и просить». Было это было унижительно, отнимало кучу времени и здоровья. Осточертело слышать бодрые отчеты о наших успехах, обрыдло перманентно наблюдать «заслуженных» пенсионеров на телевизионных экранах. Слышать фальшь, вранье, задорные речовки и наткаться глазами на бодрые и лживые лозунги.

Везде были нормы – они, эти нормы, и решали нашу судьбу. Например, квадратные метры жилья. Их полагалось определенное количество – семь метров на человека. В 80-е норма была увеличена до девяти. А если чуть-чуть перебор – не будет квартиры, свободен!

То же было и с земельными наделами – шесть или восемь соток, не больше. Да и дачки полагалось строить по норме – не выше двух этажей, не больше положенных квадратов. Могла прийти комиссия и разобраться.

А из чего собирали те дачки... Кто что успел – стырить, достать, договориться с рабочими. Помню, как наши приятели на даче сами соорудили камин – роскошный камин, выложенный облицовочной плиткой.

А скоро поползли тревожные слухи – грядет проверка!

Ну и раздолбали от страха этот камин своими руками и своим молотком. Останки камина вывозили по ночам – не дай бог обнаружиться.

Но – справедливости ради – квартиры давали и участки давали.

Основным девчачьим занятием на даче (у меня – в перерыве между книгами, великом и кокетством) было изготовление бумажных кукол. Делалось это так: из картона вырезалась кукла – точнее, ее силуэт – руки, ноги, волосы и лицо. Ноги, конечно, длиннющие. Волосы – пышные. Руки – изящные. Потом рисовалось лицо – огромные глаза, рот сердечком, бровки домиком, носик уточкой. А дальше мы наших кукол одевали. Вырезали им платья, кофты, брюки и юбки. Шляпки, пальто, плащи и курточки. Шубы. Раскрашивали наряды карандашами, фломастерами. Вот, собственно, и все. Да! Имелась коробка, как правило, из-под обуви. В ней хранились наряды картонных красавиц.

Наряды не только придумывались – они еще и срисовывались. Была в нашем поселке одна модница, известная оперная певица. Заходила она к нашим мамам, и мы нагло садились напротив – копировать ее брючные костюмы, джинсы и сабо. Тогда таких нарядов ни у кого и в помине не было.

Спустя много лет из книги ее бывшего зятя, известного пианиста, мы с ужасом узнали, что певица эта на пару с мужем, известнейшим скрипачом, нелегально перевозила бриллианты и даже наркотики. А пока эта несравненная красотка демонстрирует публике свои тряпки, бриллианты и машину – «фольксваген-жук».

Мальчишек в поселке было полно – от пятнадцати и старше, уже вполне взрослые, студенты. А вот девочек почему-то было мало – или просто нам повезло. Ребята – московские, разбитные, уверенные в себе, дети дипломатов, врачей, артистов – разбирались в современной музыке, читали модные книги и затягивались в узкие джинсы. Днем катались на велосипедах, ездили в лес, на озеро, на станцию за мороженым и сигаретами. Никакого спиртного – даже пива. И в голову это не приходило. Хорошие были детки, неиспорченные. Был в нашей компании мальчик, наверное самый скромный и самый приличный. Не разговорчивый, не балагур. А спустя много лет этот мальчик разговорился – да как! Стал известнейшим журналистом, историком, автором собственных программ.

Однажды прочла в его интервью, что в юности на даче он был влюблен в одну девочку. И девочка эта на спор могла взять в рот крошечного, едва вылупившегося лягушонка. Назвал эту лягушачью дуру

своей первой любовью. Мальчика этого звали Леня Млечин. А девочку-дуру... Ну все понятно. Дурой этой была я.

Мальчик, в которого я была влюблена, зеленоглазый, со смоляными кудрями, отличался от других. Всем отличался – во-первых, жил на Сахалине, в маленьком городке Холмске. Заканчивал школу – старший брат учился в МИФИ в Москве. А там, в Зеленоградской, в собственном доме жила их бабушка. Мальчик играл на гитаре и чуть хриплым голосом, подражая Высоцкому, пел песни – что могло зацепить пятнадцатилетнюю девочку сильнее? Был спортивен, лучше всех плавал и по большей части помалкивал – это придавало его образу загадочности и мужества. Думаю, он просто терялся на фоне нагловатых и уверенных в себе москвичей. Но виду не подавал, это точно, и долго с прищуром смотрел вдаль, мечтая о морских походах.

Все лето мы провели вдвоем – ходили в лес, валялись на поле в стогу свежего сена. Уединялись – просто сбегали от нашей компании. И, конечно, строили планы – такие же наивные, как и мы сами.

В августе он уезжал. Почему-то в тот день я оказалась в Москве, оттуда и поехала на вокзал, чтобы проводить его в Домодедово.

Опаздывала, села не на тот поезд, приехала в город Домодедово, а не в аэропорт, страшно расстроилась, поревела, но успела, добралась. Каким-то чудом нашла его в огромном здании аэропорта, мы бросились друг к другу, рыдали, клялись в вечной любви и обещали ежедневно писать письма. Его милые и скромные родители тихо стояли в стороне, боясь нам помешать. Помню, как возвращалась домой, чувствуя себя умудренной, много чего повидавшей и испытавшей женщиной. О-хо-хо! Наивная девочка – все испытания были еще впереди! Как славно, что я об этом не знала!

Писали мы друг другу действительно часто, еженедельно. Я заканчивала девятый класс, а он – последний, десятый, признавались друг другу в любви, которой, казалось, не будет конца. Тогда я и начала писать стихи. К концу учебного года все это как-то чуть отошло, мысли были заняты другим – поступлением в вуз. Начались занятия с репетиторами, гонка за аттестатом. Писала я своему мальчику реже. Он, кажется, тоже – помню не очень. Но дал знать, когда сбылась его мечта – он поступил в мореходку во Владивостоке. «Владике» – как он писал.

А мне это было уже не так интересно.

А потом наша переписка и вовсе оборвалась. Но я была уже так далека от того жаркого лета, от песен под гитару, от клятв, поцелуев в душистом и колком стогу, шумного зала аэропорта и наивных печалей.

Студенчество захватило, закутило и завихрило. Новые люди, новые

истории. Веселая, беспечная студенческая жизнь – вспоминается только хорошее, да.

Мы, дети из интеллигентных московских семей, были отчасти снобами – читали запрещенные книги, любили неофициальную поэзию, пели бардовские песни, бегали в театры, ездили в полуразрушенные клубы на окраине Москвы. Помню такой старый и ветхий клуб в каком-то запущенном парке на Преображенке, ездили туда смотреть «Осень» Андрея Смирнова. И были поражены в самое сердце, увидев любовь, совсем не похожую на советские отношения мужчины и женщины. Слушали «Битлз» и «Лед зеппелин», пили горький кофе в кафе «Адриатика» – моднее и круче ничего не было. Копили на настоящие джинсы, и дешевый кассетник был нашей мечтой.

Мы были ироничны и даже циничны, но это, скорее всего, было напускным. Мы оставались в душе романтиками, слушая Окуджаву, Визбора, Галича, читая Маркеса и Кортасара, Аксенова и Фолкнера. Бегали на Грузинку в секцию графиков, чтобы посмотреть работы Кандаурова, Рабина, Калинина, Плавинского – огромное вольнодумство, прорыв по тем временам. Завороженно слушали, как поет Высоцкий.

Мы были начитанными, в меру образованными, смело судили и горячо спорили. Самые смелые из нас хотели эмигрировать. Многим это удалось, и жизнь там у многих сложилась. Позже все поняли – дело не в месте. Точнее – не только в месте. Дело еще и в тебе самом.

Мы хотели жить как-то по-другому, но не очень представляли себе – как.

Мы не были диссидентами – ни мы, ни наши родители. Мы просто хотели оставаться людьми при любых обстоятельствах. Хотели быть счастливыми.

Мы были увлечены своими личными историями, своими романами, своей компанией, и скучно нам не было.

В Танькиной семье была роскошная по тем временам библиотека. Спасибо ее замечательному, чудесному папе – именно там я прочла всю классику, от русской до зарубежной. Ну а мама моя была отчаянной поклонницей поэзии, как и многие люди ее поколения. Именно мама научила меня понимать стихи. В доме нашем было много поэтических сборников.

В Лужниках, на спортивной арене, на предприятиях, в научных институтах проходили Дни поэзии – поэты читали свои стихи. Помню, как мамин ближайший друг, большой знаток литературы, повел меня за кулисы. И – восторг! – я увидела Ахмадулину, Евтушенко, Вознесенского, Юнну

Мориц, Евгения Рейна. Они подписали мне сборник, который я храню по сей день. Реликвия.

Были на вечере Окуджавы в каком-то научном институте. Я видела своего кумира на расстоянии вытянутой руки, и сердце замирало от восторга и нежности. Он главный герой моего поколения. Его песни мы знаем наизусть и поем всегда, когда собираемся вместе. Он отвечает на наши вопросы и просит в своих стихах и песнях «быть людьми». Думаю, что стали мы ими в том числе и благодаря ему. Более простой, тонкой и нежной лирики у нас нет и не было.

Никогда не забуду, как смотрели на Таганке «Гамлета» с Высоцким. Мы сидели на галерке – нас кто-то провел – высоко, далеко, но видела я его отчетливо. Спектакль еще не начался, а Высоцкий, весь в черном, уже сидел на дощатом полу сцены в обнимку с гитарой – маленький, трогательный и трагичный человек. Почему-то сжималось сердце. От предчувствия, что ли? Почему так пахло бедой?

А в 78-м в Москву приехала «Бони-М». Вот это было событие! Билет достали один, и тот по огромному благу – приехали они тогда впервые, еще первым составом. Одна я ходить не люблю, но отказаться было невыносимо! В зале многие вставали, хлопали в такт и танцевали. Так завести наш закомплексованный и стеснительный народ! Это ж надо уметь!

Вот певцы сбежали в зал – это была их «фишка». Охрана, дяденьки в одинаковых серых костюмах и с такими же серыми и одинаковыми лицами, напряглись и подались вперед. Но – все обошлось, и народ наш, приплясывая и подпевая, был искренне счастлив.

Тогда же, в те годы, я прочла «Архипелаг Гулаг» Солженицына в самиздате. Страшно было читать, страшно было и после.

Если все это – правда, то как с этой правдой жить дальше? Потрясение было огромным.

Может, тогда и закончилось детство?

У всех нас были девчачьи мечты. Мои ровесницы наверняка вспомнят.

Колготки «Дедерон» производства ГДР – плотная сеточка, шов не ползет, если сразу прихватишь иголкой. Цена запредельная – семь семьдесят кровных рублей. Но носятся долго, что правда, то правда.

Лак для ногтей, эмаль транспарантная, Польша. Что значит «транспарантная»? Да черт его знает! А цвет замечательный, розовая пастель.

«Дермакол» производства ГДР – тональник, или крем-пудра, очень плотной текстуры. Лицо под ним становилось как японская маска –

матовое, гладкое и бархатистое. Но дышать коже этот крем не давал, воздух не пропускал. Вот так мы и мучились. Помада перламутровая, бледно-розовая, производство польской фирмы «Полена». Ходила шутка: «Полено» – советской женщине».

А как все хотели иметь замшевую юбку на пуговицах и с фестонами – коричневую, терракотовую, зеленую, синюю. Кожа свиная, грубая, но...

И еще кофту-лапшу. Тут вариантов масса – полосатая скромница на шнуровке, однотонная со стоечкой, длинный рукав, короткий, на молнии и на кнопках. Самое «то» – с рукавом-фонариком. Это было «ваще»!

Журнал «Кругозор» – с голубыми мягкими пластинками.

Ну и по мелочи: в моде были пластмассовые брошки-вишни для украшения платьев и кофт, бархатные или кожаные ободки для волос. Я, кстати, такой шила сама.

Недосягаемая греза – сережки с жемчужинками, золотые, цена сорок пять рублей. На худой конец – серебряное колечко с фианитом.

И самое главное – трусики-«неделька». Семь штук, белый трикотаж с ненавязчивым трафаретиком. Счастье...

На выпускном у нас выступал Кобзон. Наверное, были какие-то разнарядки на подобные выступления. Спел пару песен, и его сменила Галина Ненашева. Нас, конечно, такая музыка не привлекала. Помню, что всем показалось, что у Кобзона покрашены губы.

В пять утра мы решили поехать на дачу к Димке Шебалину, внуку известного композитора.

Сели на Кунцевском вокзальчике и, полусонные, вышли на перрон. Димкина дача находилась на знаменитой ныне Рублевке, той самой Николиной горе.

Тогда это было обычное место. Мы плескались в Москве-реке, днем купили какой-то еды в магазине, пару бутылок сухого вина и продолжили праздновать окончание школьного рабства.

Потом мальчишки играли в футбол, и вместе с ними мяч гоняли младший Михалков и Адабашьян, тогда еще никому не известные.

И вот мы стали студентами. Гордились этим ужасно. В первый раз в анатомичку я зашла без особого трепета. Даже конфету не выплюнула – бравировала своей невозмутимостью. Латынь, на удивление, давалась очень просто – как все гениальное. Вот бы все языки были такими.

Событие тех лет – пластинка Давида Тухманова «По волнам моей памяти». Слушали мы ее, кажется, раз сто на дню. Все песни знали, разумеется, наизусть.

Еще одно событие – фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы». Песни на стихи Евтушенко, Ахмадулиной, Цветаевой нас потрясли – выучили их наизусть, с удовольствием пели. Помню, как листы со стихами висели у меня над столом. Были близки каждое слово, каждая фраза и музыка.

Открытие – польская певица Эва Демарчик. Она пела на русском, с приятным польским, чуть шипящим акцентом. Конечно, о несчастной любви. Трогательно и проникновенно, без пафоса – как у нас было принято. Просто про жизнь. Голос ее завораживал.

Балдели от «Романса о влюбленных» – нам так все было близко, так все понятно. И песни понятны, и страсти. И музыка Градского. Но это, кажется, все же чуть раньше.

Еще один способ развлечения или увлечения московских студентов – полузакрытые концерты. Групп музыкальных тогда развелось великое множество – конечно же, большинство были бабочками-однодневками. Играли они в маленьких залах при учебных институтах.

Музыка была непонятной, скорее тяжелой, но точно – не попсовой.

В зальчике было душно, накурено, полутемно. Все толклись на пяточке перед сценой. Кто-то танцевал, кто-то просто балдел. Помню название одной из групп – «Сломанный воздух».

Выходим на улицу освежиться – голова как пивной котел от какофонии, табачного дыма, громких звуков. Но – дыхнули и снова туда.

В волосатых ребят-музыкантов были все влюблены. Нам, девчонкам, они казались инопланетянами.

Помню и концерт Александра Градского, где со сцены он просил публику не требовать песни «Как молоды мы были». А почему? Прекрасная песня! Особенно остро понимаешь это сейчас.

Музыканты «Машины времени» тоже были кумирами нашего поколения.

Конечно же, мы игнорировали советскую эстраду – слушать ее нам, молодежи, было как-то неприлично.

Только с годами, с прожитым опытом, мы оценили и поняли всю сердечность и прелесть песен Майи Кристалинской, Гелены Великановой, Тамары Миансаровой и многих других.

Иногда мы собирались и на «флэтах» в свободных квартирах. Случалось это нечасто. Своих квартир ни у кого из нас не было. Зимой варили глинтвейн, и запах корицы, гвоздики и яблок вырывался на лестничную площадку. Играл магнитофон, мы валялись на диванах, сидели на ковре и бесконечно говорили, спорили. Считали себя самыми умными –

какие авторитеты, о чем вы? Помилуйте!

К родителям относились с легким пренебрежением, считая их немного мещанами и обывателями. Мы больше не хотели ездить с ними на их унылые дачи, в летние отпуска, воевали за свою независимость, потому что казались себе самыми умными и самыми опытными – кто они против нас? Малые дети!

И – постоянные романы, тут уж не до учебы. Зубрим только в сессию.

Но вот однажды – дело было зимой – помню, что было очень снежно, мела бесконечная метель и прилично подвывала пурга, в нашу дверь позвонили. Дома меня не было, открыла бабушка. На пороге стоял молодой человек в черном костюме, белой рубашке и при галстукке. На голове – огромная мохнатая лисья шапка, в руках – большой букет белых роз. И это среди зимы и всеобщего дефицита. Напомню – из цветов мы знали тогда только революционную красную гвоздику, и то достать ее было несказанной удачей.

Молодой человек представился моим знакомым, но в квартиру не прошел. Наверное, стесняется, решила бабушка и расстроилась.

Вечером, когда я вернулась – наверняка с очередного свидания, – то застала в подъезде такую картину: моя первая и, увы, давно забытая «сахалинская» любовь сидит на ступеньках. На лице – ожидание и печаль. Рядом с ним – букет немного увядших, но все еще роскошных белых роз.

– Ты? – воскликнула я. – Ничего себе! Ну ты даешь! Сюрпризик, однако!

Я была слегка растеряна, а еще больше – удивлена, ошарашена и рассержена. Ничего себе штучки! Явиться вот так, без звонка и предупреждения, как снег на голову! Мало его за окном, этого снега!

И что делать мне? Прыгать от радости?

– Да, сюрприз! – сбивчиво объяснил он. – А что тут такого? Все женщины любят сюрпризы!

Я еще больше разозлилась – что мне делать-то с ним? На дворе февраль, вот-вот начнутся каникулы, планов у меня громадье, и он в них никак не вписывается.

Дальше – больше. Оказывается, мой незадачливый ухажер приехал жениться! Да, да, именно так! Ни больше ни меньше!

– Что-что? – переспрашиваю я. – Ты так решил?

Он спокойно кивнул, протянул мне букет и приветливо, ласково так, по-свойски, как, наверное, и должен жених, посмотрел на меня, на

«невесту».

– Значит, так! – проговорила я железным и противным голосом. – Я бы посмеялась, да что-то не хочется! Выйти за тебя замуж? Спасибо за честь! Только где ты и где я? Ты не подумал? Я учусь и живу здесь, в Москве. Здесь моя семья, родители и сестра. Ты тоже студент, живешь, правда, во Владивостоке. В общежитии, да? Я не ошиблась?

Женишок радостно кивнул.

– Это же не навсегда, – утешил он меня.

– Что – «это»? – уточнила я тем же мерзким голосом.

– Общежитие. Училище я закончу через два года, ты, пожалуйста, доучивайся в Москве, будешь приезжать ко мне во Владик, а потом мне дадут комнату, и я уйду в рейс. Зарабатывать буду прилично, плюс загранка, техника, шмотки. Любая девчонка мечтает выйти за капдала! Уходим мы на полгода, живи – не хочу! Только жди меня, вот и все! – сурово добавил он. – И будь верной.

Объяснил. Ну не жених, а чистое золото. И комнату дадут, потом и квартиру. И валюта будет, и шмотки. И не упанешься на муженька, быт не заест – каникулы на полгода, пока муж в походе. Да!

– А что такое капдал? – ехидно уточняю я.

Гордо объясняет:

– Капитан дальнего плавания торгового судна.

Нет, правда! Перспектива заманчива. Но... Как-то... не для меня! Я не хочу во Владик, не хочу в общежитие, не хочу провожать корабль на берегу, не хочу ходить в женсовет, не хочу ждать мужа из плавания.

Я ничего не хочу! И еще мы давно разлюбили друг друга! Разве не так?

Меня его бурная речь по поводу первой любви, которая не ржавеет, разумеется, не впечатлила. Рассказы о красивой и сытой жизни – тоже. Но все-таки я предложила подняться ко мне и выпить чаю. Он отказался, положил на ступеньки несчастный букет и попрощался – обиделся, конечно.

С облегчением я поднялась домой. Мне, конечно, было смешно. Мы с бабушкой пили чай и веселились – я отказала! Думаю, что дальневосточные невесты меня б осудили. И, конечно, не поняли бы. Но – у всех своя жизнь. Как сложилась жизнь моего капитана, не знаю. Надеюсь, что он нашел спутницу, которая ждала его на причале, была ему верна, ценила, любила. Надеюсь, что он увидел множество стран и городов, измены и предательство не выпали на его жизненном пути. И что он счастлив и успешен.

В студенчестве было много романов – коротких и затяжных, ярких и блеклых, о которых хотелось поскорее забыть и не вспоминать никогда, и таких, что запомнились на всю жизнь, – трепетные, искренние, вспыхнувшие ярко и коротко, как след кометы.

А в девятнадцать лет я влюбилась по-настоящему. Мой избранник был голубоглазым блондином, жил неподалеку и учился в Строгановке на скульптора. Мы очень быстро поняли, что не можем жить друг без друга, и объявили о своих планах семье. Точнее – семьям. Его и моей.

Замуж я вышла первая – подруги еще выбирали. Считалось, что мне повезло – семья жениха была небодной, интеллигентной и творческой. Отец, известный скульптор, ваял великую Майю Плисецкую.

В огромной мастерской на Чистых прудах мы провели самое счастливое время. Мастерская поражала размерами и несметным количеством голов вождя мирового пролетариата – гипсовых, медных, пластилиновых и глиняных. Скульпторы называли Ильича кормильцем, что было совершенно справедливо и точно.

В мастерской, в полуподвальном, довольно сумрачном помещении, были и кухня, и душевая, и гостиная со старым роялем и клавесином. Отец мужа, мой будущий свекор, часто отсутствовал – ваял по городам и весям, и тогда мастерская целиком принадлежала нам, молодым. Конечно, собирались компании – пили, пели, говорили и танцевали.

Иногда мы выползали на белый свет, шли к метро в кафетерий. Пили кофе из титана, закусывали бутербродами с подвявшим сыром, а если повезет – то и с колбасой, и снова ныряли в подвал. Он стал нашим домом до свадьбы.

При подаче заявления в загс нам торжественно выдали талоны – в салон для новобрачных. Помню, что находился он на Измайловской, куда мы и поехали с мамой. Там купили кольца – самые тоненькие. Широкие считались неинтеллигентными, купеческими, «чванливыми» – не подходили.

Свадьбу мы сыграли летом, на даче у новой родни. Никаких криков «горько», никаких свидетелей с красными лентами, никаких счетов до десяти. Никакого белого платья и фаты – мещанской пошлости, как мы считали.

Кстати, о платье. Сшить белое, стандартное было, конечно же, можно. Купить фату, белые туфли и кольца – тоже. Но белого и стандартного не хотелось. Сосватали мне какую-то девицу, чьи родители работали за рубежом. У нее я и купила свое свадебное платье, нежно-салатового цвета,

до пола, шифоновое на атласной подкладке, с мелкой вышивкой на груди – розовые, фиолетовые и желтые цветочки, в обрамлении тоненького зеленого кружева.

В прическе – несколько мелких и разноцветных цветочков.

«Подруги по счастью», невесты в загсе, застревали в проходе, цепляясь бортами огромных, увесистых, кружевных и атласных, с декорами и букетами шляп.

Без головного убора была я одна.

Стол готовила моя родня – мама, бабушка и мамины подруги. Свекровь отошла в сторону – делать это она умела виртуозно, профессионально, с милой улыбкой, на голубом, как говорится, глазу – чтобы без лишних вопросов.

После свадьбы мы уехали в Лоо, недалеко от Сочи, где у моего мужа, вернее у его родителей, были полдома и сад.

Полдома оказались одной малюсенькой и сырой комнаткой с крыльцом метра в полтора (его называли террасой). А сад и вправду был хорош – инжир, слива, персики, груши. Дом стоял на горе, к морю надо было спускаться по довольно крутому каменистому спуску.

Помню, соседи одолжили нам электрическую плитку, которая невыносимо долго раскочегаривалась. Даже вскипятить чайник было огромной проблемой. Готовить я не умела – пыталась, но тогда еще получалось плохо, увы.

Питались вареной кукурузой, местным сыром вроде адыгейского и чебуреками. У соседа, старенького армянина, покупали немислимой вкуноты и запаха домашнее вино в молочных бутылках.

Еще помню, как платили сторожу рубль и ходили в душевую в санаторий. Это казалось огромной удачей.

Помню свой ужас, когда увидела на участке змею. Оказалось, здесь, в горах, змеи частые гости. По вечерам в траве светились ярко-зеленые светляки, громко пели цикады, мы сидели на ступеньках, держась за руки, и чувствовали себя самыми счастливыми на свете. Да так оно, собственно, и было. Ничего не придумано, нет. И было так долго. Или – не долго? Одиннадцать лет.

Впрочем, нет, гораздо меньше. В последние годы все куда-то испарилось, ушло, словно и не было вовсе. Мы стали чужими людьми.

Но до этого будет еще много счастливых дней и часов. До этого у нас родится сын. И не будет события в моей жизни важнее. Это счастье затмит все на свете.

Конец семидесятых – начало восьмидесятых

Наша семейная жизнь тоже началась в коммуналке – это была комната бабушки, отданная мне, женщине уже официально замужней.

Шестнадцать квадратных метров на улице Марии Ульяновой. Окно во всю стену, второй этаж над козырьком подъезда. Непрекращающийся стук входной двери прямо по голове. Но все это чепуха – у нас свое жилье, и мы начинаем его обустраивать. Тахта, старый комод с инкрустацией (наследство уехавших родительских друзей), самодельные книжные полки. Платяной шкаф – бабушкин, настоящее дерево, еще с Петровки. Там спокойненько и разместилось все наше добро – тогда мы еще не обросли вещами. У нас есть посуда – чайный и столовый сервизы, подарки на свадьбу. Мама купила постельное белье, столовые приборы, пару кастрюлю и сковороду – мое приданое. Купили в кредит холодильник и начали вести хозяйство.

На коммунальной кухне у нас были свой стол и подвесная полка с крупами и подсолнечным маслом.

Мой первый суп выглядел так – мясо промыла, положила в воду, вскипятила и тут же... выключила. Интересно, а почему оно такое жесткое? Не прожевать! Звоню бабушке – она смеется. Я злюсь – ты что, не могла рассказать?

Ничего, не боги горшки обжигают – уже через полгода я варила борщи и пекла пироги. Мы купили малиновый шелковый абажур, и комнатка наша стала уютной и теплой. На стены повесили картины: муж-то – художник.

В нашем семейном доме часто бывали гости, и соседи, простая деревенская пара, переносили это стоически. Нас не пугали бытовые трудности – в молодости не обращаешь на это внимание. По утрам мы тяжело расставались – даже небольшая разлука нас огорчала. Я стояла у окна и махала мужу, спешащему на троллейбусную остановку. В глазах закипали слезы. Мы продолжали прежнюю жизнь – бегали на выставки, в музеи, театры, кино. Родители помогали нам, двум студентам.

Только горько плакала моя сестра – теперь в нашей комнате в родительском доме она осталась одна.

Иногда у нас не было денег даже на метро – помню, как возвращались откуда-то поздней ночью пешком. Шли по Комсомольскому проспекту и орали в голос песни. Было весело. В молодости часто бывает весело безо всяких причин. Через полтора года мы разъехались с соседями и получили

отдельную квартиру на Рябиновой улице. Огромное счастье – своя квартира, где мы полноправные хозяева. Но достать по-прежнему нельзя ничего – ни мебель, ни телевизор – ничего. В Таллине, где мы бывали достаточно часто, купили финские шторы – у нас таких не было в помине – коричневое букле, густая сеточка, безо всяких там роз и пионов, коричневое ковровое покрытие – что-то типа ковролина без ворса – и керамику в тон. Там же заказали стенку – светлую, никаких завитушек и полировки – очень уютно. По выходным в новой квартире, как и в старой, собирались гости. Продуктов по-прежнему нет, на магазинных полках стерильная чистота: сок яблочный неосветленный, сок томатный, сливовый, березовый. Ужасные консервы. Толстенные серые макароны, распадающиеся в процессе варки, грязный рис, говяжьи кости – да и те не всегда. Выручает мама – подкидывает что-нибудь из заказов, например банку горбуши или лосося. Из него можно сделать салат: рис, пару яиц, майонез, если достанешь, – тоже большой дефицит. Стол собирали из того, что было, – практически из ничего. Свекла с майонезом, морковка с плавленым сырком и чесноком, банка заныканных шпрот – красота! Да, кстати, еще бренд того времени – салат из кальмаров. Кальмары в магазине были всегда – считались они тогда продуктом второго сорта, привычки к си-фуду не было. И, между прочим, креветки тоже в продаже были, правда, только в центральных гастрономах и в рыбных магазинах «Океан». Бутылка «Арбатского», водка «Пшеничная». К чаю – кекс из пакетика. Если с изюмом, вообще красота!

Первый муж мне достался с наследством – и наследством крупным – в виде собаки породы дог. Дог был мужеска полу и посему размеры имел устрашающие – не дог, а теленок, ей-богу! А нраву был легкого и трусости необычайной. Помню, когда в дом неожиданно заходили чужие, он забивался под диван. Ну, а собачку, как известно, нужно кормить. Вот только вопрос – чем? Собакам, как известно, полагается мясо. Желательно – сырое и желательно – мякоть. Кость так, для блезиру – на закуску, на сладкое. Но мяса в магазинах нет. Нет и рыбы, впрочем, у нас ведь не кот! Есть только вымя – простите – и мелкая рыбка под названием мойва. Когда ее ставили варить, квартира заполнялась невыносимой вонью. Варила я ее при открытом окне. Да и вымя, надо сказать, тоже со специфическим запахом. Туда же, в кастрюлю, полпачки геркулеса, риса-сечки или продела. Посмотришь – стошнит. Понюхаешь – вырвет. С утра на плите кастрюля, размером с ведро. А соседи нас ненавидят – шипят вслед, что мяса нет из-за нас – съела наша собачка все стратегические запасы мяса в стране. А народ голодает!

А бедный наш пес, вечно полуголодный, страдал желудком.

Не для голодной страны наша собака, смешной, лопоухий и добрый наш Грей.

И еще мне казалось, что волны ненависти и злобный шепот нам вслед он чуял. Понимал. Проходили мы мимо старушек подъездных, и наш трусоватый барбос поджимал уши и становился как будто поменьше. А однажды не выдержал – нервы, наверное, сдали. Как гаркнет на бабу! Как забрешет! От всей своей собачьей души.

Московская Олимпиада. Хорошо помню столицу в то время – чистота, пустота и магазины, полные дефицитных продуктов. Полупустые улицы, никакой давки, никакой толчеи. «Почистили» тогда город знатно. Ну мы и радовались пару недель.

Однажды в августе мы поздним вечером приехали с дачи. Легли спать. Среди ночи я проснулась – чувствую, сейчас умру, если не съем чего-нибудь соленого. Нет, честно – умру! Как сомнамбула, на ощупь, пошла на кухню, открыла холодильник и – счастлив мой бог! – вижу, в самом углу стоит давно забытая двухлитровая банка соленых помидоров – мелких, зеленых, тверденьких. Такие продавались тогда в деревенских магазинчиках – плоды кооперации. Целая банка – спасение и счастье!

Муж застал меня сидящей на полу в ночной сорочке. Я рукой – очень сосредоточенно – выуживала помидоры из банки. По рукам текло, по шее текло, ночнушка мокрая, ну а я – счастливая! Банку выела подчистую, до дна. Пошла под душ и рухнула в постель с чувством глубокого удовлетворения. Так хорошо мне давно не было!

Дошло только утром – беременна.

Во время беременности случилась беда – я попала в больницу. Мне сделали операцию, но ребенка удалось спасти, сохранить. Всегда буду помнить доктора Марию Наумовну, которая подарила мне счастье материнства. Если бы не она, не было бы моего мальчика.

Родильный дом в те времена – великое и тяжелое испытание и потрясение. Потрясение, оставшееся на всю жизнь. При этом рожала я «по блату», по договоренности, в очень хорошем роддоме в центре Москвы.

Приехала днем, когда начались схватки. К вечеру не разродилась – в нашей семье все рожают долго и тяжело. На ночь укололи снотворное – всем хочется спать, что, акушерки – не люди? Провалилась в сон сквозь адскую боль. Рядом стонала грузинская женщина, требующая боржоми – ни больше ни меньше! Это меня развеселило и хоть чуть-чуть отвлекло – у «милых» акушеров и стакана воды из крана не допросишься.

– А шампанского не желаете? – спрашивает взбесившаяся акушерка. – Сладкого, полусладкого?

– Нет, – качает головой наивная грузинка. – Шампанского не хочу. У меня же изжога, – терпеливо объясняет она, – мне нужно боржоми!

Утром появилась заведующая отделением, с которой, по всей видимости, уже успела поговорить моя мама.

– Срочно в родилку, – приказывает она, – воды давно отошли.

К полудню я родила, подробности опустим. Говорят, физическая боль забывается быстро. Не знаю. Ту боль я буду помнить всегда. Хотя соглашусь – душевная, а она мне, увы, тоже знакома – гораздо сильнее. И страшнее. Но сыночек мой лежит у меня на груди, и нет больше счастья! Нет и не может быть. Он главный человек в моей жизни – главнее не будет. Мой верный дружок навсегда.

В коридоре, куда нас вывезли после родилки, мы, голые, долго мерзли под тонкими одеялами и ждали места в палатах. Очень дуло из огромных окон – стояла середина апреля, весна припозднилась, еще лежало полно снега. Дрожа, мы пролежали до вечера. Хотелось пить, есть, очень хотелось горячего чаю. Такие вот скромные у нас были желания. Но неисполнимые – волшебников рядом не было! Про нас все забыли – лежат и лежат. Подумаешь – замерзли и проголодались. Не барыни.

Рядом – каталка с молодой женщиной. Я заметила очень несчастные и встревоженные, полные слез глаза. Она прошептала:

– Давай поменяемся!

– Что? Чем, не поняла?

– Детьми, – объяснила она. – Ты же хотела девочку?

Все просто: у меня мальчик, у нее девочка. Родила от любовника. Дочка у него уже есть, а мальчика нет, такая вот неприятность! Дал слово: будет мальчик – женюсь! Очень хочет наследника.

Я покрутила пальцем у виска:

– Свихнулась?

И соседка моя начала реветь в голос.

Мы оказались в одной палате. Девочка эта, Таня Кошкина, из Рязанской области, города Сухиничи. Детки наши родились в один день – до сих пор мы «поздравляемся» с днем рождения. Любовник стал мужем, родили долгожданного сына, живут в Германии, в собственном доме. У Танечки роскошный сад, полный цветов. Все хорошо. Олечка, ее дочка, балерина – танцует в театре.

А до того у моей новой знакомой была жуткая жизнь в Москве – делила с подружкой комнатку восемь метров в общежитии ткацкой

фабрики. Та помогала – сидела с маленькой Олечкой. Танюшка работала на фабрике, ясли при ней. Нищета, болезни, одиночество – не сразу все у нее сложилось с отцом ребенка, не сразу, намыкалась она здорово. Но никогда не унывала, всегда была доброжелательной, независтливой, всегда верила в хорошее. Я иногда приезжала к ней, старалась что-нибудь привезти: курицу, игрушку, одежду для девочки.

Еще одна роддомовская история. Пеленок нам выдавали ровно по две штуки в день. Конечно же, этого не хватало. Про прокладки тогда мы не слыхивали. Просили медсестру – та ни в какую! Не положено, и все, точка. Две в день, и отстаньте. А в коридоре стоял шкаф, закрытый на ключ. Мы заглянули в щелку, а там белье. Ну, я взяла фруктовый ножик и взломала замок. Вам – не положено, а нам – гнить? Раздала девчонкам пеленки. Скандала, кстати, не было – даже странно, что все обошлось.

По коридору, словно привидения, медленно ползли роженицы – теперь уже мамочки, – в безразмерных, застиранных, полудранных ночнушках, в выцветших и широченных халатах из линялой байки, в кошмарных, огромных, растоптанных тапках.

Растрепанные, бледные и занюханные счастливицы. Призраки замка Моррисвиль – не иначе.

В глазах только тревога. А где же радость?

Повторюсь – и это лучший по тем временам столичный роддом.

Хотя нет, думаю, что «лучший» для нас, простых смертных. А были еще и ведомственные роддома. Одна моя знакомая рожала в правительственном – ну или как он назывался тогда, по-моему, от Четвертого управления. Одним словом, заведение для «слуг народа». Так вот, там дефицита с пеленками не было! И ночнушки выдали роженицам из мягкой фланельки, новенькие, только что распечатанные, в милый цветочек. К ним и тапочки – тоже новые, симпатичные. Полотенца махровые, перины пуховые. В палате на двоих – максимум! – были телевизор и холодильник.

А на обед – свежие помидоры с огурчиками, и это зимой! – и черная, представьте, икра!

Родню, кстати, впускали – навестить и поздравить. В обычном роддоме ничего подобного не было во избежание инфекций и стафилококка.

Но я из «лучшего» роддома, куда не пускали посетителей, все же стафилококк принесла. Долго лечили животик и кожу ребенка. А молоко мое вскоре позеленело – профилактика чудес не дала.

Сын орал сутки напролет. Помню, как муж среди ночи ушел с ним на

улицу, чтобы я поспала хотя бы пару часов. Я провалилась в сон, как в бездонную темную яму, и тут же – звонок.

– Начался дождь? Почему вы так быстро вернулись? – Я чуть не плакала. – Почему?

– Посмотри в окно, – ответил муж.

Светало. Мои мужички продержались на улице четыре часа. Только я не заметила этого... Мечта этих месяцев – отоспаться. Мне казалось, что большего счастья на свете не бывает. Спать, только спать! Сутки, двое. И ничего мне от жизни больше не надо.

Ну, вот – я донылась: мама и бабушка отпустили меня «погулять». На целый день, пожалуйста! Подружки, магазины, кафе.

Я отправилась на Горького, прошла ее примерно за полчаса (почему-то бегом), останавливаясь у каждой телефонной будки – как там мой мальчик? И – развернулась! Почти добежала до метро. Я не могла без него! Я соскучилась.

Летом мы уехали на дачу, которую обожали. Коляска с сыном стояла под сосной, муж работал в мастерской, а я была самая счастливая: у меня такая семья, у меня сын! Лучший на свете! И с мужем любовь. И пусть совсем нет денег, и в холодильнике пусто, и в лавке на станции есть только хлеб. Зато впереди у нас целая жизнь.

Куда исчезает любовь? Как получается, что самые близкие люди вдруг становятся чужими? Этот вопрос занимает меня всю жизнь. Как это вот – была и нет? В какой песок утекла? В какой момент высохла, скукожилась, как ломоть вчерашнего сыра? Какие громы поразили и испепелили ее? Заел и затер до зияющих рваных дыр быт? Проблемы, безденежье, ссоры?

Мы были слишком молоды, бескомпромиссны, не хотели уступать, упрямо стояли на своем.

Нам стало плохо вместе. Невыносимо плохо. Плохо говорить, плохо молчать. Нам стало страшно коснуться друг друга, посмотреть друг другу в глаза. Мы лгали друг другу, лгали себе.

Мы стали другими? Возможно. А где те, прежние мы? Те, что тосковали в разлуке, торопились друг к другу, считали минуты до встречи. Могли говорить без конца, и было всегда интересно? Мы засыпали, держась за руки, и просыпались на плече друг у друга. Нам было так хорошо! Мы понимали друг друга, как никто.

Ты приходил с работы и клал у двери цветок или какую-нибудь приятную мелочь, сюрприз: красивый бокал для вина, маленький торт, конфеты, огромное яркое яблоко. Ты так любил делать сюрпризы. И делал

красиво – художник!

И я старалась. Мне нравилось стараться для тебя, удивлять – что-нибудь приготовить, достать новый свитер, купить книгу по искусству.

Ты виноват, я виновата... Все виноваты. Как в той песне – «я плохая, я плохой».

Позже пришло понимание: семейная жизнь – колоссальный и ежедневный, порой невыносимый, изматывающий труд. Уступки, уступки и снова уступки – через «не хочу», «больше не могу» и через «все надоело». Но если есть ради чего, тогда игра стоит свеч.

А если по привычке – так, может, не надо?

Мы вправду стали чужими. Совсем.

А в кровати спит сын. Наш с тобой сын. Это как? Пустяки?

Как мы объясним ему, что вместе больше невыносимо? Втроем – хорошо, а вдвоем...

Ты – прекрасный отец, замечательный просто. Я – хорошая мать.

Но мы уже не семья. Мы – соседи.

Ради ребенка? Я честно старалась. Сколько могла. Пока не влюбилась. Нет, это не оправдание – объяснение. Для себя... Хотя нет, и оправдание тоже.

Мне тридцать лет, и я хочу жить с любимым.

А все так сложно...

Два года. Два года мук, раздумий, терзаний. Два года вранья. Врал ты, врала я.

И – точка, предел, больше невыносимо!

Но это еще предстоит понять.

А пока живем. Как можем, так и живем.

Я пошла работать в детский сад. Другого способа устроить туда сына не было вовсе – очереди стояли огромные. Заведующая так и сказала: «Идите к нам! И нам хорошо, и у вас сын под присмотром». Ну и решилась. Три года я там отработала, и не жалею. К сыну я бегала раз по пять в день – как одет, как раздет, как поел.

Детей в группах было человек по двадцать пять – поди уследи! Девчонки-воспитательницы теряли голову. Нянечек не хватало, а это означало еще и мытье посуды, раздачу обедов, завтраков, полдников, занятия, чтение книг и прогулки.

Но коллектив у нас подобрался прекрасный: все девочки пришли со своими детьми – иначе устроить ребенка было нельзя. Почти все мы дружили. Повезло и с заведующей – Гертруда Александровна была для нас и мамкой, и подружкой.

Но самое главное, что в детском саду я встретила свою Лену. Свою верную и любимую подругу. Дружбе нашей почти тридцать лет. Ленка – большой подарок судьбы! Еще один крупный подарок.

Начало перестроечных лет

В 80-е Горбачев открыл границы, и я поехала в Америку. Ничего себе, а? Без всякой подготовки в виде Болгарии или там Польши. За границу я поехала впервые. С сыночком. Собирали меня всем миром – Америка, не хухры-мухры! А сапог нет, куртки приличной нет – ничего нет!

Талон на красные сапоги («гусиные лапы») великодушно отдала подруга. Правда, сапоги те оказались великоваты. Куртку взяла у мамы, она тоже была слегка великовата, но пустяки. Собралась.

А мои мечты? Стыдно озвучить – купить я мечтала... белье! Лифчик и трусики, вот.

Аэрофлот кормил икрой и наливал шампанское. От страха я выпила бокала три – и сразу в сон.

В Америке потрясло все и сразу – это тяжелое испытание для советского человека, попавшего за границу впервые, да еще и в голодные 80-е. Помню, как разревелась, зайдя в супермаркет, как растерялась, когда подруга протянула мне киви. Что это – не знала. Подруга тоже удивилась, но объяснила.

Еще впечатление – мюзикл «Белоснежка». Смотрела я не на сцену, а на зрителей, на родителей – мам и пап, пришедших с детьми. Они и подпевали в голос, и размахивали цветными фонариками, и веселились – по-моему, больше, чем дети – те вели себя сдержаннее. Я поняла, как открыт и наивен счастливый и сытый народ.

Еще потрясал запах, точнее – запахи. В магазинах, в машинах, в автобусах, аптеках, домах, ресторанах, кафе. Запахи везде – цветочные, фруктовые, сладкие, пряные, свежие. Везде вкусно пахло. А чистота – в машинах, магазинах, на улицах. И еще... все улыбались!

Я не видела затравленных, злобных, завистливых глаз. Задели плечом – извинились. Ни одного «куда прешь»! Жители Нью-Йорка так любят друг друга? Вряд ли, не верю! Тогда – почему?

А просто им объяснили, наверное, что с улыбкой проще жить. Злоба и хамство разрушительны. Улыбнись – и тебе станет легче.

И почему мы такой неприветливый народ? Может, от нелегкой жизни?

Странные мы – улыбнуться для нас очень непросто. А распахнуть свое сердце, свой дом – проще простого!

Помню, как покупала подарки – мыло, печенье, конфеты, шампуни, белье, тампоны, прокладки. Кофточки, сумочки, колготки, кассеты для

магнитофона. Джинсы и кроссовки. Лак для ногтей и кастрюли. Скороводки, губки и жидкость для мытья посуды, бумажные скатерти – все это казалось чудом. А еще коврик в ванную и бижутерию, карандаши для глаз и помаду. Лучший подарок – магнетики на холодильник: луковичка, морковка, редиска, горох. Ох! Мы – папуасы! Нас можно удивить стеклянными бусами. Грустно от этого было... Грустно и стыдно, вот так.

Из Америки я привезла видеомагнитофон, дубленку и... будущего мужа.

Пересадка в Ирландии, в Шенноне, была долгой – часов семь. Как там в рассказе? Встретились, поговорили... Ну, и говорим до сей поры – уже почти тридцать лет. Иногда – на повышенных тонах, иногда раздраженно. Но слышим друг друга и понимаем почти всегда. И еще – ни разу не пожалели, что начали тот разговор.

Впрочем, было непросто – два года душевных терзаний. А имею ли я право на женское счастье?

А однажды раздумья закончились – какая-то точка невозврата оказалась пройдена – наверное, так. Проснулась в субботу утром (помню, что была именно суббота), и – все. Стало понятно, что так дальше нельзя!

Сказать, что прошло все бескровно, – солгать. Но лицо сохранили, достоинство тоже, и сейчас с бывшим мужем друзья. С ним, по счастью, все в порядке. Творит, женат. Владеет галереей, есть имя. Ну и славно! Дай ему бог!

Москва 80-х. Темные улицы, ни одного фонаря. Позвонить из телефонной будки невозможно – все трубки отрезаны или сорваны. Господи, и откуда такой вандализм!

На улицах страшно. Вдоль дорог у метро, у магазинов, у скверов торгует народ. И этим рядам не видно конца. Люди кучкуются разные – и бабульки-пенсионерки, приносящие из своих жалких, из давних схоронов вазочки, скатерти, полотенца (не всегда, кстати, новые!). Там же и крупы, банки растворимого кофе, пачки засохшей халвы и печенья, мотки шерсти и катушки ниток. Готовальни, будильники, мясорубки, чашки без блюдец и с блюдцами. Фарфоровые ложницы и узбекские мальчики с виноградной гроздью – часто «травмированные». Серебряные и мельхиоровые ложечки в розницу, «простые» ложки, алюминиевые. Чайные ситечки, мягкие игрушки весьма потрепанного и даже истерзанного вида. Комбинашки с кружевом – ненадежные по невостребованности. Кальсоны с начесом, колготки, трусы. Валенки и меховые шапки. Помада, пудра, духи – иногда, кстати, початые.

Рядом с бабушками люди совсем молодые или среднего возраста. Мужчины и женщины интеллигентного вида, смущенные и растерянные. Оставшиеся, скорее всего, без своих лабораторий, научных и строительных институтов, поликлиник и «почтовых ящиков». На картонках под их ногами, в серой, грязной, подтаявшей снежной массе – узкие и высокие банки колбасного фарша, пачки печенья, кульки с конфетами, коробки со стиральным порошком, с ненадеванной обувью – мужской и женской. Кофемолки, кассетные магнитофоны, косметика, нижнее белье – все на продажу! Семейно-то надо кормить! Они уже вовсю общаются с соседями по «бизнесу», и ушлые пенсионеры учат их жизни.

Покупали тогда на этих стихийных рынках все – от зеленого горошка, привета из прошлых заказов, наиболее безобидного, кстати, привета, до колбас, сыра и мяса.

С мясом история была, например, такая. Милая пенсионерка убеждала сестру, что мясо от домашней козочки Лидки. Сестра поверила – с козьим мясом знакома не была, а готовить обед надо. Что-то смутило более опытную маму – цвет, фактура, запах. Мясо отдали на экспертизу. Сначала коту Васке – тот, хоть и голодный, брезгливо отпрыгнул. Потом в лабораторию – просто из любопытства. Заключение было таким – «мясо не домашнего животного».

Что это было? Собака, кошка, бобер? Лиса или нечисть лесная?

Какая разница – главное, что вовремя спохватились.

Все в эти годы крутились как могли. Выживали. Нам это слово куда ближе, привычнее, чем слово «жить».

Подружка моя, полковничья жена, прошедшая с мужем и Таджикистан на границе, и ядерный полигон в Капустином яру, где жизнь была невыносимая, в том числе из-за жуткого климата и голода, решила снести на вернисаж в Измайлово мужнину форму – шинель, сапоги, зимнюю шапку. Стояла и редела! Стыдно так, что глаз поднять не могла. А девушка она бойкая, не из трусливых – после таких гарнизонов! «А потом, – вспоминает она, – подумала: а при чем тут я? В чем я виновата? В том, что для густоты забеливаю мукой щи без мяса? А старенький обувщик извиняется передо мной, что кроссовки мои многотрадные латать он уже больше не может, потому что некуда ставить заплатки? В чем виноват мой муж, верный служака? В том, что мерз на полигоне, облучался, потерял зрение, застудил почки? В чем дети мои виноваты? В том, что кланчат банан? Не бананы – банан! Один на двоих! И гуляют по очереди – опять же, не текут только одни ботинки, а вторые текут!»

Наревелась, продала амуницию и – в магазин! Накупила всего:

колбасы, сыру, конфет. Торт «Подарочный». Бананы – пять кило. Принесла домой – дети счастливы! А они с мужем... Он готов был сгореть от стыда, она его утешала. Потому что жена.

Бывали в те годы истории и более трагичные. Стали расти и множиться пирамиды – денежные обманки, легкая, как казалось, нажива, обогащение «за просто так». Ну и наивные сограждане бросились отдавать свои деньги. Многие вложили все, что было накоплено, заработано. Бывали случаи, когда люди теряли все, что собирали годами. У знакомых глава семьи, совсем нестарый мужчина, покончил собой...

Еще была такая «сладкая» штука, как распродажи. Талоны выдавались «населению» на предприятиях и даже в домовых комитетах – или в ЖЭКах, не помню. Проходило все в универмагах, фирменных магазинах «Москва», «Лейпциг» и «Варна». Помню, нам в жилищном кооперативе выдали именно в «Лейпциг», фирменный магазин ГДР, и мы всем подъездом туда рванули, оставив деток, организовали что-то вроде группы детского сада. Дом был молодежный – мы вообще жили дружно и всегда друг друга выручали.

На распродажах тоже было не все так просто – очереди в каждый отдел. Да какие! Расставляем своих. Дают соковыжималки, кофеварки, трикотажные халаты – одного вида и цвета, заметим. Мужские рубашки – двух видов. Набор чайной посуды, чайник со свистком, ночные сорочки и детские сандалии – почему-то одного-единственного размера. Да, еще тапки – мужские и женские, одной расцветки. Счастье неслыханное!

Надо ли говорить, что сок давить было не из чего, кофе пропал окончательно, ну а мы дружно, всем домом, ходили в одинаковых халатах и тапках. И наши мужья носили одинаковые рубашки в серую клеточку, а детки бегали в серых сандаликах, как интернатские – один в один. Мы пили чай из одинаковых чашек, но самое смешное, когда мы заходили друг к другу за солью или луковкой и присаживались на кухне поболтать: все в одинаковых тапках и халатах. До сих пор помню расцветку – голубые и черные разводы на бежевом фоне.

Так и сидели себе однажды вечером с соседками, чаек попивали. Пришел с работы муж хозяйки квартиры и застыл: на ногах у всех теток одинаковые тапочки. И все соседки, включая родную жену, в одинаковых халатах! Мило пьют чай, трындят, как и положено теткам.

Муж очухался, потряс головой и выдохнул:

– Ну и сюр, девки! Честное слово – подумал, что съехала крыша!

Еще одна распродажа. Дают хрустальные вазы, одну штуку в руки, и сумки на колесиках производства Китай, тоже одну в руки. Набор кастрюль из трех штук – это кому повезет, если достанется. Объявляют, что наборы заканчиваются. Все нервничают, сильно потеют – в магазине удушающая жара, духота – и ненавидят стоящих впереди.

Детские рейтузы, польские бюстгалтеры – на размер никто не обращает внимания, потому что потом все меняются. Главное, чтобы досталось. Обмен происходит и на работе, и между соседями. Все при деле. Бурно живем, интересно. Весело!

Еще одна особенность тех лет – все одинаково пахли. Объясню – ассортимент духов был до предела скуден – почему, убей не пойму! Ушли в небытие чудные копеечные польские «Быть может» – правда хорошие.

И появились французские – о таком мы не мечтали, ни-ни! Обходились болгарским «Сигнатором», между прочим, кошмарным. Выручали прибалты – латышский «Дзинтарс» был весьма неплох и доступен.

А тут – Франция! Настоящая – это же видно по упаковке, по флаконам. В руки взять страшно – цена запредельная.

Первые «гости», залетевшие к нам, «Клима», стоили двадцать пять рублей. Сначала стояли спокойно – думаю, все поначалу робели. Потом осмелели. Это была, например, лучшая взятка – врачу, преподавателю или начальству. Роскошный подарок на день рождения. Женщины, кому перепало, подругам душить не предлагали и экономили со страшной силой. А когда пузырек пустел, его не выбрасывали. Вариантов было два. Первый – жуликоватый: налить туда что-нибудь простое, Болгарию или Польшу. Второй – для честных – пузырек без крышки ставился в платяной шкаф и расточал запах красивой жизни и былой роскоши.

Позже появились «Фиджи», различные «Диоры» в узеньких и рифленых колбочках и безумно дорогой парфюм «Мажи нуар» – в роскошном оформлении: бордо, черный лак. Позже – зеленоватый «Эллипс», отвратный, на мой взгляд, «Опиум» и совершенно убойный «Пуазон», что в переводе означало яд. Так оно, кстати, и было. От душившихся «ядом» шарахались.

Мужикам приходилось труднее – промышленность предлагала одеколон «Саша». Пах он паршиво. Мог отвратить от лучшего представителя сильного пола – бил наотмашь. К «Саше» прилагалась «Наташа» – тоже одеколон. Ну это вообще за пределами! Мечта алкашей.

Потом появился зеленый «О’Жён». Он был поприличней, чем «Шурик» – так по-свойски называли «Сашу».

У всех были тени и пудра «Елена». Так, ничего. Как тогда говорили,

для сельской местности может сойти. Тушь ленинградская, ее называли «плевалкой». Поплевывал в коробочку и – щеточкой на ресницы. Можно и зубной щеткой. Эффект, кстати, был! Правда, ложилась она слишком густо – ресницы слипались. Тогда брали обычную швейную иглу и разъединяли их. Требовалась предельная осторожность, чтобы не ткнуть иголкой в глаз.

Был еще карандаш для подводки – назывался он «Живопись». Черный, шестигранный, мягкий и жирный. Рисовал хорошо. А про вред никто не задумывался – карандаш был не косметический, а акварельный. Предназначался он для «творчества и оформительских работ».

Ну, и «оформляли». Еще «варили» помаду. Остатки из тюбиков – всех подряд – выковыривали спичкой, клали в столовую ложку и подносили ее к конфорке газовой плиты. Помада быстро плавилась, таяла, превращалась в жидкую субстанцию. Ее требовалось срочно влить обратно в пустой помадный тюбик. Следующее действие – тюбик отправлялся в морозилку. Через час помада была готова – пользуйтесь на здоровье!

Про стирку пакетов и лак для ногтей на стрелках колгот написано много – все было, да. Из песни слов не выкинешь.

Первые ласточки косметологии – кремы. Например, «Пондз». Он был дорогой, рублей пять за баночку. А еще «Женьшеневый», «Пани Валевска», в очень красивой стеклянной баночке темно-синего цвета.

А лучшие кремы готовили косметички – разумеется, нелегально. Баночка стоила три или пять рублей и была «собрана» только из натурального – спермацет, масло какао, ланолин, облепиховое масло и что-то еще. Можно было разбить туда пару ампулок витаминов – С, А и В.

Появились косметические наборы красного цвета со смешным названием «Пупа». Гадость жуткая, пластилин, замазка, сплошная химия. Но все о них мечтали.

В центре – ненадолго – открылся магазин «Золотая роза». Народу – не протолкнуться, кошмар. Но косметика там была французская, настоящая. Пудра, помада и тушь – на черном лаке тонкая золотая розочка. Очереди на полдня, и тут же, на улице, прямо у входа – фарца, спекулянты. «Сдают» и помаду, и пудру. Цена – в два раза выше продажной. Помню, подруге моей повезло – при ней «выкинули» английское мыло. И вправду английское – с запахом розы, фиалки и меда. Нежное, как крем. Оно не раскисало и пахло на всю квартиру. Его клали в шкаф, на полку с постельным бельем, и нежный запах окутывал шлейфом. Мне перепало этого счастья аж восемь кусков!

В 80-е появились афганские дубленки – привозили их командированные. Выглядели дубленки неплохо – разноцветные цветочки

по подолу, меховая оторочка. Но стоило попасть в них под дождь или снег, как начинала расползаться неминуемая вонь, да такая, что все отодвигались подальше от бедной владелицы. А она, краснея и бледнея, выбегала из вагона. Несло от нее козлом, мокрой псиной и вонючим бомжом.

Вообще, иметь пару юбок, две-три блузки и парочку платьев считалось нормальным. Не просто нормальным – естественным.

На Кузнецком – угол с Неглинкой – прямо в туалете, в подвале, была толкучка. Называлась она «Снежинка» – над сортиром располагалась одноименная химчистка. Там можно было купить многое – тряпки, обувь, косметику, духи, сигареты. В моде в то приснопамятное время были батники – рубашки мужского покроя с планкой и пуговицами. Однотонные или в клетку. Ну и хватанули мы с Танькой такие батники – в клеточку, красиво уложенные в пакет. Развернуть и разглядеть было некогда – полутемно, толчея, все боятся милиции – там случались и облавы. Загребут без разбора – докажи потом, что ты не фарца, а честный держатель сэкономленных денег.

Поднялись из подвала на свет божий, развернули. Батники наши модные оказались сшиты из детских ковбоек, купленных в «Детском мире» рубля за два с полтиной, не больше. А денег за них мы отдали немерено. Бросились вниз – девицы той ловкой и след простыл. Фарцовщица, торгующая нижним бельем, подняла нас на смех – лохушки! Раскрывать надо здесь, прям на месте! Так вам и надо, заключила она и смачно затянулась ментоловой сигаретой.

Обувь покупалась надолго, сапоги – лет на пять, туфли так же. Весной сапоги тщательно обрабатывали – мыли, натирали гуталином-вазелином и напихивали газетами. Убирали в коробках на антресоль или в шкаф. Вещи сдавали в химчистку – цены на эту услугу были копеечные. Постельное белье относилось в прачечную – почти повсеместно. Стиральная машина-автомат была очень редко у кого. У тех, кто, например, жил за границей. Да и обычная стиралка была не у всех – куда ее ставить? Кухни и ванные крохотные, а машинки громоздкие. Помню, гуляла с маленьким сыном и узрела свеженькое объявление у магазина – продается стиралка «Малютка», пятьдесят рублей.

Воровато оглядываясь, сорвала это объявление, чтобы не было конкурентов, и буквально полетела домой. Позвонила продавцу, умоляя не продавать, подождать пару часов. У меня, объяснила я, грудной ребенок.

Деньги собрала по соседям, побежала за машинкой, еле дотащила. И вот – стоит моя маленькая, моя красавица! Стирала она, между прочим, отвратно – мотала белье туда-сюда, не полоскала, не отжимала. И воду надо

было менять вручную – сливать грязную, заливать чистую. И все равно – было счастье.

Верхние вещи, пальто, пиджаки шили у портных. Почти все имели «свою» портниху. У мамы тоже была такая, работала она в закрытом ателье. Помню, мы ездили в ателье от ВТО, театрального общества. Это был просто секретный объект, с улицы не зайдешь, дверь на замке. Внутри уютно – ковры, телевизор, вазы с цветами. Тишина, словно на кладбище, все говорят полусшепотом! Вот почему, интересно? У закройщицы нашей были важные клиентки – актрисы, жены актеров, жены писателей и композиторов. Куда уж там нам.

Помню, как разглядывала Наталью Селезневу, восхищаясь ее роскошной фигуре и длинным ногам. Видели и жену Прокофьева, Лину Ивановну, тогда совсем старуху, а когда-то – красавицу-испанку, оставленную им на старости лет. Ее все боялись – статус большой леди и жены гения, несмотря ни на что, она сохранила.

Был еще случай – ехала я как-то домой, после больничной практики, вошла в метро на «Университете». Вижу – стоит, скромно потупившись, почти вжавшись в стену, женщина, в руках неловко держит белую кофточку. Опытным глазом вижу, что трикотаж, явно «не наша». А по груди, вставкой, идет крупное кружево – загадочно приоткрывает самую волнующую часть женского тела. Сексуальненько так, обольстительно и очень сдержанно при этом. Подхожу – она совсем, бедняжка, робеет и падает духом. Шепчет что-то невразумительное: кофточка оказалась мала, продать на работе не может, стесняется, а деньги приличные, двадцать пять рубчиков, один к одному. Я осторожно потрогала это белое чудо, боясь выдать волнение. А волнение сильное – я-то приехала с юга, загар ого-го! А тут белый цвет, соблазнительный фасончик, ну и вообще – красота! Умоляю ее подождать до завтра – приеду сюда же с деньгами. С огромным, еле сдерживаемым облегчением та пообещала, что не подведет – главное, стоять и торговать в метро ей больше не надо.

Назавтра встретились, незадачливая продавщица не обманула, я была счастлива. А про то, как я доставала деньги, и про бессонную ночь – так разве это так интересно? Дело в другом!

Наши люди поражали фантазией, умением из ничего сделать конфетку. Была у меня очень хозяйственная соседка Леночка, она многому меня научила. Например, в продаже появился виноградный сок в бумажных пакетах по удобоваримой цене – рубля полтора за литр. Пить его было нельзя – кислая гадость. Сообразили делать вино – сливали сок в банки,

добавляли сахар и ставили под батарею, надев сверху резиновую перчатку. Перчатка постепенно «вставала» – зрелище было престрашным: растопыренная, раздутая резиновая «ладонь», которая сигнализировала: вино готово к употреблению. Кстати, оно было на удивление приятным.

Апельсиновые корки не выбрасывались – из них мы варили цукаты и даже делали сок.

Гостей приглашали почти на каждые выходные. По крайней мере, так было в моей семье. И при всем дефиците столы накрывались шикарные – просто ломились столы! Пироги, холодцы, салаты, селедка, соленья. Одно время увлекались мясом в горшочке. Горшочки привозили из Суздаля. Быстро, сытно, не хлопотно – мясо, картошка, лук, можно морковь и сухие грибы – если есть. У нас всегда были, родня присылала из Белоруссии.

С юга всегда везли кучу фруктов и овощей – груши, персики, помидоры и баклажаны. И все вставляли у плиты – консервировать. Зимой это здорово выручало. В воскресенье открывалась трехлитровая банка маринованных помидоров и такая же банка персикового компота – вот вам и семейный обед.

Да! Были еще и продуктовые наборы – тоже на работе, на производстве, в школах и институтах. Они немного варьировались – в зависимости от серьезности предприятия. Мы получали примерно такие: пачка гречки, банка шпрот или сайры. Лучше – горбуши, из нее можно сделать суп или салат. Батон или полбатона полукопченой колбасы – счастье, если венгерской и финской. Банка зеленого горошка, банка майонеза, сыр «Виола» в баночке, курица замороженная, скорее всего венгерская подданная. Ну, а уж совсем счастье – литровая бутылка испанского оливкового масла и баночка красной икры. Последняя только к празднику. Да! Еще растворимый кофе и чай «Три слона». Возможно, маринованные огурчики, земляки замороженной куриной тушки. И коробка шоколадных ассорти – «Рот-Фронт» или «Красный Октябрь».

Создавались припасы на праздники – складывались, копились. Эдакий стратегический запас – он, кстати, всегда выручал. Хранилось все это, как правило, в комнате, в стенке, внизу или вверху – если в семье был кто-то из ненадежных, то мог съесть до срока. У нас так однажды случилось.

Моя младшая сестра – из сладкоежек, фанатов глюкозы. Припрятана была огромная «гостевая» двухэтажная коробка каких-то редких, роскошных шоколадных конфет. Хранилась как зеница ока, разве что надписи «Не влезай – убьет» не хватало. Мама так тщательно ее спрятала, потому что слабость дочери ей была известна. И вот какой-то большой праздник, возможно и Новый год. Накрываем чай, и мама – весьма

загадочно волнующим полушепотом – обещает всех удивить. И тут сестра вдруг объявила, что ей срочно нужно делать уроки. И почему-то – в закрытой ванной. Мама вынесла коробку, в душе непонятное смятение и смутная тревога – коробка подозрительно легкая. Но, может быть, это просто показалось? Увы, чутье маму не обмануло. Коробка оказалась открыта, и над столом повис тяжелый вздох – на дне лежали три конфеты. Три. Три сестры. Или – брата. Занавес. Сестра включила воду.

– Решила помыться! – крикнула она из ванной.

Чистоплотная, значит, очень. Потом объяснила – не могла совладать с собой. Человек она деликатный, воспитанный и ненаглый. Но конфеты – это наркотик. Сестра не просто сластена, она законченный гликоман.

Жизнь ей тогда, естественно, сохранили.

Помню еще гуманитарную помощь, выдаваемую детям в начальной школе. Какие-то огромные банки с колбасным фаршем – одну на двух человек, на две семьи. Мы, родители, эти банки вспарывали, выталкивали оттуда розоватую плотную массу и «пилили» на двоих. Уносили домой счастливые. Можно на хлеб, а можно и с жареной картошкой. Или с яйцом.

Несчастливыми мы себя по-прежнему не чувствовали и, надо сказать, радовались всему, как дети: кофточке, помаде, сережкам из пластика.

К тому же не хлебом единым. Годы перестройки – это прежде всего мощнейший подъем культурной жизни. Сколько всего интересного было напечатано, какие интересные премьеры в театрах.

Помню, как нас потрясли опубликованные в «толстых» журналах произведения Приставкина, «Доктор Живаго» Пастернака и «Жизнь и судьба» Гроссмана. Каждый номер «Огонька» мы ждали с трепетом и караулили в киосках Союзпечати.

С ребенком тоже было охвачено все – от уголка Дурова до театра Сац, Образцова и, конечно же, МХАТа. Именно там, во МХАТе, он испытал первое потрясение – на спектакле «Синяя птица». Не говоря о загадочности и необычности сюжета, спектакль был роскошен по оформлению. На «Синей птице» мы были раза четыре. Я и сейчас не люблю минималистики в театре – хочется декораций, красивых костюмов. Словом, праздника. Считаю, что трогать классику, переиначивать ее вряд ли стоит – все равно не получится. По крайней мере, я не встречала удачного спектакля из классического репертуара, переделанного на современный лад. Может, мне не везло.

И еще появился «Взгляд». Вот это было событие, потрясение. Ни один выпуск не пропускали – всматривались в экран, ловили каждое слово. Молодые ведущие были неопытны, местами наивны, не совсем профессиональны, но так искренни и честны, наверное, это и привлекало.

Событием для меня, как и для многих, была тонкая, честная, прекрасная программа «После полуночи», которую вел интеллигентный, образованный и обаятельный Владимир Молчанов – таких ведущих у нас еще не было.

В конце 80-х случился и такой «сюрприз» – вечером позвонила взволнованная мама:

– Папаша твой объявился!

Как, что? Последняя встреча – та, давняя, на катке, еще на Соколе. Всё.

Мама объяснила – он в Москве, в гостинице, в командировке. Она, разумеется, дала мой телефон, но сомневается, что он позвонит – очень робеет.

– Ну, тогда позвоню сама! – решительно объявила я.

Набрала номер, на том конце провода тут же взяли трубку.

– Владислав Алексеевич? – осведомилась я. – Ну а я – ваша дочь!

В ответ – молчание, растерянность, удивление. Наконец он справился, откашлялся, мы начали говорить.

Он решительно заявил, что прямо сейчас выезжает ко мне. Приехал часа через полтора, время было позднее, к одиннадцати.

Вошел крупный, импозантный и фактурный мужчина, увешанный свертками и пакетами: взял то, что было в буфете, смущенно объяснил он.

Вижу, как мы с ним похожи, как у нас много общего – абрис скул, рот, разрез глаз. Сели на кухне, смотрим друг на друга, изучаем, молчим. Но – молчим не тягостно, нет. Просто волнуемся.

Я поняла, что ему тяжелее, чем мне, и начала разговор, сразу сказав, что незачем вспоминать то, что было давно. Знаю, что он ни в чем не виноват, ушла от него моя мама. Видеться не запрещала, но предупредила, что отцом я называю другого человека, ее второго мужа. И знать правду мне – до поры – ни к чему. Обид на него я не держу – девочка выросла, так что многое понимает. Он выдохнул, расслабился, и – потек разговор. Весь вечер отец держал меня за руку. Потом приехал еще раз, познакомился с моим сыном, своим единственным внуком, снова привез кучу подарков. Рассказал, что женат, у него дочь, так что все сложилось неплохо.

– А твоя дочь, – уточнила я, – про меня знает?

Тут он очень смутился:

– Нет, решили скрыть. Девочка тонкая, очень чувствительная, страшно ревнивая.

Я удивилась:

– Девочка? Да девочке этой уже двадцать два! Я в двадцать два была матерью и женой!

Ну, да ладно, не мое дело. Уж как есть.

Отец уехал, но мы часто созванивались – я звонила ему на работу. Что-то я присылала ему, что-то он – поздравлял с днем рождения и внука, и меня. Я была счастлива, что мы стали общаться! Мне нравилось произносить слово «отец» – «отец позвонил», «отец написал», «отец поздравил».

Однако примерно через полтора года звонки прекратились. Секретарша его терпеливо объясняла, что Владислав Алексеевич занят, вышел или болеет. Я, ничего не понимая, настойчиво просила ему передать – привет, пожелания поскорее поправиться, просьбу перезвонить. Ничего. Больше он не позвонил мне – ни разу! И я тоже звонить перестала. Почему? Что случилось? Что могло произойти? Недовольство жены? Ревность дочери? Просто решил, что все это – лишние хлопоты? Не понимаю! Не понимаю до сей поры.

Когда случился кошмар в Донбассе, я нашла в соцсетях его дочь, свою, так сказать, сестру, написала ей, объяснила, кто я. Попросила не судить строго отца – у всех своя жизнь и своя история. Написала, для чего я ее нашла – чтобы предложить свою помощь. Мне-то от них ничего не надо! А вот я могу им помочь. У меня большой дом, всем места хватит.

Письмо мое было – мне кажется – трогательным, проникновенным и искренним. И – тишина! Как говорят, ни привет, ни ответа. Удивлению моему не было предела – ладно, помощь моя им не нужна. Может, просто не нужна, а может быть – гордые. Хотя какая тут гордость, когда земля под ногами горит. Можно ведь просто ответить – даже сухо и коротко. Разве плохо иметь еще одного, пусть пока родного только по крови, человека в нашем суровом и неласковом мире? Не знаю. Я бы – ответила и была бы счастлива – наверное, так... Мы с сестрой не встретились и не обнялись. А жаль!

Про семью отца я почти ничего не знаю – с двух лет меня воспитывал отчим, которого я считала и называла отцом, пока одна родственница мне, двенадцатилетней, не сообщила, что отец у меня не родной. Этой стерве было, кстати, всего тринадцать! Да бог с ней – в жизни своей она наделала столько мерзостей, что, думаю, давно не спит спокойно.

Знаю от мамы – семья отца была интеллигентной и дружной. Бабка

моя с той стороны была учительницей литературы и русского, а дед – ученый-почвовед, заведовал большой сельскохозяйственной станцией. Жили они в Донецке. У отца были сестры, и я, глядя на их фотографии, вижу в них и свои черты. Отец был горным инженером, очень рано стал начальником шахты, сделал успешную карьеру, но мама моя от него ушла. Ушла, наплевав на достаток, большую зарплату и автомобиль «Газ-21» нежно-голубого цвета.

Брак их не был мезальянсом, но все-таки они были из разных «песочниц» – московская студентка и донецкий трудяга. Замуж мама пошла, особенно не раздумывая, поспешно, без любви – всем назло. Так получилось. Долгий роман с однокурсником окончился ничем. Моя бедная мама – в прямом смысле бедная – из коммуналки, с бабушкой-бухгалтером, да и к тому же с репрессированным отцом, не подошла номенклатурной семейке избранника.

Расстались они с молодым человеком – мать его постаралась. И мама торопливо пошла под венец.

В Донецке ей было плохо – всегда рвалась в Москву, скучала по бабушке. Приезжала очень часто – под разными предлогами и без. Рожать меня тоже приехала в столицу. Ну а потом сбежала окончательно и навсегда, вместе со мной. Отец, конечно, примчался следом. Уговаривал вернуться, предлагал остаться, но не срослось – мама уже страстно влюбилась в другого. Второй ее брак не был счастливым – увы! Но – отчима она любила. Однажды сказала:

– Рано мне встретился твой отец. Что я тогда понимала? Вот если бы позже...

Начало лихих девяностых

В 90-е, когда все разваливалось, закрывались научно-исследовательские институты, учителям и врачам месяцами задерживали зарплату, в Польшу и Турцию рванули поезда с научными работниками, врачами и учителями – торговать, «делать бизнес».

Мы с мамой тоже поехали в Польшу – в основном потусоваться, «словить» впечатлений. Тянули туда польские корни: Варшава – родина семьи маминого отца, моего деда Стефана. На то, что у нас выгорит бизнес, мы не рассчитывали – все про себя понимали. Но тут копеечные, дешевые туры – и заграница. Публика в нашем вагоне собралась наиприличнейшая. Разговаривали о Галиче (соседка по купе защитилась по творчеству Александра Аркадьевича), Цветаевой, Пастернаке, об авангарде 20-х годов. Из всего этого путешествия лучшим была дорога.

Наши новые приятели везли с собой ерунду – бульонные кубики, мясорубки, чесночницы, нитки мулине (наверное, польские домохозяйки любили вышивать гладью), чай, кофе. У опытных и толковых было что-то из техники – например, пила или рубанок. И даже токарный домашний станок.

Выгрузились в Белостоке. Рынок раскинулся совсем близко от здания вокзала. У рыночных ворот про дружбу и симпатию некоторые из попутчиков сразу же забыли и постарались отхватить хлебные места – у входа в рынок, прямо у ворот, в центральном ряду. Но внутрь рынка войти мы не успели – нас перехватили благочестивые белостокские пенсионерки – приятные дамочки в шелковых платочках, плащах и туфлях на «уютном» каблуке. Мы с мамой, не оглядевшись и не присмотревшись, моментально, без обсуждений, распотрошили свой скромный баул и тут же все отдали оптом и сразу – чтобы поскорее закончить. Цена нас не очень интересовала.

Все, мы свободны! Уф! Просто счастье какое-то: теплый октябрь, на улице сухо и солнечно, клены и ясени еще почти зеленые, только совсем немного и ласково тронуты осенним золотом. И мы, радостные и свободные, отправились гулять по городу, зашли в костел, ну и вообще! Из «вообще» мы позволили себе кофе в скромной кофейне и один круассан на двоих.

Усталые, но довольные вернулись в наш «отель», обустроенный в бывшем пионерлагере. На советский лагерь, правда, мало похоже: комнатка на двоих, туалет и душ в коридоре. Все мило и чисто. Польским пионерам

повезло куда больше, чем нашим.

Мы заварили бульонный кубик, нарезали колбаски, налили кофе и, завалившись на кровать, с удовольствием принялись делиться впечатлениями. На завтра мы пробежали мимо «коллег», слегка отвернувшись – стыдно: мы едем гулять в Варшаву, а они – снова торговать на рынок.

До Варшавы мы добрались на проходящем поезде. Прошли по центру, съели на улице багет с расплавленным сыром – самый дешевый, – старательно отворачиваясь от жаровен с аппетитными колбасками и бургерами – на них просто нет денег. Наутро отъезд. В купе все сосредоточенны – видимо, подсчитывают барыши. На нас смотрят косо – мы странные тетки, на рынке замечены не были.

Мы везем с собой бананы – запах прорывается из сумки – и конфеты детям. Чудные мы, честное слово! Везти-то надо совсем другое – то, что можно продать теперь там, в России, на родине. Для смеха подсчитываем – навар тридцать долларов! Искренне удивлены – наверное, это случайность.

Мы заливаемся от смеха, слушая, как люди хвастают барышами.

Может быть, врут?

Потом была еще и Турция. Первым делом мы взяли обзорную экскурсию по Стамбулу. Красота! Вторым делом от души поели мороженого – вафельные рожки с шоколадом и орехами. У нас такого еще не было. Третьим делом купили подарки родным. Четвертым был «бизнес». Зеленая дубленка, мечта всей жизни. Моего, кстати, размера. Расстаться с ней, продать... Горе. Но на нее есть покупатель – моя соседка. Она ее ждет. Я почти плачу – нам с этим зеленым чудом предстоит разлука. И как пережить эту драму? Вот как?

В Москве я достаю дубленку из сумки и со скорбным лицом кладу ее на диван.

– Людке, – сухо говорю мужу и с оскорбленным лицом выкатываюсь на кухню.

Надо ли говорить, что дубленка осталась у меня?

После дубленки тема поездок была закрыта – бизнес-леди из нас не получились. А воспоминания от этих поездок остались. До сих пор есть над чем посмеяться.

Кстати, из той «польской» компании появилась приятельница. Тогда, в Белостоке, она гремела мясорубками и чесночницами, а сегодня – серьезная леди с магазинами на Тверской.

В те нелегкие времена по осени все запасались картошкой – покупали

мешками, так было дешевле. Ее продавали вдоль шоссе за городом. Покупали и мы – по дороге с дачи. В одном из мешков оказалась... змея. Спала, милая, там до поры, а потом потревожили. Слава богу, сыночка не было дома, и в коридор, общий с соседями, с ковшиком «по картошку» отправилась я. Слышу – в мешке шевеление, слабое шуршание. Как я заметила? Свет в общеквартирных рекреациях всегда тускловат – что-то толкнуло прямо. Рванула в квартиру – стала звонить мужу. Сначала он не поверил, даже посмеялся – прикалываешься? Но потом понял – я серьезно, какие приколы! Срочно вызвали специалиста по змеям, мужичка ну очень странного вида. Тот попросил литровую банку, я осторожно просунула в дверь. Поймал он змею через пару часов – она успела уже уползти, спрятаться в темных закоулках общего коридора, а там, как всегда, куча хлама, у всех – шкафы, подсобки, все хранят барахло, не могут расстаться.

Вижу в глазок – поймал! Радостный крик вождя индейского племени. Стучит в дверь – просится в квартиру отмыть мерзавку. Я категорически отказала – любитель пресмыкающихся вздохнул, видимо, осудил меня, и, прихватив банку, поехал домой. Дома, наверное, отмыл. Потом доложил: не уж, нет. Среднерусская гадюка, весьма ядовитая цаца. Ну, каково?

Дом наш, как я уже говорила, был молодежным и дружным – можно было запросто подбросить ребенка соседке, разжиться солью и сахаром, попросить денег в долг.

В доме была взаимовыручка – одна соседка достала мороженую треску, другая – курицу, синюю птицу. Третьей вообще повезло – полкило российского сыра. Делили все и всегда. Выживали. Помню, муж приволок поднос сливочного масла. Вечером – очередь из соседей. Я режу масло, взвешиваю на безмене и заворачиваю его в тетрадные листы.

По пятницам вечернее развлечение – у любимых соседей видак, и мы смотрим фильмы. Кто-то печет пирог, кто-то режет бутерброды «с чем придется», кто-то проставляется бутылкой вина.

Была и такая история. Звоню соседке:

– Том, есть лимон? Одолжи!

За лимоном послала сына. Приходит. В руках держит деньги. Пересчитала – миллион. В смысле – лимон. Тогда в ходу были именно такие деньги, с большими нулями, похожие на несерьезные фантики.

Перезваниваю, смеюсь:

– Томка! Я же просила лимон! Торт пеку, понимаешь?

– А-а! – тянет Тома. – А я не въехала! Лимон – он и в Африке лимон. Думала – бабки!

Еще вполне были доступны билеты в театр, правда, пару раз мы сидели там в пальто – не было отопления, но ничего. Жаль только артистов – у них изо рта валил пар, а по пьесе дамы щеголяли в открытых платьях с декольте.

Все бытовые трудности переживались почти легко – мы были молоды, здоровы, дети накормлены – никакой беды нет. Телевизор в те годы работал круглые сутки – мы замирали у экранов, ловя каждое слово. Неужели дожили, господа? Неужели что-то изменится?

Как же мы верили в это тогда, как мы надеялись...

Всегда, во все времена, от отчаянья и разочарований спасал ближний круг – семья и друзья.

В 90-х я поехала в Париж, к подруге Юльке. Та, правда, успела порушить свой вполне счастливый и успешный брак с французским бизнесменом, уйдя к нищему русскому художнику. Опять любовь, куда денешься!

Крохотная квартирка в предместье Парижа. До столицы – час на скоростном поезде. Рядом – замок Железной Маски.

Декабрь, люди живут в предвкушении Рождества. Городок украшен разноцветными елками – потрясают голубые и красные – натуральные, кстати, просто припорошенные цветной пудрой.

В витринах вертепы – все двигается, поет и играет. Замираю, наблюдая – чувствую, как губы расползаются в улыбке.

Пахнет пирогами, рождественскими рулетами – здесь их называют полено, – украшенными фруктами. В окнах кондитерских такая красота, что не верится, что все это счастье еще и съедобно. От запахов кружится голова.

На улицах жарят каштаны. На углу играет на скрипке старик в красном кашне и яркой клетчатой кепке. Тепло, светит солнце. Совсем нет снега.

Тротуары без выбоин и луж, не надо перепрыгивать, обходить, изощряться в спортивной сноровке. Машины не обдают тебя грязью. Чистота потрясает не меньше всего остального.

В первое утро я, как обычно, залезаю под душ – в квартире довольно прохладно. Я не из тех, кто может часами плескаться, не «утка». Минут десять, не больше. Следом в душ идет Юлька и тут же с диким криком оттуда выскакивает.

А случилось вот что – я, неразумная, израсходовала весь запас горячей воды. А в доме еще подруга и ее муж, и всем надо помыться. А горячей-то

нет – утекла. Мне объясняют, что во Франции счетчики. Электричество дорого, отопление тоже. Все экономят. Мне-то нормально, я не мерзлячка, даже в суровую русскую зиму сплю с открытым окном. А бедная Юлька – дама мерзлявая, понятие «духота» ей вообще незнакомо. Подмерзнув, она включает электрическую батарею, прислоняется к ней поясницей и завороченно смотрит на часы. Пятнадцать минут – и все, выключает. Вспомнишь тут наше центральное отопление и горячую воду, которую мы лили тогда как придется.

Подружка моя с раннего утра на работе – я одна, и мне не по себе. Языка я не знаю, карту понимаю паршиво – как ориентироваться в незнакомом городе? Да и до Парижа еще нужно добратся. Словом, хоть дома сиди. Грущу и боюсь – Париж, похоже, пропал. Ну что ж, пойду в замок Железной Маски. Но проблема решается.

У меня в спутниках девочка Маша, дочка нашей с Юлей общей подружки. Маша – хорошенькая, кудрявая и черноглазая. Ей лет шесть или семь. Она недавно живет во Франции и немного знает язык. Отец Маши – актер, музыкант. С передвижным театром они мотаются по Европе, ставят спектакли, показывают их где придется, живут – тоже где придется, где их приютят. Бедную Машу определяют ко мне в сопровождающие. С ней мне спокойнее, хотя она раздражается, если я прошу ее объясниться с местными жителями и продавцами. Но хотя она и злится и кривит свой красивый ротик, однако переводит! Хорошенькая, умненькая, капризная маленькая женщина. Мой гид. Я ее веселю, стараюсь рассмешить и покупаю мороженое.

Мы идем в Лувр и Музей д’Орсе, гуляем по кварталу Маре, шатаемся по Елисейским полям.

И мне никак не верится, что все это происходит со мной.

Чудеса.

К слову, сейчас кудрявая Маша – Мириам Сихон, она актриса и известная певица. Поет в чудесном ансамбле «Татьяна». В ее репертуаре романсы 30-х, милое сердцу ретро, красиво очень. А еще снимается в кино и растит двух дочурок.

С собой у меня было двести долларов, обмененных на франки. Не разгуляешься. Но подарки-то привезти надо – впереди Новый год! Машина мать, Лариса, повезла меня в «Тати» – самый дешевый универмаг, дешевле только даром. Приличные люди туда не заходят. Но – мы не приличные, мы – все еще советские, и нам можно все! В «Тати» душно и тесно. Медленно, с достоинством, плывут негритянки – большие, пестро одетые

женщины. У всех почему-то длинные яркие ногти – наверное, искусственные. Мода такая. Много и мусульманок в хиджабах. Европейцев почти нет, не престижно. Но меня этот магазин выручает – подарки куплены, никого не обидела, не обделила. А главное – я везу с собой сумку еды: колбаса, сыр, даже сосиски, рыбный паштет немыслимого розового цвета – тарама. Манго, бананы, конфеты, печенье, рождественский кекс в упаковке – у нас все еще голодно и все еще трудно достать продукты. В общем, есть чем встретить Новый год.

На перроне стоят муж и сын, тревожно вглядываются в окна прибывшего поезда – где наша «парижская мама»? Бросаемся друг к другу – как мы соскучились! А дома обнаруживаю ящик тушенки, коробку маргарина – пачек тридцать, не меньше, головку недозрелого, почти белого, сыра и банок двадцать рыбных консервов. Муж мой запаслив, с ним не пропадешь. Голод нам не страшен – на тушенке и макаронах продержимся!

А в Москве уже перебои с хлебом. Выручает свекровь сестры – ей, пережившей кошмары блокады, особенно страшно. Она стоит в бесконечных очередях, скупает все крупы – рис, гречку, пшено, геркулес. Прокаливает их, прожаривает и кладет в чистые наволочки. Сушит сухари и замораживает батоны. Поздно вечером мы едем к ней за «запасами». Выдается три батона в руки, по килограмму крупы и пачке масла. У нее три сына и внуки, за всех болит душа, всех надо обеспечить и «подкормить». Ну, и мы тоже родня. Спасибо, всегда буду помнить.

А после нового года Гайдар отпустил цены, и в магазинах появилось все. Цены неподъемные, но можно купить колбасу с давно забытым вкусом, пусть двести граммов, кусок нормального сыра, курицу и йогурты для сына. Все-таки начинаем чувствовать себя людьми, учимся покупать, выбирать, присматриваться и прицениваться. Раньше мы умели только рвать из рук, хватать, доставать и выхватывать.

И еще проблемы с бензином – очереди такие, что просто немыслимо. На заправку ездим ночью, но и тогда отстаиваем пару часов. Дремлем под радио и снова не ропщем. Привыкшие мы!

Еще одна «картинка с выставки» – история с моим приятелем, коснувшаяся и меня. Валюту тогда меняли строго по норме – по-моему, триста долларов на человека в поездку. Конечно же, это было катастрофически мало, особенно для тех, у кого было что менять. Ну и замели моего приятеля на таможне – деньги изъяли, составили акт и пригрозили расправой. Про это он быстро забыл, и, как оказалось, напрасно. Пришло письмо из важных органов – приглашение на беседу. В

мрачном здании на Лубянке с ним побеседовали. Следователь был, видать, человеком вменяемым и понимал всю наивность и бред этих «норм». Но – закона о наказании за валютные операции еще не отменили! И дело надо было закрыть. И предложил он великодушно нашему бедолаге такую вот схему – деньги дали ему друзья на какие-то необходимые нужды. По слабости характера он их взял, ну и влип за чужое. Времена все-таки менялись, да и нелегальная сумма была смехотворной. Приятель мне позвонил и, страшно смущаясь, изложил просьбу – подтвердить, что это мои деньги. Я, разумеется, согласилась – какие проблемы! Конечно же, подтверждаю!

– Но, – тут он замялся, – тебя могут вызвать!

– Да ерунда, – ответила я, – дружба дороже.

Вскоре пришло мне письмецо – приглашение на беседу. Пошла. Муж остался ждать в машине – тогда еще можно было в центре Москвы спокойно припарковаться. На входе внимательно изучили мой паспорт, велели идти вверх. Большой кабинет, книжный шкаф, на стене портрет Дзержинского. Следователь – молодой и симпатичный мужчина лет тридцати пяти, кудрявый, голубоглазый, с сибирской фамилией на «ых» – то ли Седых, то ли Старых. Пошли расспросы. Все подтверждаю – да, двести долларов дала я, лично. На лекарства для бабушки – здесь таких нет. Конечно же, все напишу и подпишу. О чем разговор?

Написала, подписала и уже собралась встать.

– А вы... любите стихи?

Я замерла от неожиданного вопроса и промямлила:

– Ну да... очень.

– Кого? – оживляется он.

Я начинаю перечислять. Вкусы не сходятся – кудрявый следователь любит Есенина. Просто фанат. И начинает читать – увлеченно, без остановки. Читает час, пошел второй. Ходит по кабинету и – читает, читает...

Думаю о том, как там мой муж. Боже, какие же мысли лезут ему, бедному, в голову?

А следователь все читает. Маньяк, сумасшедший? Или это такой способ вывести меня на чистую воду? А может, он просто устал и так расслабляется?

Длилось это мучение пару часов. На улицу вышла разбитая, растерянная, ничего не понимающая. Через пару недель звонок – опять приглашение. Боже, я лучше умру! А надо идти – как я могу подвести человека? Снова стихи, снова печаль, снова Есенин. Но понимаю, что я ему

направляюсь – женщина чувствует это всегда.

Через пару часов дарит мне сборник стихов и коробку конфет. На заплетающихся ногах выхожу на улицу. Что делать-то? Тошно мне, как никогда. Вот ведь влипла – только влюбленного кагэбэшника мне не хватало.

Следующий звонок через пару месяцев – голос вкрадчивый, волнующий.

– Как дела, как сынок, как вообще?

Я что-то отвечаю и чувствую, как мне плохо – еле стою на ватных ногах. Ну, а потом предложение:

– Вы, Мария, женщина умная и симпатичная...

Я обреченно молчу.

– Вы можете помочь своей родине!

– Как? – еле шепчу я в ответ, почти теряя сознание.

– А вот как – случайные знакомства с иностранцами, походы с ними в ресторан и так далее.

– Вербуете? – поинтересовалась я.

Он тихо засмеялся:

– Нет, предлагаю.

– А отказаться можно?

– Да разумеется, – бодренько ответил он. – Годы-то на дворе какие – перестройка! Вы уж так не пугайтесь!

– А я беременна! – радостно вскрикиваю я. – Куда уж мне в рестораны!

– Сообразительная вы, – разочарованно вздохнул любитель поэзии. – Ну, всего доброго!

Беременной я не была, а вот сообразительной оставалась. И как осенило?

Друга моего, слава богу, не посадили – времена и вправду начинались другие. Да и валютную статью вскоре отменили. Но осадочек, как говорится, остался. И очень надолго – если честно сказать.

Девяностые, продолжение

К тому времени я уже перестала переживать по поводу развода, бывший муж успел пару раз жениться и был вполне доволен собой.

Со вторым мужем мы жили в любви, понимали друг друга – а это главное. Он стал отцом моему сыну, и я видела, как он любит нашего мальчика, гордится им, заботится и ничего для него не жалеет. Воистину, если мужчина любит женщину, он полюбит ее ребенка – мой личный опыт тому подтверждение. В те годы мы много путешествовали, показывали сыну страны и континенты. Он увлекался музыкой – возраст такой, – и от этого всем было слегка дурно: музыка, на наш взгляд, чудовищная: тяжелый рок и все такое прочее. Ездили с ним на Арбат – там тусовались такие же типы в черных майках с Куртом Кобейном, в высоких, тяжелых ботинках, гриндерсах, в черных кожаных косухах и с сережками в ушах. Наш тоже был с серьгой. Ничего, пережили. Так же, как и татуировки, – правда, здесь было сложнее, конечно, без борьбы не обошлось. Сын меня не слушал, сейчас кается и говорит, что мама была права. Иногда даже добавляет ласкающее слух «как всегда». Сережку вынул из уха лет в двадцать, дырка давно заросла.

Никогда ничего я ему категорически не запрещала – ни серьгу, ни сумасшедшую музыку, ни все остальное. Я пыталась строить отношения на доверии, близости, и перебора не вышло – может быть, материал был благодатный? Не наглый такой «материал», совестливый.

Что определяет мужчину? Чувство ответственности! Надеюсь, что объяснила ребенку, что это такое.

А совсем недавно в машине сын поставил Анну Герман. Я обалдела, но промолчала. Потрясение, надо сказать, было сильным.

Всему свое время – вот непреложная истина.

Когда начались у него первые романы, все его девочки, равно как и друзья, приходили к нам в дом. Почти все мне нравились.

Но не все было гладко. В стране снова началась война. На этот раз – чеченская. Соседский мальчик вернулся с перебитым позвоночником, мамаша-алкоголичка его бросила, помогали только женщины из Комитета солдатских матерей и фронтовые друзья. Он свято верил, что встанет и пойдет. Его друзья вместе с матерями из Солдатского комитета, потерявшими своих сыновей, помогали обживать новую квартиру, данную

государством. Доставали все с боем, с трудностями, с безумными хлопотами и скандалами. Купили самый дешевый диван – спать на нем было невозможно, тем более инвалиду, икеевскую кухонную мебель. С трудом выбили бесплатную плиту. А кто будет на ней готовить? Кто-то из посторонних привез стол, стулья, старенький магнитофон. Что-то собрали соседи.

Мальчишка этот – солнечный, улыбчивый – радовался всему, прежде всего квартире. До этого жил в коммуналке с мамашей и отчимом. Как там было весело – можно догадываться. Про цену, которую он заплатил за эту квартиру, похоже, не вспоминал. А через год мальчик умер. Не сделали вовремя операцию – и все, конец. Было горько. Горько и страшно – вот это все рядом, так близко, за тонкой панельной стеной. Хоронили его мальчишки-однопольчани. Лица взрослые, суровые, плотно сжатые губы. Совсем взрослые лица. Господи, что им пришлось пережить... Они – без отдельных квартир. Потому, что с руками, ногами и ходят. Нечастные, никому не нужные взрослые дети... Сломанные судьбы, искалеченные жизни. За что и во имя чего?

Квартиру ту, кстати, тут же отдали следующему инвалиду. А сколько отпущено тому, другому? Сколько лет он в ней проживет?

Женщин этих, солдатских матерей, я приглашала на обед – с собой у них было только печенье и чай. Сидели на кухне и разговаривали. Одна из них рассказывала, что наконец счастлива – удалось найти останки ребенка, ее восемнадцатилетнего сына.

– А что ты думаешь? – спросила она, поймав мой полный ужаса взгляд. – Я его похоронила! Могу прийти на могилу, ты понимаешь? А у других и этого нет!

Я не ответила – что тут ответишь? Счастье, что можно прийти на могилу к ребенку...

И снова в трудные времена держала семья – мы любили наш домик в деревне Грибановке, куда каждые выходные приезжали наши друзья. Никаких удобств – туалет на улице, воды в доме нет, но шашлыки, разговоры до утра, гитара, воспоминания...

Счастье, что есть семья. Счастье, что есть друзья. И выживать как-то легче.

Наша дачная жизнь была веселой и – странной. Впервые мы близко столкнулись с деревней и ее обитателями. С настоящей деревней, нет, не совсем с глубинкой, конечно, но все же. Было там всего шесть домов. Четыре из них – дачи, где жили только летом, все жильцы – москвичи.

Все бы ничего – даже пьяница Петька, живущий бобылем в черном, словно обугленном доме с рентгеновскими «ребрами» вместо крыши. Участок Петькин был густо засажен картошкой. И все, больше у Петьки ничего не было и ничего не росло. В день пенсии он надирался уже по дороге с почты. Сил дойти до деревни хватало, а вот до дома – увы, не доходил. Наш дом был первым с краю, и Петька «отдыхал» ровно у наших ворот. Дорога была все время разбита – мимо нас, по единственной улице, каждый день прогоняли совхозное стадо. Ну а уж если был дождь! Лужа – огромная, глубокая, чавкающая жирной, пометом удобренной глиной, – была любимым развлечением детей. Там они постигали природу и мир. Ну и Петька наш тоже не брезговал – заваливался прямо туда, в эту лужу, не церемонясь. Сначала мы честно пытались вытащить горемыку-соседа. Но старожилы сказали – нельзя, будет спать, пока не прочухается.

– А если утонет? – засомневались мы. – Захлебнется, замерзнет?

На нас посмотрели, как на сумасшедших:

– Но до сих пор же не замерз и не потонул?

Что делать – спасать перестали.

Периодически Петька просыпался и орал благим матом:

– Сволочи все! Постреляю гадов, буржуев! Дрянь городская, враги! Америкашки гребаные!

Прочухивался он на следующий день, поутру. Поднимался как ни в чем не бывало и медленно чапал домой. Не заболел, не замерз, не захлебывался. Был бодр и – смущен. Приходил к забору, что-то канючил и извинялся.

Беда была в том, что в двух километрах от нашей деревни располагался совхоз – странный даже на вид, но при покупке дома мы об этом не задумались – было ни к чему. В чем странность? Да пили все поголовно! Трехэтажные кирпичные дома-бараки были полуразрушены, окна, серые от грязи, часто просто заколочены фанерой, свиньи валялись тут же, у подъездов бараков. Ну и частенько рядом с хавроньями, почти в обнимку, «отдыхала» в тех лужах и местная пьянь.

Племянник мой четырех лет, посмотрев на какую-то «сладкую парочку», выдал:

– А чтой-то их рожи на лица не похожи?

Ну и конечно, ребенок нахватал там столько фольклорных выражений и слов, что мы просто хватались за голову – что делать? Как его отдавать по осени в сад?

Однажды вышел конфуз – впрочем, вполне ожидаемый! Приехали гости – ну очень приличные люди! Сели обедать. И тут при полной тишине

– все очень проголодались, только пришли из леса – Данечка наш пулеметной очередью, хорошим, упругим текстом выдал тираду сплошь из нецензурной лексики. Произнес он это с выражением, с возмущением даже – актер он известный.

Гости бедные наши опустили глаза и быстро, давясь, принялись хлебать грибной суп – вроде бы ничего не произошло. А мы вскочили и выбежали во двор – краснея не от стыда, от смеха.

Вот что оказалось – совхоз этот развалившийся находился точнехонько на сто первом километре от столицы. А кого ссылали за сто первый? Сидельцев, вокзальных путан, алкоголиков. Вот и мы попали туда. Да и вообще – мы попали! Каждую зиму нас грабили. Причем выносили сразу и все. Срезали люстры, занавески, вытаскивали холодильник, мебель, посуду, одеяла, подушки. К весне дом был девственно чист. Просто стерилен – только отмой и живи. Правда, без стола, стульев, кастрюль, подушек и одеял.

Вытаскивали и носильные вещи – идем, к примеру, мы с мамой в совхозный магазин или на почту, а там! Все бабоньки в наших платьях, брюках и кофточках.

Спрашиваем: «Где взяли? Откуда?» – «А Нинка продала!» Нинка – алкашка! У аптеки разложила товар на газетке и – нате вам, земляки! По дешевке, ну, чтоб на пузырь! «Ну, мы и брали, – смущенно оправдывались местные красавицы, – дешево ведь! И хорошие вещи».

Вещи и вправду были хорошие – присылала их мамина подруга из Америки, поэтому были они узнаваемы.

Местные быстро поняли, что нам можно нести все – от грибов, собранных в лесу, черники, малины, гороха с совхозного поля до самоваров и прялок, найденных на чердаках. Дальше пошла капуста (тоже ворованная, скорее всего у соседей), яйца, недозревшие кабачки, мелкая картошка (стыренная наверняка с колхозного поля). Это несли пьяницы – собирали на бутылку. Прочухались и «кулаки» – рачительные хозяева, которые выращивали птицу, скотину и прочее. Однажды приперли целого теленка, уже освежеванного. В шесть утра – видно, трубы горели. Свистят у калитки:

– Хозяйк! Открывай! Свежее мясо!

Тащили еще теплых индюков, курочек и баранов, корзины грибов в промышленных масштабах, ягоды на варенье, компот, заморозку. Стали отваживать – но не тут-то было! Несли с прежней упорностью и упертостью – а вдруг повезет?

Случались ситуации анекдотические. О которых говорят «и смех и грех». В ясный погожий денек слышу свист, выхожу на крыльцо. Обычное дело – отпетый алкаш, еле стоит у забора. Спрашиваю, что нужно. Отвечает:

– А ты подойди! – и подмигивает. Залихватски так отвечает, с мужским кокетством. Интригует. Подозреваю, что в ведре у него грибы. Боже, снова грибы...

– Не хочу, – говорю. – Ничего нам не надо!

Ухожу. Через минут пять снова свист. Выхожу на крыльцо.

– Хозяйк! – орет он. – А как тебя звать?

Снова кокетничает – завлекает.

– Никак, – злюсь я.

Мужик, однако, сдаваться не собирался:

– Ну хоть примерно!

Жили, конечно же, в деревне и настоящие трудяги. Врать не буду – немного. Подружились мы с семьей Иванкиных. Трудились там все – дети к труду приучены были совсем с малых лет. Чем могли – помогали. Трудились и родители, и бабушка. У хозяина Коли был трактор – им и вытаскивал он наши машины, застрявшие в раскисших после дождя лужах. Держали кур, корову, теленка, коз, уток, огромный огород, парники. Люба, хозяйка, делала творог и сыр. Продавали они и яйца, и огурцы, и картошку. Картошка у них была необыкновенная – настоящая синеглазка, белоснежная, рассыпчатая, крупитчатая. Интересно, куда она сейчас испарилась? Сорт-то полно, а синеглазку – настоящую, с фиолетовыми «глазками» и шершавенькой шкуркой – не купишь. Был и огромный погреб – просто остров сокровищ, стратегический запас для небольшого города. Салаты, маринады, компоты, варенья, грибы. В ящиках с песком бережно хранились свекла, морковь, картошка.

Иванкины говорили, что запасов хватает на целую зиму – в магазине покупают только хлеб и селедку. Даже колбасу и буженину делали сами.

У них мы покупали молоко для детей, куриные яйца с оранжевым желтком, творог, масло, овощи. Люба научила нас мариновать молодой чеснок. Маринад подкрашивали свеклой, и красовались наши трехлитровые банки на кухне. Красота это была невероятная – просто украшение интерьера, мечта. А уж зимой такая была закуска! Любин чеснок так понравился нашим друзьям, что полетел ее рецепт по странам и континентам – в Америку, Германию, Австралию и Израиль.

У Любочки был отец, дядя Вася. Легенда и «бестолковый словарь»,

как я его назвала. Дядя Вася был мелкий, худосочный, мудрый как змея. В этом прежде всего был убежден сам дядя Вася и убедил всю семью. Не дурак был и выпить. Но главное – пофилософствовать! Здесь дяде Васе не было равных. Сентенции выдавал «на гора» – и, кажется, сам удивлялся.

Понятное дело, речь его была щедро нафарширована матом. Так щедро и плотно, что непонятно, что было связкой – нормативная лексика или, наоборот, ненормативная.

Приходил дядя Вася к нам часто – он был единственным членом семьи Иванкиных, освобожденным от тяжелого физического труда – наверное, держали его за пророка. Садился на ступеньку крыльца. В дом заходить не спешил – стеснялся. Раскуривал самокрутку, неторопливо осматривал наше убогое хозяйство, наш, так сказать, «огород» и глубоко вздыхал.

– Что ж вы, девки, коровы такие ленивые?

Ну и дальше то, что в нынешние времена принято запикивать. Мы начинали вяло оправдываться:

– Не ленивые, нет, просто мы городские, к деревенскому труду не привыкшие.

– А к чему привыкшие? – недобро усмехался он. – Морды малевать и жопы наращивать? А! – еще вспоминал недобрый сосед. – Книжки почитать!

Это – уже ко мне и к маме. Чтение дядя Вася не уважал – пустое занятие, глупое.

– Жизнь хочешь узнать? – щурил недобро он мутноватый от катаракты глаз. – А жизнь она, милая, здесь, на земле! – Он начинал энергично потрясать руками, давно отвыкшими от тяжелого крестьянского труда. – Жисть – она здесь! А не в книгах твоих! Там все... – тут он задумывался, – ... тары-бары, сиськи-масиськи, уси-пуси, чтоб красивше все было! Тьфу, сопли одни! А живого там нет.

– А ты читал? – спрашивала я. – Хоть одну?

– Не читал и не буду! – строго отрезал он. – Я эту жизнь, – тут он снова потрясал руками, – через себя знаю! Через беды свои. Я только «Правду» читаю. Поняла?

И матком, матком – как из солонки присыпает, не скупясь.

– А в «Правде» – все правда? – подзуживала я соседа.

Дядя Вася вздыхал:

– Да не, все – вранье, в смысле зудеж один (разумеется, слово, которое я заменила эвфемизмом, было совсем другое)!

Унка, собака сестры, огромный, жемчужного цвета дог, имела

привычку сбегать на волю. Забор наш был слабеньким, а Унка сильная. Подрывала, подкапывала землю или просто сносила хлипкие доски и – гуляй! Мы понимали, что кобылица наша снова сбежала, по диким, нечеловеческим крикам – оторва эта мчалась в совхоз или на поле и гоняла животинку – гусей, курей, коз и баранов. Деревенские нас, понятно, быстро возненавидели. Зять бросался в погоню за собачонкой с хворостиной – гнал ее, как телку на дойку, – к дому, домой, а потом нам предстояли объяснения с местными – за помятого гуся или испуганного барашка требовали денежных компенсаций. Мы, конечно, платили. А травмированный баран и насадка продолжали спокойно жить дальше.

Дядя Вася смотрел на все это скептически и выдавал:

– Эх, Антанас! (Зятя звали Антон, но с легкой руки дяди Васи он надолго стал Антанасом.) Хворостиной твоей... только мух с задницы сгонять!

Однажды ждали маминого старинного друга, профессора, членкора.

Дядю Васю предупредили:

– Мата – ни-ни! Это мы давно к тебе привыкли, а профессор!.. Короче, держи себя в рамках.

– Да запросто! – с уверенностью отвечал дядя Вася. – Для меня это... (ерунда, пустяк)! Я что, слова своего не сдержу?

Даже обиделся. Настал день икс. Приехал гость. Представьте картину: на ступеньках сидят щупленький дядя Вася и крупный, фактурный профессор. Молча покуривают – мужики! Начинается разговор о политике – любимая тема Василия Петровича. А дальше было так. Дядя Вася наш, бедолага, силится что-то сказать – мыслей-то много, а высказать их, облечь, так сказать, в словесную форму не получается, нет. Не может – и все! Онемел наш дядя Вася прямо на глазах. Застыл, аки жена Лота. Пыжился, нервничал, ерзал тощим задом, краснел, бледнел и вдруг – резко встал со словами:

– А пошли вы все на...!

Емко и коротко. И еще – привычно.

Ну и прочь со двора. Не получилось без мата. А ведь честно старался.

Главной темой в нашей семье был прогноз погоды. Мы замирали – не дай бог пропустить! Потому что если дожди – все, кранты, никто не придет. А если уже приехал – обратно точно не уедет. Домик наш мы купили за сущие копейки, а вот машины пришлось поменять на внедорожники. И стоили они го-о-раздо больше, чем дачка! Но о покупке

мы ни разу не пожалели – столько было там смеха, столько веселья, столько гостей, столько банных, шашлычных и просто счастливых вечеров! Но через шесть лет избушку свою мы продали – надоело бесконечное воровство, неласковые соседи, жуткая дорога да и вообще – далековато.

Появился у нас семейный бизнес. В ту пору совместные предприятия росли как грибы. Наше было российско-немецким. Совместно с немецкими партнерами-кинодокументалистами мы снимали кино. Большой проект – бои под деревней Прохоровкой, главное танковое сражение Великой Отечественной. Выезжали на место, брали интервью у местных жителей. Работа была тяжелая, но интересная. Зять и мой муж руководили, мама была бухгалтером и заодно руководила зятьями. Сестра сидела дома – родился уже второй сын, к несчастью, не очень здоровый. Ну и я, все еще домохозяйка.

А жизнь между тем стремительно менялась. В Москве появились новые кафешки, кофейни, пиццерии и «Макдоналдсы».

Помню счастье, когда подруга моя героическая, любимая Ленка, отстояв огромную четырехчасовую очередь вокруг бульвара, принесла моему сыну какой-то бигмак и пирожок с вареньем. Теперь в нашем городе можно было просто зайти в кафе и выпить какой угодно кофе – эспresso, капучино, латте.

Росли, как грибы, суши-бары – это вообще запредельно! Мы научились есть палочками. Сначала было непривычно, а потом – лучше японцев. И суши стали любимой едой русского человека. Поход в пиццерию для нас был как поход в ресторан. Для нас все ново, все необычно. Цены в магазинах высоченные, но есть всё. А мы и забыли, что сыры имеют названия – раньше было одно слово – «сыр».

Вот забавная история из тех лет. Удалось купить какие-то наггетсы из курицы, обваленные в сухарях, ужасного оранжевого цвета. Положили красивую коробку в морозильник и ждем гостей из Америки. Приехала подруга, мы подали эти дурацкие наггетсы на парадном блюде. Она странно посмотрела, есть не торопилась. Мы растерянно переглядывались. Увидев наше замешательство, она объяснила, что это пища для ленивых и бедных. Какая нормальная хозяйка подаст это на стол? Даже на обычный, рядовой семейный обед?

– Домашнее же вкуснее, – смущенно говорит подруга. – Я лучше картошечки с килечкой? Не возражаете?

А мы удрученно молчали. Хотели как лучше, а получилось...

Многие тогда, в 90-х, рванули в бизнес. Бизнесменов у нас расплодилось, как комаров на болоте.

А выстояли единицы – те, у кого шкура потолще. Многие прогорели, «попали», сломались. Это казалось, что бизнес – легко. Ну, а на деле...

И снова «пострадавшие и даже потерпевшие». Много было трагедий.

Двухтысячные

Новое тысячелетие принесло долгожданное благополучие. Все складывалось неплохо – муж работал, сын поступил в институт, я по-прежнему вела хозяйство. Но в душу постепенно заползала тоска. Отчего? Я не понимала. Пыталась разобраться – нет, все ерунда. Претензии мои к жизни были, если разобраться, мелки, глуповаты и беспочвенны. Я это понимала. «Все хорошо, – повторяла я себе, как мантру, – все хорошо!» Только почему же так плохо? Мама здорова, подружки всегда рядом, денег на жизнь хватало. Но я часто застывала у окна и бессмысленно смотрела вдаль. Что меня так угнетало? Да, вырос ребенок, я уже не так остро ему нужна. Но это нормально! У него своя жизнь – и слава богу. У психологов есть такой термин – «синдром покинутого гнезда». Я все понимала.

Да, дел у меня поубавилось, и это тоже нормально. Подружка-оптимист смеялась и предлагала «заняться личной жизнью», имея в виду совсем не то, о чем вы, возможно, подумали. Речь шла о бассейне, фитнесе, встречах с подругами, посиделках в кафе. А чем плохи короткие путешествия «для замужних дам», например в Питер на пару дней. Или в Ригу. Ну, и магазины, конечно! Можно было, опять же, заняться каким-нибудь хобби – например, вышивать бисером, расписывать картинки по трафаретам или что-то мастерить, разрисовывать, склеивать, перешивать или вязать. Талант тут особенный не нужен, всему научат и обучат. Вперед!

Но вот незадача – неохота. Подружка-пессимист утверждала, что все от безделья. Работающие тетки не заморачиваются и от тоски не страдают. Но профессия у меня, увы, давно была утеряна, двадцать вычеркнутых лет – это не шутки. И я по-прежнему маялась, тосковала и пыталась найти себе дело. Вспоминала слова своей бабушки – дел у женщины должно быть много! Только тогда я начала понимать, что она имела в виду. Тогда, в юности, мне были совсем непонятны эти слова.

Дел у женщины должно быть много, чтобы не заскучала, не истомилась, не изгрызла себя. Чтобы в голову не лезли дурацкие мысли об отсутствии жизненного смысла, о неправильно, впустую прожитых годах. Вот тогда я поняла и еще поговорку – тоска не уморит, а с ног собьет. «Надо что-то делать», – твердила я себе, категорически не понимая что.

В самые трудные моменты поддерживали мысли о близких. Дети, слава богу, и у меня, и у моих подруг получились хорошие. Проблемы с ними случались, не без этого. Но разве бывает иначе? Влюблялись, иногда

выпивали, что-то скрывали от нас, родителей, заваливали зачеты, не слушались, считали себя умнее нас. А мы, что, были другими?

Возраст, правда, у людей из нашего окружения, как говорится, был критическим. И случалось разное – один «верный» муж покинул семью, другой завел ребеночка на стороне. У подружки случился страстный роман, в который она упала, как в пучину, из которой не выбраться – только захлебнуться от счастья. И наплевать на хорошего мужа, достаток, родню. Она была так отчаянно счастлива, что это, наверное, оправдывало всё.

Часто я думала – слава богу, для меня эта тема закрыта, мы пережили все это давно: роман, развод, раздел имущества. Слава богу, я тогда была здоровее и моложе!

В те годы сбылась наша давняя мечта – мы купили наконец дачу.

Откуда у меня такая тяга к земле, к природе – сама не пойму! Бабушка моя, намучившись на съемных дачах, совершенно без всяких удобств да еще и под приглядом хозяек, дачную жизнь не любила. Мама скорее человек городской. Муж – тоже. Ему на даче быстро становится скучно – пожарить шашлык, посидеть с друзьями, потрепаться о жизни и – в город! К цивилизации, к телефону, к работе. Ну а я обожаю проснуться утром под пение птиц, выйти на терраску и охватить взглядом лес, его густую и успокаивающую зелень. Посмотреть, как утром раскрылись бутоны. Срезать ветку сирени и поставить в вазу на обеденный стол. Уединение – вот что для меня главное.

Мой компаньон – любимая собака Глаша. Мы вместе гуляем по лесу и не мешаем друг другу.

Домик наш был совсем небольшой, летний – три комнаты, кухня, терраска. Все маленькое, компактное и уютное. Участок в восемь соток, на нем елки, яблони, сирень и чубушник. А что еще нужно для счастья? Летом прохладно – дом крайний от леса.

Коротали с Глафирой дни с удовольствием и даже с энтузиазмом. Я расписывала старую мебель, оставленную прежними хозяевами: английский книжный шкаф, древний и тяжеленный комод – с места не сдвинуть, туалетный столик. Делала витражи на стеклянных дверях. Обтягивала новой тканью ветхие абажуры, обивала старые, но удобные диваны – грех их менять, натуральное дерево. Самое главное было – создать атмосферу старой дачи, из моего далекого детства. Той, которой у нас никогда не было и о которой я мечтала.

Мои фантазии садовника были очень скромны – только самое неприхотливое: флоксы, ромашки, вербена, садовые васильки.

Сидела я на даче в любую погоду, чем очень нервировала мужа: «Может, тебя забрать? На улице-то семь градусов – только начало мая!»

Нет, не забрать – нам с Глафирой тут хорошо. И плевать на погоду, сырость, дожди. Плевать на то, что надо растапливать печку и что из соседей – одни энтузиасты, вроде меня. Дача как-то вытягивала меня из тоски и уныния, давала силы жить. А сил после болезни было немного. Болезнь была долгой и очень жестокой. Впрочем, болезни всегда опустошают – ведь все силы уходят на борьбу. А после – бессилье, туман, ничего не остается. А жить как-то надо. Два года болезнь терзала, кусала и рвала на куски. Два года тупого отчаянья, душевной пустоты и почти безнадеги. Спас меня муж. Досталось ему – не приведи бог. Мне становилось легче просто от его присутствия. Он был рядом и все понимал – вот что главное.

Но не зря говорят: «Пришла беда – открывай ворота»! «Ворота» открылись, и посыпалось щедро: муж потерял бизнес. Хотите назвать «красиво» – пожалуйста: рейдерский захват. А на деле гораздо проще: отъем. Потерял в один день – это у нас бывает! Все просто, жаловаться некому.

В один день мы остались совершенно нищими. Копить никогда не умели, тратили легко и с удовольствием. Жили на широкую ногу – гости, поездки, покупки. Грела одна мысль – сын, слава богу, поступил в институт.

И в это самое время я начала писать.

Для себя, для души? Не знаю. Просто писала, чтобы отвлечься, чем-то занять себя, окунуться в чужую жизнь и спасти свою. Первые мои опусы были наивны и трогательны – сейчас мне самой немножко смешно. Все неумело, по наитию, но искренне. Писала я, разумеется, в стол – никаких мыслей о публикации не было, честное слово! Писала, кстати, от руки – компьютера тоже не было. Да и был бы – печатать я все равно не умела – до сих пор было ни к чему. Написанное читала мужу. Видела, что его это трогает, кое-где он даже хлюпал носом. Но я не обольщалась: муж есть муж, да и человек он сентиментальный. Словом, его оценка важна, но субъективна. Потом дала почитать подругам и маме. Все настаивали, что это надо показать. Кому, где? В наше-то время разве можно прийти с улицы и предложить опубликовать рукопись! Читала, что олигархи оплачивают увлечения своих жен – издадут их творения за собственный счет. У нас этого счета не было, об этом просто смешно говорить! Мы еле выживали – так было тяжело.

Но – чем черт не шутит? И я решилась.

На ВВЦ как раз проходила очередная книжная выставка, и я поддалась на уговоры родных, повторявших: «Что ты теряешь?»

Ранняя осень, сентябрь, бабье лето, тепло. Неяркое и прохладное солнце. Мама поехала со мной – поддержать. Мы кружили по выставке, подходя к стендам разных издательств – больших, средних и совсем крохотных, малоизвестных. Я робко протягивала дискету с рассказами. Где-то отказывали честно и сразу: «Что вы, новых авторов мы не берем! Старых девать некуда». Кто-то выслушивал, но качал головой: «Рассказы «о жизни»? Спасибо, не нужно. Сейчас этот жанр не в чести. Вот если бы детектив! Или триллер!» Кто-то брал дискету, но я понимала, что она там же, на выставке, и останется – вряд ли ее прочитают.

Но – снова счастлив мой бог! Случайно – а сколько в жизни таких случайностей – моя многострадальная дискетка попала в издательство, которое мной заинтересовалось.

Через какое-то время раздался звонок:

– А у вас есть что-нибудь еще?

Я тогда разревелась – от неожиданности и счастья. Не верила ни минуты, что в жизни такое бывает.

Точно уверена в одном – никуда больше я не пошла бы со своей сиротской дискеткой. Сто процентов! Так, повелась на уговоры родни. Его величество случай. Как много он значит в человеческой жизни!

А через полгода вышла моя первая книга. Конечно, в тот же день мы рванули в книжный – помню, что это был Дом книги на Арбате. Нашли книгу не сразу, если честно. Я взяла ее в руки – и... Сложно описать это чувство: растерянность, радость, неверие. Счастье. Я гладила ее, переворачивала страницы, рассматривала обложку – ну только что не целовала!

Вот так все и началось. Так перевернулась вся моя жизнь. Я вошла в какое-то волшебное зазеркалье, вышла на новую орбиту, попала в другое измерение. Долго не верилось – все это случилось со мной? Такое вот чудо, такие метаморфозы? Нет, так не бывает! До сих пор, кстати, не очень-то верю.

А потом все затихло. Два года я не писала. Почему? Наверное, не было мотивации. Поддержала я свои книжки, порадовалась, погордилась – и всё.

И я пошла работать. Работа была интересная – подруга открыла антикварный магазин, точнее магазинчик – полуподвальный, домашний такой. Ну, и позвала меня. И знаете кем? Совсем смешно – товароведом! Но я попробовала, и оказалось, что интересно. Вначале я ни в чем не разбиралась – какой антиквариат? Я его в руках не держала. Но, слава богу,

есть Интернет. И я начала копаться – фарфор, серебро, статуэтки, самовары с медалями, зингеровские швейные машинки, картины, кружева, сумочки с фермуарами, шляпки с перьями, обувь, платья 50-х, бусы, колечки, брошки – словом, винтаж. А еще клейма, пробы, года выпуска.

Не боги, как известно, горшки обжигают – кое-чему научилась. Обстановка в магазинчике была уютная, камерная – можно было с новыми знакомыми попить чай на кухоньке, поболтать о жизни с бабульками, принесшими кобальтовую вазочку, подарок покойного мужа, или старинную бронзовую чернильницу. В «лавку», как любовно мы называли наш магазин, часто приходили киношники и театральные режиссеры.

2010 год. Стоит невыносимая жара. Над Москвой висит плотный смог, удушливо пахнет гарью – город задыхается. Многие надели марлевые маски. Кто может – спасается, сбегает из столицы, прячется на дачах. Срочно эвакуируют детей и стариков. Мы тоже на даче, пару недель назад забрали из больницы маму – первый инсульт. Она не ходит, но стойко борется за жизнь. Передвигаемся как сонные мухи: хочется спать, спать и спать – очень жарко. Но и спать из-за жары невозможно. Жизнь начинается примерно в десять вечера – ловим слабое дуновение ветерка, который, увы, приносит не прохладу, а новую порцию гари. Тяжко. А тем, кто в городе? Кто ходит на службу? Мы-то хоть дышим вечером, а раскаленная Москва не остывает и ночью. Все мечтают о похолодании, о дождях и жадно вслушиваются в сводки погоды.

И вдруг – телефонный звонок. Мой редактор. «Не слышались» мы довольно давно, года полтора-два наверняка. Болтаем о том о сем, и в конце концов мне предлагают снова попробовать писать. Новое издательство (прежнее приказало долго жить) готово заключить контракт. Я растерялась: предложение не просто заманчивое – сказочное! Нереальная удача: самое крупное издательство страны, самое рейтинговое, самое-самое! Предложение, от которого отказаться нельзя: такой шанс выпадает лишь однажды. Но есть, конечно, условие: через два месяца я должна сдать новую книгу. А я... Я с мамой, которой сейчас очень сложно. Но, несмотря на растерянность, страх, неуверенность, я соглашаюсь, не очень, честно говоря, веря в успех.

Пишу на террасе – сторона солнечная, солнце не щадит, бьет в глаза, но в доме еще невыносимее. Приготовлен обед, все убрано, обихожена мама. Вечером должны приехать муж и сын, сестра с племянниками – значит, нужен и ужин. Пишу от руки – компьютер еще не освоен. Снова хочется спать – мысли растекаются, не собираются «в кулак», никак не

могу сосредоточиться – ну никак. Теряю надежду, что что-то получится. Мысленно трясу себя за плечи, убеждаю, что все смогу.

В августе, день в день, я сдаю новую книгу.

Так случился крутой поворот в моей судьбе. И я снова очень люблю и очень ценю жизнь, хотя часто бывали моменты – не буду скрывать, – когда ценность ее в моих глазах почти девальвировалась.

И началась светлая полоса. Женился сын. После первого, неудачного брака (тогда все кончилось очень быстро – словно бабочка-однодневка сгорела в фитиле свечи) он снова стал счастлив. В наш дом пришла своя девочка, которую мы приняли сразу – она нам понятна, у нас схожи взгляды на жизнь. Она образованна, умна, остроумна и домовита. К тому же она изящна и красива. Наша девочка, наша.

Мое материнское сердце теперь спокойно – вот главное счастье.

И еще одна перемена – точнее, не перемена, а что-то большее. Мы спонтанно приняли довольно странное и неожиданное, по мнению многих, решение – продали городскую квартиру и перебрались за город, на природу.

Зачем держаться за суетливый, шумный, перенасыщенный город? Терять время и нервы в пробках, дышать выхлопными газами, слышать, как у соседа за стеной падает вилка? Просыпаться ночью от музыки под окнами и криков подростков? Вздрагивать от рева ночных мотоциклов?

Я всегда любила природу, лес, тишину.

Искали мы новое жилье недолго – всего неделю. А когда нашли, я, едва войдя в дом, поняла: это то, что надо. Это мой дом. Помню первую ночь на новом месте – конечно, не спалось. Я бродила по комнатам, открывала окна, вдыхала запах хвои, любовалась деревьями вокруг дома. Улыбаясь от счастья, уснула с рассветом, под первые звуки птиц.

Мысль в голове была только одна – а можно...

Можно я побуду счастливой?

Ни разу – ни разу я не пожалела о сделанном. Свежий воздух, запах травы и цветов, пение птиц, тишина, густой лес прямо за окном, личное пространство у каждого – об этом можно было только мечтать. Тишина нас, правда, избаловала – в городе мне теперь шумно и пахнет. Точнее – воняет.

Мы посадили цветы, разбили газоны и впервые в жизни завели огород. Результат превзошел ожидания – огурцы мы ели все лето, зелень к столу – укроп, кинза, петрушка – теперь только своя. Тыквы выросли размером с хороший арбуз. Кабачков столько, что осталось и на зиму. А самое смешное

– это картошка! Посадить грядку картошки просила мама. Мы смеялись – какая картошка, о чем ты? Каприз! Но все же посадили. Картошка, представьте, выросла! Когда стали копать, изумлению не было предела. Но приятно, а главное – вкусно. Теперь мы говорим: «Не пропадем! Мы на земле, если что – прокормимся».

Что еще случилось в эти годы? Родился внук. Что тут скажешь? Счастье!

Как быстро, почти мгновенно, пролетает жизнь! Еще вчера, вот только вчера, я бегала на свидания, стояла под венцом, осторожно несла свой живот, боясь поскользнуться и навредить малышу. Вчера, кажется, на крыльцо роддома вынесли туго спеленутый сверток с моим сыном и передали в руки его отцу. Бессонные ночи, соски, пеленки. Первый класс и букет цветов, зажатый в маленьком кулачке моего серьезного мальчика. На школьных ступеньках он оборачивается, и я вижу тоску и тревогу в его испуганных глазах – так надолго мы расстаемся впервые... Выпускной вечер и бурные слезы родителей – мы отпускаем своих птенчиков в большую жизнь. Свадьба и снова слезы – теперь ты не мой, как это горько... Совсем уже взрослый мужик – муж и отец.

Все-таки самые главные женские вехи – успехи детей. Самые грустные – их болезни, провалы, ошибки.

Разве я могла подумать, что двухтысячные будут у меня такими насыщенными, такими наполненными – куда больше, чем в молодости: поездки, командировки, телевидение, интервью, встречи и впечатления. Бывает, конечно, непросто – порой накрывает усталость. Но ни за что – ни за что – я бы не променяла свою «новую» жизнь на полный покой.

А хотела бы я вернуться в юность, в молодость? Ответ очевиден – нет, ни за что! Не потому, что там было плохо! Там было много прекрасного! И все же...

Молодость – это страсти, сомнения, поиски себя, друзей, спутника, истин и правды. Ошибки – роковые и так себе, проходные, без большого ущерба и особых потерь. Вечное томление духа. Чрезмерная резкость суждений и выводов, бескомпромиссность, которой гордишься, отсутствие жалости и милосердия.

В молодости нет еще желания понять и простить. А ведь это так важно! И в первую очередь – для себя.

Так что туда, в бесшабашность, в безбашенность даже, в легкомыслие

и легкость, в необдуманность и в пустоту – не хочу. Слишком дорого и непросто мне дались осмысление и понимание.

Я научилась отделять зерна от плевел. Научилась не зависеть, отодвигать, позволять себе наплевать на незначительное, не тратить свое драгоценное время. Говорить «нет».

Мы учимся на своих ошибках, как ни банально это звучит. Учимся жить через «учительские слезы», как говорила бабушка.

Спасибо судьбе за то, что я научилась ценить многих и многое. Спасибо за встречи, которые меня изменили.

Часто думаю: считается, что жизнь переворачивается, кардинально меняется только в молодости, когда ты еще ждешь событий, жаждешь новизны, перемен – и, главное, – не боишься их, *еще* не боишься! А в зрелом возрасте резких и глобальных перемен уже почти не ждешь, да и немного боишься. Уже вполне себе «сладко» в своих привычках, в устоявшейся жизни, в определенном покое – все, отгуляли!

А вышло, что нет.

Ну что?

Снова гуляем?

И снова живем!

Остров Прекрасной Елены

В Плес мы с мужем попали случайно. Ничего не загадывали, просто хотелось вырваться из дома, «сменить картинку», схватить новые впечатления, глотнуть свежего воздуха. У меня так бывает – срочно нужен кратковременный перерыв в работе, чтобы глянуть на жизнь, чуть развеяться, хотя я отчаянный домосед, совершенно не тусовочный человек, словом, типичный рак по гороскопу. Понимали, что далеко уехать не можем – времени нет, так, пару дней от силы.

Очень хотелось в Святые Горы, к Александру Сергеевичу. Была там однажды – впечатления сказочные: северная природа, густые луговые травы, огромные вековые дубы. Сороть, Михайловское, аллея Керн. Окрестные Тригорское, Петровское. Красоты немыслимые, да еще и со смыслом, с содержанием. Но – посмотрели карту – далеко, почти шестьсот верст. А что ближе? И тут по телевизору краем глаза я увидела репортаж из Плеса – кинофестиваль «Зеркало». Вспомнила, что фестиваль этот проводится там ежегодно, киношники обожают эти места. Да и в музей Левитана хочется заглянуть, на Волгу полюбоваться. Опять же – Ростов Великий, Кострома, Ярославль – все по дороге.

Решено – едем! Сели в машину и рванули. Стоял конец июня, погода была прекрасная, настроение тоже. Путешествие на машине для меня – лучший отдых.

По обочинам дорог сказочная красота – цветут люпины, и кажется, что медленно, чуть колышась, текут неширокие, неспешные голубые реки.

Заехали в Ростов, погуляли по кремлю. Мы обожаем маленькие среднерусские городки, с их неторопливой, размеренной жизнью. С центральной площадью, деревенским базаром, где добродушные бабульки продают пучки редиски и зелени, где слышна окаяющая речь, где любой прохожий с энтузиазмом проводит вас до места, все объяснит, ответит на все вопросы.

И вот, наконец, Плес. Поразило сразу, что при самом въезде – горы. Не холмистость, не возвышенность, именно горы, поросшие густым изумрудным смешанным лесом. Дорога виляла, петляла. Мы рассматривали аккуратные деревянные домишки с резными наличниками, с яркими густыми палисадниками, уютные улочки.

Набережная в Плесе ухоженная, чистая, довольно широкая.

Открывается здесь красавица Волга во всей своей стати, широте и неспешности. У причала застыл белый корабль. Много цветов. Тут и там уютные кафешки с милыми названиями – «Кофейня Софьи Кувшинниковой» (это любимая женщина и подруга Левитана, художница). Русское подворье с сувенирными лавками, деревянными поделками, вязаными шальями, местной керамикой. Антикварный магазинчик – недешевый, конечно, но как много там интересного – старое кружево, настенные тарелки, посуда, фарфоровые фигурки, самовары, прялки.

И еще – повсюду запах копченой рыбы. Вдоль всей набережной стоят палатки, палаточки, магазинчики и ларьки, где продается лещ, чехонь, вобла, тарань, сазан. Такой местный плесский специалитет.

Музей Левитана прямо на набережной, окнами на реку – очень ухоженный старый дом, где и прожил художник, правда недолго, всего пару лет.

По архитектуре понятно, что город купеческий. Крепкие дома стоят, как стояли, твердо и на века. Почти все отреставрированы. Встречаются и ветхие, почти рассыпавшиеся, избушки – но это не портит вид, а придает городку провинциальную трогательную и уютную прелесть.

Мы устроились в маленькой гостиничке – первый этаж купеческого дома, три номера, все чисто, уютно и мило – и, конечно, отправились гулять. Вечером, устроившись на лавочке у реки, любовались пейзажем, застывая от сердечного восторга и трепета. Заходило солнце – нереальное, малиновое, огромное, освещая прощальным светом реку и другой берег. Над водой стелилась светлая дымка, словно пар от пашни, от теплой земли на восходе.

Слышался дальний гудок парохода – один долгий, протяжный и два коротких, отрывистых. Удивительное ощущение покоя и счастья. Кажется, нет нашего шумного, огромного, беспощадного и жестокого города.

Спали мы так крепко и сладко, как не спали давно.

На следующий день зашли в ресторан пообедать. Приветливые официанты улыбались нам, как самым дорогим гостям. Мы уселись на открытой террасе с потрясающим видом на Соборную гору и Волгу. Во дворе ресторана – мини-зоопарк, возле которого стайка детей. Цветов и зелени море! Двор декорирован старой утварью, мебелью, ковриками, зеркалами. Осмотревшись, я сразу сказала мужу:

– Здесь что-то не просто! Очень талантлив тот, кто придумал все это! Во всем чувствуется безупречный вкус и огромная любовь.

Официантка Верочка смотрела на меня внимательно – узнала? Я отношусь к этому спокойно – приятно, и только. В конце обеда, очень смущаясь, она попросила подписать ей книгу. И снова, смущаясь еще сильнее, пригласила зайти к хозяйке, в деревянный домик с резными наличниками, на котором табличка по-английски: «Private».

Нас встретила прелестная, улыбчивая, лучезарная женщина, примерно моих лет. Представилась – Елена, хозяйка. Пригласила нас выпить чаю. Гостиная точь-в-точь как в старорусских усадьбах. Мощный темный шкаф с книгами, огромный овальный стол под скатертью с бахромой. Низкий большой абажур теплого апельсинового цвета. Много книг, картин, икон. Сухие цветы в синих и зеленых вазах. Фотографии на стенах – узнаю актеров, писателей, музыкантов, телеведущих, известных политиков. Много фотографий личных – дети, друзья, родители, родственники. Пианино. У стола – уютный, полукруглый диванчик и венские стулья. Вкусно, по-домашнему, пахнет травами и сдобой. На столе розетки с вареньем, булочки, печенье и заварной чайник. Из него идет легкий ароматный парок.

Знакомимся, садимся. Елена говорит, что заочно знакома со мной – читала мои книги.

Сначала беседовали сдержанно, по-светски, но очень скоро поняли – мы свои, у нас очень много общего.

Расстались через пару часов близкими людьми, друзьями. Назавтра долго сидели на террасе, пили чай, и снова – бесконечный разговор.

В нашем возрасте обрести новыми друзьями непросто – почти невозможно: нет ни желания, ни времени, ни сил.

Тут случай другой – обе понимаем, что стали подругами.

Судьбы наши в чем-то похожи – московские девочки, ровесницы, рожденные в один год и даже в один месяц, выращенные бабушками. У обеих развелись родители. У обеих в семьях вдовы и репрессированные. И у меня, и у Лены бабушки стали вдовами в двадцать восемь. Мы обе – матери сыновей и свекрови, у обеих за плечами развод и два брака. Испытание страстью, большая любовь. И я, и она в свое время безболезненно расстались с Москвой – в тишине, на природе нам лучше. У нас общие вкусы, общие песни, общие книги. Мы пережили и блеск, и нищету, выкарабкались из проблем, которым, казалось было, нет решения.

И еще одна схожесть – мы «сделали себя», стали тем, кем стали, далеко не в юном возрасте – обеим было прилично за сорок. В сорок лет жизнь только начинается? Возможно, у кого-то это так. У нас с Леной она

началась в пятьдесят.

Так началась моя дружба с Леной. Позже, узнавая все новые и новые истории из ее биографии, я удивлялась все больше и больше. Благополучная, сытая Франция, Париж, откуда она уехала в российскую деревню в самые непростые 90-е годы. Усыновленные дети. Дальше – Плес, покупка полуразрушенного дома с «фантастическим видом». Кроме «вида», не было ничего, даже забора. И все получилось!

Что это – удачливость, везение или закономерность?

История Лены вызвала у меня чувство огромной радости – талантливый человек добился всего, о чем мечтал!

В «большом» доме на стенах картины Рустама Хамдамова, им же подаренные. Он у Лены частый гость. Лора Яблочкина-Гуэрра, жена великого Тонино, часто приезжает в Плес, и Лена ездит к ней в Пеннабилли, в дом, где все сделано руками Тонино. Артисты, режиссеры, писатели и музыканты, творческая интеллигенция и элита – все обожают это сказочное, волшебное место – Остров Прекрасной Елены. Владимир Васильев, гениальный танцовщик, написал: «В книге отзывов много моих друзей. И много врагов. И всех примиряет Ленин талант и объединяет любовь к родине – в твоём, Лена, лице!»

Когда я разговариваю с Леной, меня не покидает мысль: «Если бы было побольше таких вот людей, как бы мы жили!»

Смеемся: «Мы с тобой, Лена, женщины трудной судьбы!» А разве есть судьбы другие?

Я хочу, чтобы Лена рассказала вам свою историю.

Я хочу, чтобы вы услышали историю Лены.

Пятидесятые

Я родилась в конце 50-х, в июле, в самом центре Москвы, в роддоме номер 11, что на улице Щипок.

Меня очень ждали и были готовы к любви. Особенно ждали меня дед и бабушка. Я стала для них первой, желанной, долгожданной и любимейшей внучкой. С первых дней они окружили меня такой глубокой и яркой любовью, такой заботой и нежностью, что все остальное – в том числе и сложные отношения моих родителей – не помешало мне ощущать себя абсолютно счастливой.

В Москве я прожила до тридцати с небольшим. Потом была Франция, дальше – российская глубинка, позже ставшая моей окончательной родиной. Но Москву, свой первый город, я буду отчаянно и нежно любить всю жизнь – даже будучи с ним в многолетней разлуке. Я помню ее широкой, просторной, свободной, зеленой, окруженной вереницей прохладных и тенистых бульваров. Машин еще было совсем мало, а улицы – наоборот, были многолюдны – спешили по своим делам студенты и служащие, медленно и степенно прогуливались пенсионеры, то и дело встречались растерянные, ошарашенные приезжие, восторженные туристы, гордые молодые мамочки с низкими закрытыми колясками и ребятня, галдящая в пышных от зелени скверах.

Народ московский был всегда торопливый и озабоченный, но не злой – точно помню: хамства и грубости не было. Москвичи любили свой город и гордились им.

Сейчас, когда я вижу старые съемки той, прежней, моей Москвы, понятной и близкой, сердце сжимается от печали и грусти. Сколько было в ней спокойной и уверенной мощи, размаха! Сколько было простора и красоты!

Моя мама, Нина Грачева, была из приезжих – в четырнадцать лет она приехала в Москву из станицы под Туапсе, где родилась и жила с матерью и двумя братьями. Приехала к родне на каникулы и так в столице и осталась, поселилась в Домодедово, в семье своего дяди Федора Ивановича.

Жена дяди Федора, тетя Мотя, стегала на всю округу одеяла, и к этой «хлебной» профессии стали приобщать и мою четырнадцатилетнюю маму. Дело это было прибыльное и творческое – одеяла стегали к свадьбе, ко дню

рождения, к рождению ребенка и просто в подарок. Процесс этот был непростой – раскладывались пяльцы, растягивался сатин или атлас, подкладывался ватин, и начиналась работа. Мелом на ткани чертились узоры – завитки, ромбы, круги и квадраты, которые потом вышивались плотными нитками.

Домой мама уже не вернулась – привыкла к Москве, полюбила ее. К тому же она уже вполне владела «хлебной» профессией. Хотела учиться дальше, но работающая родня ее отговорила – доход от одеял шел приличный.

У Федора Ивановича, маминого дяди, был хороший и крепкий дом, где жила вся его дружная и работающая семья, которая стала семьей и для мамы. Приняли там ее замечательно, по-родственному тепло и радушно.

Моя бабушка, мамина мама, Ольга Владимировна Грачева, происходила из богатого, сильного казачьего рода. Ее большая и зажиточная семья жила в Краснодаре, но в тридцатые годы стали они переселенцами и раскулаченными, переселили их далеко за Урал. Но и там они поднялись – жили достойно и по-человечески, несмотря на все тяготы и сложные, порой невыносимые жизненные условия. Работа их никогда не пугала. Эти сильные люди умели и любили работать.

К бабушке Оле я уезжала на лето, на каникулы. Была она женщиной строгой и немногословной – одно ее слово могло означать целое предложение. Если ей не хотелось отвечать на мои вопросы, она лишь сурово поджимала губы. Рассказывала бабушка о жизни редко и неохотно. Когда я ее как-то спросила, отчего маленькая дверца, ведущая в сени, сплошь усеяна, как решето, мелкими дырами, она долго молчала, а потом коротко бросила:

– Пули. – И быстро вышла во двор.

На дальнейшие вопросы я не отважилась.

Дома в станицах назывались хатами или мазанками. За калиткой, прямо возле нашего забора, росла огромная груша, и моя немногословная бабушка как-то обмолвилась, что на ее корявом суку было повешено немало людей.

– Все вешали, – спокойно сказала бабушка. – День – партизаны, день – немцы.

Всё. Без подробностей. Да и спрашивать было страшновато. Помню только, что корявую грушу я старалась обходить стороной – не дай бог зацепиться подолом за ее разлапистые и острые ветки.

По воду мы ходили на речку. Горная речка возле Лысой горы была

холодной и быстрой. Как-то бабушка обронила, что в войну набрать ведро чистой воды было невозможно – страшные бои шли на Лысой горе, и почти пять дней река истекала и пенилась кровью, сначала красной, потом бурой, а потом бледно-розовой.

Помню, как тоскливо забилося у меня сердце – походы по воду стали испытанием. А деться-то было некуда!

Однажды, идя за водой, я наткнулась на клубок крупных змей. Испугалась страшно – бросила ведро и помчалась домой. Влетела с криком:

– Баб, баб! Там змеи!

Бабушка обернулась не сразу:

– Ведро где?

Ну, что делать? Пошла. Правда, обошла это страшное место, но воды принесла. Гнева строгой бабушки я, конечно, боялась, и слово ее для меня было закон.

В те годы в земле пряталось довольно много снарядов. Местные мальчишки еще много лет баловались страшными находками. Искалеченных детей в станицах и селах было множество. Помню половину снаряда, устроенного под поилку для наших утят. Помню каску, в которую бабушка сыпала пшено для цыплят. Я спросила:

– Ба, а чья каска? Наша или фашистская?

Бабушка пожала плечами:

– Какая теперь разница!

Магазина в деревне не было – за хлебом мы ходили в станицу Самурскую, за семь километров. Хлеб подвозили туда регулярно, а если везло, то могла обломиться селедка, или ириски, или карамельные подушечки, обсыпанные сахаром, возможно – мука. Хлеба брали много, буханок по восемь – десять. По дороге мы, дети, его потихоньку ели. Это и был наш обед – теплый хлеб и груши, яблоки, сливы. Было у нас и два места отдыха – у кладбища и у начала станицы.

Еще мы ловили форель, почти руками, столько ее было, только хватай! На крючок цеплялись червячки – почему-то назывались они «акробаты», и брался ивовый прут. Мы бежали вдоль реки очень быстро – река горная, шустрая. «Цепляли» форель. Жарили на костре – тут же, на берегу. Какой же был вкус!

Ни колхоза, ни совхоза в станице не было. Пенсий тоже – вполне понятно. Как зарабатывали деньги? Трусили деревья – дикие груши и дикие яблони. Я залезала на дерево и колотила по толстому, корявому

стволю здоровенной палкой. Фрукты с шумом падали на землю, на старую простыню, разложенную на траве. Мешок для сбора фруктов назывался чувалом. Чувал набивался «по горло» и сдавался в кооперацию. Небековы, Оганесяны, Крученковы, Лапшины, Петровы тащили свои чувалы, им давали по пятьдесят копеек за мешок. Груши, яблоки, алыча сдавались скупщикам. Фрукты покупали у нас, заготовителей, на вино. Это и был единственный заработок.

Дочь и сыновья, разумеется, бабушке помогали, но собственный заработок – дело святое. Деньги, присланные детьми, она скрупулезно откладывала.

Станица была многонациональной, и никаких – никаких! – распрей не было. Вместе жили русские и украинцы, армяне и казаки. Чуть поодаль жили черкесы – вот они общались с местными чуть меньше и жили немного обособленно. Но – повторяю – никакой вражды не было. Когда кто-нибудь из станичников строил сарай или дом, соседи обязательно помогали. Дети месили глину – голыми ногами, естественно, для нас это была игра, удовольствие. Во дворе стоял огромный, наспех сколоченный стол, куда все работники, включая детей, садились обедать. Все несли что-то из дома – картошку, сало, хлеб, лук, огурцы, помидоры. Женщины пекли лепешки, которые посыпались сахаром или солью и поливались подсолнечным маслом. Ели и тюрю – домашний серый хлеб с ароматным подсолнечным маслом, сладким луком и перцем. Посыпалось все это крупной серой солью. Для детей делали сладкую тюрю. Тогда в миску добавляли жирную, масляную, вязкую, тающую на солнце, похожую на мастику, подсолнечную халву. Ничего вкуснее этой тюри и домашнего серого, дырчатого, «дышащего», теплого хлеба я больше не ела.

Храма в станице не было – мы ходили в другое село, километров за двенадцать. Все посты бабушка Оля соблюдала неукоснительно строго.

Каждый вечер она молилась – я слушала ее молитвы, лежа под одеялом и чуть дыша, – молитвы были больше похожи на разговор с соседом – добрым и старым дедулей. С богом бабушка разговаривала по-свойски – просила здоровья детям, соседям, скотине. Рассказывала незначительные, но важные для нее истории – о прожорстве поросенка Моторки, о недугах скотины, шалостях внуков, о подросших и непослушных детях, подробно пересказывала ему все события прожитого дня. Просила убедить мою маму и сыновей не делать того-то и того-то, образумиться. И снова просила здоровья для всех.

Помню пожар – горел дом где-то далеко, на другом конце станицы. Бабушка разбудила меня поздней ночью:

– Ленка, вставай!

Бежали мы километра полтора, а вместе с нами – вся станица. Взрослые громыхали большими ведрами, дети тащили маленькие ведерки. Пожарку не ждали – откуда ей взяться? Тушили своими силами – и, как правило, успешно.

Хоронили всех на одном общем кладбище – армян, украинцев, казаков. Но обряды были, конечно, разные. Только у черкесов было свое кладбище, отдельное, только для них. Помню, как соседи клали на гроб, в ноги, деньги – молча и кто сколько может. Клали все – такой был обычай, такое правило.

Первыми в станице телевизор купили Тищенко – и вся станица ходила к ним на просмотры – это было настоящее чудо – ведь у большинства не было даже электричества. К нему надо было еще привыкнуть, и потом – за него надо было платить.

На маленькой площади возле нашего дома по вечерам собирались жители – старики, молодежь и мы, дети. Все кучковались по интересам, нас, малышня, конечно, гоняли. Мы сидели возле стариков и, замерев, слушали их разговоры. Перебить старшего, пусть даже свою родную бабушку, было невозможным, невероятным! Веником по ногам, и с концами домой.

Своим малолетним друзьям я рассказывала про Москву – про Большой театр, цирк, Дворец съездов и Красную площадь. Рассказывала про асфальт, про троллейбус – никто из них этого не видал! Про скоростной лифт во Дворце съездов. В этом лифте мы развлекались – прыгали «хором», и лифт останавливали. Однажды туда зашла очень стройная и красивая женщина. Прищурясь, посмотрела на нас и спросила:

– Ну что, на «раз-два-три»? – И, улыбнувшись, подпрыгнула вместе с нами.

Лифт остановился. Когда она вышла, дети зашептали: «Плисецкая!»

Такая вот встреча.

Слушали меня с открытым ртом – москвичка приехала!

Просили показать, какой он, этот Большой театр. Насколько большой? Я отмеряла шагами и разводила руки. Никто мне не верил: «Такой вот большой? Да брешешь, москвичка!» Спрашивали про метро и тоже не верили: «Глубоко под землей? А как все не рушится?»

Возможно, верили не всему, но уважали! И я была точно – звезда.

В станице жили натуральным хозяйством – все свое, от А до Я. Никаких комбикормов не было и в помине, скотину кормили хлебом и кукурузой, помню, как лутили ее до мозолей, сушилась она на чердаке. Кормили этой кукурузой и свиней, и птицу. Свиньи паслись в лесочке, в горах, гуляли свободно. Иногда свинья приносила странный приплод – полосатый. Бабушка всплескивала руками – опять понесла от дикого кабана!

Вечерами на улице бабушка варила скотине пойло – хлеб, остатки еды, кукуруза, буряк. На летней кухне она пекла лепешки, и мы, дети, прибегая с улицы, хватали их горячими. Как было вкусно!

Вечером, перед закатом, бабушка выходила на улицу и звала поросенка:

– Моторка, Моторка!

И Моторка неся по улице к своей миске, как бешеный паровоз, с утробным и устрашающим воем – ничто не могло его остановить на пути к еде.

– Отойди с дороги! – кричала мне бабушка. – Собьет!

Все украинские, казацкие и станичные хаты-мазанки ослепительно-белые, в голубизну. Я наблюдала, как их обмазывают, и даже принимала в этом участие. На берегу реки собирались кальцевые камни. По виду они не отличались от других, но бабушка точно знала, какие именно нужно брать – только кальцевые, и никакие другие. Потом мы в ведрах несли эти камни в станицу, где в центре давно еще, предками наших станичников была вырыта огромная яма.

Камни сваливались в яму. Три дня горел костер, у которого по очереди дежурила вся станица. На четвертый день костер тушили, и народ собирал камни – брали именно то количество, которое принесли. Камни кидали в ведро, в холодную воду, где они шипели и распадалась, превращаясь в кашу. Эта каша и была той самой известкой, побелкой. Туда же, в известку, добавлялась синька. Так получалась та самая побелка для хаты! Именно поэтому хаты-мазанки были ослепительно-белого, с оттенком нежно-голубого, цвета. Мазались хаты лыком – самодельной мочалкой.

Деревянный пол мылся до такой чистоты, что доски для готовки нынче навряд ли чище, чем пол у хорошей хозяйки в станице. Скреблись половицы острым ножом. Помню запах только что вымытого, душистого,

свежего пола.

Вязались лоскутные коврики – для украшения. Ничего не выбрасывалось – ни одной тряпочки! Ни старые платья, ни юбки. В ковриках я узнавала свой старый сарафан, майку или мамину блузку. Лоскуты подбирались по цвету и были связаны в большие мотки. Хранились они в сундуках.

У хорошей хозяйки была голубоватая хата, блестящие полы и километры лоскутных ковриков по всему полу. «Девочка должна все уметь по хозяйству», – говорила мне бабушка. Дом – это главное. Дом, чистота и еда! А все остальное – чепуха, ерунда. Стихи, рисунки, пение в хоре Локтева – московская девочка, все понятно – она не приветствовала и даже слегка осуждала, упорно считая все это отъявленным баловством.

Что ели? Кухня была интернациональной: черкесский сыр, армянская долма, казацкие борщи, украинская «яишня» на шкварках из сала, турша – молодая квашеная фасоль. Лаваш, горячий, только что вынутый из печи, выпекали армяне. Пирожки – огромные, с ладонь взрослого мужика, – казачки. Начинки – из риса, яиц, капусты и яблок – клали в них много, для сытности.

Из любой падалки: груш, яблок, слив – хозяйки варили взвар, что-то вроде компота. Взвар был густой и сладкий – почти без сахара, опять экономия, к тому же южные переспелые фрукты щедро отдавали свою сладость. Бидоны со взваром стояли в погребах. Делали и квас – хлебный, светлый. Для вкуса бросали горсть сушеного винограда – изюма.

Спустя много лет мы с младшим сыном приехали в нашу станицу. Сын ловил форель в той же реке – только рыбы уже было значительно меньше. В Гуамском ущелье, на месте нашей бывшей станицы, было пустынно и мертво. Ни одного дома, ни одного огорода, ни одного забора, ни даже остатков садов – все уничтожили в пыль, сровняли с землей. Сердце сжималось от боли и тоски. Какая была станица, с какими традициями, с какими людьми!

От переселения на Урал бабушку спасло то, что ее рано выдали замуж, в шестнадцать лет. Ее мужа, моего деда, арестовали в 39-м – как ЧСИР, члена семьи изменника родины. Брат его был начальником Новороссийского порта. В войну тюрьму, где дед сидел, начали бомбить, и он смог сбежать. Спрятался в кукурузном поле. Видимо, там и остался. Вдовой бабушка стала в двадцать восемь, замуж больше не вышла, так и не поверила в то, что дед погиб, – ждала его всю свою жизнь. Чтобы спасти

детей, сбежала с ними, тогда совсем маленькими, на край света, в горную станицу. Напугана была до смерти, всю жизнь боялась стука в дверь. А еще боялась не прокормить, не поднять детей. Поэтому всю жизнь работала – тяжело, изматываясь.

Реабилитировали деда в 56-м, как и всех остальных несчастных и невинно убиенных.

Дети выросли и разъехались кто куда. А бабушка из станицы уезжать не желала. «Здесь дом и свобода», – говорила она. С ее гордостью, даже гордыней, сложно было представить, как бы она ужилась в чужом доме.

Только в самом конце ее жизни моя мама увезла ее в Москву.

Бабушка Оля мало что видела в жизни. Революцию, войну, нищету, голод. Старую грушу, на которой висели, покачиваясь, окоченевшие трупы. Реку, красную от людской крови. Тяжелый, изнурительный деревенский труд. Нищенский, аскетичный быт. Раннее вдовство. И – никакой радости и баловства! Никакой женской радости – сюрпризов, подарков, цветов, шелковых платьев, изящных туфель, хорошего белья. Пышных пирожных, шоколадных конфет – не на большой праздник, так, к чаю! Ни разу – ни одного раза в своей жизни! – она не была на курорте. А без радостей сердце черствеет. Так и жила с окаменевшим, застывшим от боли и тоски сердцем. Всю свою жизнь. Но – никому не завидовала, никому не сделала зла!

Суровая казачка, она научила меня ничего не бояться, ни перед чем не пасовать, рассчитывать на себя, трудиться. Но главное – верить в бога больше, чем даже в родителей.

Спасибо ей и за это!

Один из бабушкиных детей, мой дядя Жора, – человек необычный. Он пережил огромное горе: один его сын утонул, а второй пропал в горах. Следом за сыновьями ушла и жена. Дядя уехал из Туапсе – жить в одиночестве в доме, где жила вся семья, было невыносимо. И вернулся на родину, чтобы там, в знакомых и любимых местах, завершить свою жизнь. Вернулся – и стал лучшим проводником в Гуамском ущелье.

Дом его нынешний – настоящий ковчег. Живет он в горах один. Его гости – снежный барс, «кошка с котятами», которым он оставляет еду у крыльца. Прилетают птицы, приходят дикие звери.

Преподаватели и студенты-биологи из московских институтов приезжают к моему чудаковатому дядюшке, чтобы ознакомиться с его наблюдениями. Они внимательно слушают, записывают.

Дядя Жора построил в горах часовенку, куда пару раз в год совершает паломничество. Босой идет всю дорогу, чистит часовенку, убирает ее, зажигает свечи, поправляет иконки. Собирает каштановый мед, им угощает гостей. Дядя Жора много читает, в основном церковные и философские книги. Строгий вегетарианец, он ест дикие абрикосы, ажину – ежевику – и то, что посылают господь и природа. Занимается спортом, выглядит молодо, бодр и здоров. Люди в окрестностях знают его, говорят о нем уважительно.

Моя бабушка по отцовской линии Клавдия Владимировна Семенова – из провинциальной интеллигенции, из династии учителей. Потеряв при пожаре дом и хозяйство, ее семья двинулась из Рязани в столицу, в Москву. Большая и дружная семья, трудяги, очень скоро они в столице обжились и обзавелись своим домом.

Бабушка Клава родилась уже в Москве. Родни было много, все очень дружили и помогали друг другу. Это был сильный, крепкий и очень сплоченный клан. Клавдия Владимировна скрывала свои дворянские корни – хвастаться этим тогда было не принято.

Где и как юная красавица Клава познакомилась со своим будущим мужем, моим дедом, к моему большому сожалению, я точно не знаю.

Дед мой, Александр Завидков, был родом из маленького украинского местечка. Вся его семья погибла на Украине, по-моему, во время погромов – брак-то был смешанный. В детстве его часто дразнили – подкидыш, евреныш, жучара. Национальность свою всю жизнь дед скрывал – помнил травму, нанесенную в детстве. Узнала об этом я уже взрослой, из рассказов бабушки Клавды. Ребенком его забрали в Москву, московская родня его приютила и воспитала, гордилась им – смолodu дед был смышленным, ловким, необычайно талантливым: пел, танцевал, играл на музыкальных инструментах. И всего достигал исключительно сам, самоучкой.

В доме дедушки и бабушки было огромное количество друзей, родни – кто-нибудь обязательно останавливался, переживал неприятности, грелся у большого костра огромной семейной любви. Коммуникабельность у меня именно от них, от дедушки Саши и бабушки Клавды.

Дед с бабушкой обожали друг друга, особенно бабушка деда. Всю жизнь она преданно служила ему, преклонялась перед ним, ценила и уважала. Именно она научила меня любви и ласке, посвятила в тайны семейного счастья, дала всестороннее образование, привила вкус к красоте, приучила всегда обращать внимание на детали и уважать желания других.

Многим, что есть хорошего во мне, я обязана увиденному и

услышанному от бабушки Клавдии, мамы моего отца, женщины с великой русской душой, с истинным терпением и состраданием.

Слова ее я помню до сих пор: «Никогда не забывай людей благодарить! Самое великое чувство, доступное каждому, – благодарность! Если мы умеем быть благодарными, мы можем научиться ценить то, что нам дается! А значит, можем быть счастливыми и сделать счастливыми других! Вдумайся в слово «спасибо» – спаси бог, ты услышала? Будешь благодарной – и тебе будет помощь!»

«Я обычный человек, – говорила бабушка, – я с радостью делюсь тем, что у меня есть. А вот добрый человек делится последним!»

Клавдия Владимировна была всегда прекрасно одета, всегда с прической, маникюром, на каблучках. Делала она все быстро, четко и аккуратно – равных в хозяйстве ей не было! Любила украшать свой дом, обожала чистоту, красиво накрывала столы – всегда была скатерть, льняные салфетки, приборы. Была веселой, смешливой, заводной. А какие букеты она собирала из простых и скромных полевых цветов!

Дед имел должность по тем временам очень серьезную – замдиректора Монетного двора на Мытной. И везде он оставался начальником – и на работе, и дома.

Бабушка окончила курсы машинисток и работала в отделе жалоб при приемной Калинина, в Кремле. Потом стала заведующей машбюро в институте Нефтехим, что на Бауманской. Знала немецкий язык и печатала на нем, набирала кандидатские, докторские. Имея троих детей, она всегда работала.

Это была крепкая, дружная, трудовая московская семья – со своими традициями, устоями, правилами.

Жили мы неплохо – всегда были докторская колбаса, рыба, хороший кофе, конфеты. Завтракал мой дед очень своеобразно – перед завтраком съедал кусок селедки и опрокидывал стопочку водки. А уж потом подавались овсяная каша, творог и кофе. В доме царила чистота, красота и вкусные запахи.

В магазины и на рынок ходил только дед – продукты приносил в промышленном количестве, был домовитым. Ягоды – для компотов, варенья; маленькие карасики, зажаренные, как сухарики, как чипсы. Мясо для тушенки – на лето и на «если вдруг что». Все это надо было переработать, почистить, сварить, пожарить. Когда моя гениальная бабушка все успевала? Когда? Работа, трое детей, капризный и избалованный, хотя и

хозяйственный муж?

Дед с бабушкой жили мирно – бабушка никогда с мужем не спорила. Он был человеком строгим, последнее слово всегда было за ним. Он – добытчик, главный кормилец, непререкаемый авторитет. Жена – умница и красавица, прекрасная мать, восхитительная хозяйка и украшение дома.

Казалось бы – полная идиллия. Но это было не так, вернее, так, но не совсем.

Однажды бабушка Клава узнала, что у деда роман. Да не просто роман – долгая связь с секретаршей, успевшей родить от него ребенка. Донесли «добрые» люди, соседи.

Как повела себя бабушка? Моя мудрейшая, умнейшая, моя гениальная бабушка?

Она промолчала. Просто сделала вид, что ей это неизвестно.

Вот что она рассказала мне, своей внучке: «Конечно, я растерялась! Да нет – ошалела. Ну еще бы – я ведь живая! Сидела полдня на стуле и редела, редела. Все думала – как буду жить? Как посмотрю в глаза ему, этому...?»

Но отрыдала и решила – а что я хочу? Бросить в лицо мужу, что он подлец? Собрать ему вещи? Выставить за порог? Он уйдет – а что ему делать? А я? Останусь одна да с тремя на руках? Останусь без любимого мужа? Без хорошего, работающего, доброго и умного мужика? А хорошо ли будет мне? А моим детям? Подумала, подумала и решила – ничего ему не скажу! Пусть будет как будет. Захочет уйти – не удержу. А захочет остаться – значит, любит. И это вот главное!»

Женщины деда любили – это очевидно. Но так, как моя бабушка, никто и никогда никого не любил! В молодости я завидовала – ей выпала такая любовь. Дед мой, Александр Федорович Завидков, был, безусловно, большой личностью. Его было за что любить – да и мужская харизма!

Я помню, как звонким голосом бабушка звала любимого мужа:

– Саня, Санечка!

Когда родился мой средний сын, названный в честь деда, я стала называть его Саней. Бабушка меня тут же поправила:

– Саня – это твой дед! И второго Сани не будет!

Я посмеялась и стала звать сына Шуней: Саша, Сашуня, Шунечка.

Ни разу в жизни ничего не сказала деду о той истории, не попрекнула, не обнаружила своего недовольства. Что было там, в той семье? И вообще, была ли семья – там, у той женщины, ворвавшейся в нашу спокойную жизнь? Этого мы не знали. Просто бабушка решила – та часть дедовой жизни ее не касается! Эта жизнь не ее, всё, точка.

А что уж было у нее на душе... Можно представить.

Кстати, соседи наши кипели от злости – ну не получили они долгожданных скандалов и истерик. Полный облом! А с каким упоением ждали! Не оправдала умная Клавдия ожиданий, не оправдала!

Жили мы в коммуналке на улице Большая Пионерская, бывшая Большая Дворянская. Во дворе дома рос огромный тополь, на нем висели качели. Тополь этот – спасибо коммунальщикам и озеленителям – жив до сих пор. Когда-то – об этом тоже я узнала не сразу – весь дом принадлежал семье деда, московской родне. А потом им выделили три комнаты, решили – достаточно. И правда – достаточно!

Дед сделал так, что внутри коммуналки была наша, отдельная квартира – да еще с туалетом и ванной! Умудрился мой мудрый дед выгородить пространство, отделиться.

Помню огромный коридор с тазами, велосипедами, санками, цинковыми корытами и черным эбонитовым телефоном. А еще – исписанные блеклые обои с телефонными номерами и огрызок карандаша на веревке – чтобы было чем записать телефон.

Из соседей помню грузчика дядю Шуру, здоровенного, с огромными ручищами, вечно пьяного и страшного – вся коммунальная кухня пряталась от него по углам.

Тетя Поля, пристававшая к водопроводчикам:

– Вы не могли бы у меня покурить? Я так люблю запах мужчины!

Очередной командированный (а напротив был авиационный завод), опасливо озираясь, осторожно шел в комнату и там «курил» до утра.

Тетя Тоня работала костюмершей в Малом театре и иногда позволяла себе брать на время театральные костюмы. А вдруг? Вдруг это поможет устроить судьбу?

А вечная соперница тети Поли, тетя Ася, тоже из квартирных Мессалин, грозилась написать «куда надо».

Сколько же было неустроенных одиноких женщин, старающихся любыми путями устроить судьбу!

У тети Аси был сын Алеша, олигофрен. Жил он в интернате, но на выходные и праздники тетя Ася забирала его домой. Давала ему вырезать из открыток картинки и предлагала поиграть со мной. А я его, здоровенного лба, до смерти боялась – он только мычал, и изо рта у него текли слюни.

Еще жила в квартире тетя Люся по кличке Первачиха, ярая

коммунистка. Очень любила заглядывать в чужое помойное ведро. Если дед выносил ведро, а дома никого не было, она заскакивала в наши «хоромы» и шуровала. Шпионила за соседями и тут же писала, доносила – «давала сигнал».

Отец мой был старшим сыном в семье. В детстве он давал «прикурить» – плохая компания, карты, драки, шпана. Однажды дед спас его от тюрьмы, просто не выпустив на улицу, заперев дома. В ту самую ночь отцовские дружки грабанили ларек, и все дружно загребели в тюрьму.

Отец мой тут же пришел в чувство – таким сильным было потрясение от случившегося – и начал учиться.

Родители поженились совсем молодыми, и мой папа привел молодую жену в дом. Мама моя была красавицей, и понятно, что отец, встретив ее, потерял голову. Но характер у нее был... сложный. Плохой был характер. С ней было трудно всем и всегда, что поделать! Больше всех, думаю, страдала от этого она сама. Уверена, что строптивая мама никому не нравилась. Но терпели, молча терпели – что поделать, выбор любимого сына.

Мезальянс был очевиден – зажиточная московская семья, огромная родня, друзья, застолья, высокая должность деда, карьера бабушки. И мама – девочка из глухой станицы, полусирота, живет у родни в Домодедово и к тому же очень строптивая.

Теперь понимаю, каково было бабушке наблюдать за семейной жизнью любимого сына – разговор у мамы был до предела короткий – руки в боки и все! Никаких компромиссов!

Сколько же нужно было душевных сил, сколько мудрости, сколько терпения, чтобы смолчать и приветливо улыбаться немилой невестке? Все – ради сына, ради покоя в доме. И еще – ради мужа.

Развелись мать с отцом довольно быстро – после громких скандалов, бурных разборок, отчаянных криков и даже битья посуды. После развода мой отец уехал на Север, а бабушка с дедушкой продолжали с мамой общаться. Странно, но мою строптивую маму дед очень жалел и выхлопотал для бывшей невестки комнату на улице Щипок, дом 23 дробь 49 – тогда это был огромный подарок.

А я осталась в доме бабушки и деда. К моему рождению бабушка заставила деда взять участок под дачу. Под Загорском построили маленький домик.

У бабушки мне было спокойно, комфортно и – счастливо. Дед часто ездил за границу – в Болгарию, в Польшу – и привозил мне сказочно красивые вещи: розовое пальто, цветные беретки. А бабушка Клава, к

тому времени уже пенсионерка, ходила со мной в театры, в музеи, в кружки. Часто мы бывали в Бахрушинском музее – там служили ее подруги. Я занималась музыкой, танцами, пела в Локтевском хоре.

Бабушка учила меня накрывать столы, красиво одеваться, красиво причесываться, смеясь, украдкой от деда и матери, проводила стеклянной палочкой с духами у меня за ухом. «Красота женщину не испортит!» – шептала она.

Именно бабушка Клава научила меня печь теперь уже мои знаменитые пирожки. «Сложи ладонь гамачком, – говорила она, – тогда и начинки можно положить премного!»

Она приучила меня к чистоте – неопрятных женщин, плохих хозяек, ленивиц, она презирала. Быть женщиной – вот чему научила меня бабушка Клава! Хочется верить, что все ее уроки не пропали, не прошли зря! Но судить об этом, конечно, не мне.

Я была любимой, обожаемой внучкой. Годы, прожитые в семье Завидковых, – лучшие в моей жизни. Спасибо и низкий поклон.

Бабушка и дедушка верили в меня – и именно им я решила доказать, что из меня что-то получится! И даже сейчас, когда в моей жизни случается какой-то успех, какое-то важное событие, я говорю мысленно: «Бабуль, дедуль! Вы радуетесь за меня? Вы мной гордитесь? Это все для вас, мои дорогие! Это я посвящаю вам!»

Я крепко стою на ногах, уверена в себе, за все благодарна и многое умею – все это благодаря бабушкам, воспитавшим меня. Таким разным, но сыгравшим неоценимую роль в моей жизни.

Умерла бабушка в 1980 году, неожиданно, совсем нестарой, в шестьдесят восемь лет. Случилось это под Пасху. Испекла свои сказочные куличи с цукатами, поохала, что устала, легла, заснула и не проснулась.

Горе мое было огромным...

К тому времени мама потребовала, чтобы я жила с ней, и впервые в жизни мы стали жить вдвоем, на одной территории. Так в шестнадцать лет я перестала ощущать себя счастливой и защищенной. Зачем ей это было нужно? Ни я, ни она не чувствовали друг в друге потребности, не были близки, не скучали друг по другу. Возможно, на нее повлияли разговоры окружающих, что дочь свою она не растит, не воспитывает, и ей было неловко. А может быть, она стала задумываться о своем одиночестве и о подступающих годах.

Но родные настояли, что я должна жить у мамы, и это решение бабушки и деда я восприняла как предательство.

Жили мы в постоянных скандалах. Теперь я понимаю – мать так и не

устроила свою жизнь, была издергана, одинока и несчастна.

Я – подросток со своими амбициями, вечными бунтами, со своими обидами и на нее, и теперь еще и на деда с бабушкой. Я остро чувствовала, что меня предали, меня не любят, я никому не нужна.

Она не понимала, что воспитывать меня уже было поздно.

Страдала я страшно! Выла по ночам от тоски по бабуле. «Никого у меня не осталось», – шептала я, распаляя себя еще больше.

А через полгода после бабулиной смерти, приехав на дачу, застала «картину маслом» – в огороде, в бабушкином огороде, задом кверху возилась незнакомая тетка.

– Моя жена, – смущенно проговорил дед. – Представь, тоже Клава!

А меня затрясло от обиды и гнева. Через полгода всего – и нате вам, новая жена! Как же он мог?

– Не могу же я жить один, Леночка, – жалобно канючил растерянный дед.

Но понять его я отказалась. Молодость! Сейчас, наверное, не осудила бы.

С новой женой дед прожил только полгода – видно, не тянула она на свою предшественницу и тезку.

Через какое-то время он снова очень торжественно пригласил нас в гости.

Во главе сидела церемонная тетка, «китайский император», и важно кивала.

– Клавдия Владимировна, – объявил дед.

Ну ничего себе! Снова тезка! Теперь уже – полная! Мы были в недоумении, сочли, что дед – предатель, и церемонную Клавду принять отказались – не понравилась нам эта женщина!

Но и им, этим «новым» и проходящим, думаю, приходилось нелегко.

Дед был избалован бабушкой, своей первой женой. А тетки те просто хотели устроить личную жизнь! За что их осуждать?

Но понимаю я это теперь, тогда понимать не желала.

С новой женой дед прожил лет пять. Она оказалась невредной теткой, и нам потом было стыдно за первое знакомство. Кстати, замуж она тогда вышла впервые! А через пять лет умерла.

Похоронив Клавдию Вторую, дед снова женился – теперь на женщине куда моложе себя. Он, правда, никогда не был дряхлым и ветхим – думаю, остро нуждался не только в уходе, но и просто в женском обществе.

Умер дед в девяносто с лишним лет – нелепо попал под машину. После

его смерти «молодая» вынесла из дома все, что можно было снять, открутить и отвинтить.

Мама работала заведующей магазином – туда ее тоже устроил свекор, мой дед. Говорил, что Ниночке нужно устраивать личную жизнь.

Дважды она пыталась устроить свою жизнь, но не получалось. Снова – характер.

Думаю, что мой отец продолжал любить ее долгие годы.

Есть фотография – мой папа в полосатой шелковой пижаме, мама в красивой кофточке и моя худенькая бабушка Оля в темной косыночке на голове. Я хорошо помню эту косыночку, помню и низенькую калиточку, у которой они стояли.

Но, несмотря на чувства к бывшей жене, папа вскоре женился. И тоже на Нине, Нине Михайловне, полной маминой тезке. Так получились две Нины Завидковы, первая жена и вторая. Женщина она была славная, родила папе прекрасного сына.

Еще один жизненный урок, милостиво мне преподнесенный, – брак моего отца.

Жена отца прекрасно ко мне относилась – уже тогда я поняла, что отношения между отцом и ребенком из предыдущей семьи целиком зависят от его новой женщины. И я ей за все благодарна! Я никуда не делась – всегда была рядом, в той семье. Мама ревновала и пыталась меня – что там и как?

С мамой всю жизнь у меня были большие противоречия и взаимные обиды. Тяжелые были у нас отношения. Больше всего на свете я боялась быть похожей на маму. Всегда думала: «Господи! Я бы никогда так не сделала! Никогда бы так не поступила с собственным ребенком!» Это было очень грустно, но это была, увы, отличная школа.

Мы так и не стали близки. Так и не поняли друг друга.

Только спустя много лет, в конце 90-х годов, уже зрелой женщиной, пережив один тяжелый, но прекрасный момент – о нем позже, – я простила свою мать, понимая, что человек она, по сути, глубоко несчастный и страдающий от самой себя. Слава богу, понимание этого пришло ко мне задолго до ее смерти. И это очень облегчило мою жизнь. Исчез, свалился камень с души – рассыпался в пыль, в известку, которой мы с бабушкой красили нашу мазанку. В моем далеком, но таком прекрасном и счастливом детстве.

Отец прожил прекрасную жизнь, а маме так и не удалось стать

счастливой. Забегая далеко вперед, в 2012 год, скажу, что хоронили ее два человека – я и мой младший сын Даниэль. Вот такой печальный итог. Папа ушел вслед за ней. После ее похорон сказал мне:

– Лена, я следующий!

Чувствовал, наверное...

Семидесятые, юность, любовь

Моя первая большая любовь случилась еще в школе, в последних классах. Мальчика звали Сашей. Любовь у нас была сумасшедшая, как и положено первой любви.

После школы Саша собрался в армию. На проводы мама меня не пустила, ну, я и сбежала через окно, благо, жили мы на втором этаже.

Через некоторое время Сашины родители собирались поехать к сыну на присягу, в Латвию, в Лиепая. Мама снова не отпустила меня, но и в окно я выбраться уже не смогла – она меня караулила. Сашины родители уехали без меня, а я собралась на следующий день, когда успокоенная мама ушла на работу.

Где я взяла деньги на билет, не помню. Сменных вещей у меня с собой не было. На вокзале я купила любимому сигареты и почему-то абрикосы. В поезд села худенькая, глазастая и очень испуганная девочка, в руках у которой была авоська с немудреными подарками.

Мне повезло – моей попутчицей оказалась чудесная женщина, имени я ее не помню, увы, а вот название улице в Риге, где жила эта добрая женщина, я запомнила – Рупниецибас. Такие вот причуды памяти! Дорогой я рассказала ей про свою любовь, и она мне объяснила, что поезд в Лиепая уходит очень рано утром, поэтому в Риге мне придется заночевать. И, конечно, забрала меня к себе.

Утром она проводила меня на вокзал, договорилась с проводником, чтобы те меня опекали, и я с ней попрощалась.

Проводники меня и вправду опекали, поили чаем, угощали печеньем. В Лиепая посадили меня на автобус, и я доехала до воинской части.

Саша бросился ко мне, мы не могли разжать рук. Итог той встречи – моя первая беременность.

Какими же глупыми, неопытными детьми мы были!

В Москве, осознав свою непростую ситуацию, первым делом я пошла к Сашиной матери. Лидия Ивановна, которая вроде бы хорошо ко мне относилась, выслушала меня и сухо, твердо сказала:

– Нет, Лена. Ребенка не будет! Это исключено! Врача найти помогу и денег дам.

Я ушла, и больше Сашина мать ни разу мне не позвонила.

А в моем доме зрел заговор, о котором я, естественно, ничего не подозревала. У мамы была подруга-почтальонша. И мои, и Сашины письма

проходили перлюстрацию – как в первом отделе секретного учреждения. Из моего письма мама узнала и про мою беременность. И тогда было решено, что Сашины письма мне отдаваться не будут.

Ну, а раз любимый, узнав подобную новость, бросил, то уж куда этой дуре рожать! Так думала моя мама, так думала моя несостоявшаяся свекровь. Весь мир был против меня – маленькой, тоненькой, одинокой и глупой девочки, всеми силами борющейся за любовь и счастье.

Я снова была никому не нужна.

Поступление в институт откладывалось. Мама продолжала настаивать на аборте: «Ты никому не нужна с этим ребенком! Ни Саше, ни мне, ни его семье». А я, несмотря ни на что, твердо решила, что буду рожать!

Поддержала меня тетя Ася, соседка из бабушкиной и дедушкиной коммуналки: «Ох, девка! Рожай! Вот я залетела в шестнадцать лет и сделала аборт. А потом залетела только в сорок! И родила больного парнишку. Не стоял, не ходил и ложку не держал. Вот я его в детдом и сдала. Ох, лучше бы я родила в шестнадцать! И был бы у меня сейчас здоровый ребеночек, радость и помощь!»

А пока я сутки напролет рыдала, моя мать готовила аборт на дому.

В то время я работала на часовом заводе. Был у нас там и инструментальный ансамбль – модная штука по тем временам.

В инструментальном молодежном ансамбле, где я была солисткой, был гитарист Сережа, хороший парень, мой преданный друг. Сереже я рассказала про свои страдания и свою несчастную первую любовь, показала ему Сашины письма. Вообще, вся компания наша меня поддержала, как могла. А Сережа решил все быстро и просто. «Выходи за меня замуж! Я ни на что не рассчитываю, просто распишемся и «прикроем твой грех»», – смеялся он.

16 октября 1976 года я вышла замуж. А в мае должен был вернуться мой Саша. И я ждала этого мая, как... Не знаю, ждала ли я в жизни чего-нибудь больше, сильнее!

На деньги, скопленные на инструменты для нашего ВИА, мы с Сережей справили нашу невеселую свадьбу.

И тут мама совершила еще одну дикую вещь – накануне свадьбы пришла к Сашиной матери и рассказала, что я беременна от другого человека. А та даже и виду не подавала, что знала о беременности! Ни слова об этом!

Я оценила.

Мама на нашу свадьбу не пришла, был только папа.

А вскоре мама получила квартиру, и я осталась в нашей с ней комнате

полноправной хозяйкой.

Мы с Сережей обклеили шкафчик цветной бумагой, запаслись продуктами – крупами, мукой, картошкой – и начали вести хозяйство, делая вид, что мы муж и жена. Именно делая вид – мой молодой муж спал отдельно на раскладушке. И между нами по-прежнему ничего не было!

В апреле я родила здорового и красивого мальчика, так похожего на отца! Я беспрерывно плакала, разглядывая своего маленького сыночка.

И еще – я ждала мая! И ничем другим не жила! Я ждала любимого – считала часы и минуты.

Мама не встречала меня из родильного дома, пришел только Сережа и, конечно, подруги. В нашей тринадцатиметровой комнате мы зажили по-соседски дружно, мирно, но невесело. Сережа носился с моим Димкой – стирал, гладил, гулял, вставал по ночам.

В нашей коммуналке жили тринадцать соседей, не было ни горячей воды, ни ванной комнаты. И было очень шумно – второй этаж, в окна страшно дуло – ветер просто гулял по комнате. Пришлось забить щели газетной бумагой, стало чуть теплей.

Как-то жили. А что у меня на душе – разве это кого-то волновало?

Домодедовский дядя Федя, у которого до замужества жила мама, к тому времени умер, а дом оставил ей в наследство. Туда мы и уехали на все лето.

И снова будни – череда обычных дней, одинаковых, словно близнецы.

Однажды в один из таких дней я варила обед, поглядывая в окно, и увидела, что по дороге идет Саша. Поняла, что он все знает – общих знакомых вагон! Знает, что я вышла замуж, знает, что родила. По его глазам я понимаю, что об остальном он не догадывается. Мы вцепились в друг друга и не могли оторваться.

В окно смотрела бабушка Оля, которая держала на руках нашего сына. Я бросила на нее взгляд и увидела, что она что-то бормочет. Молитву? Чтобы господь меня вразумил?

Саша хочет меня забрать.

– Куда? – спрашиваю я.

– К себе! – коротко отвечает он.

– Я не поеду к тебе и вообще... Никуда не поеду.

Мы, обнявшись, сидели на берегу речки и плакали. Два несчастных, одиноких ребенка, растерянных, беззащитных, не понимающих, что делать с этим огромным несчастьем. И что делать с нашим счастьем – с нашей

любовью.

Чувствую спиной чей-то взгляд. Оборачиваюсь и вижу, что стоит Сережа. Мой верный муж. И мой верный и преданный друг.

– Поздно, – говорю я Саше.

Встала с земли, отряхнула юбку. Ничего нельзя изменить! И я медленно подошла к мужу, взяла его за руку, и мы пошли домой.

Дома села на стул – кружилась голова, ни одной мысли, ни одной. Пустота в сердце, в душе. Пустыня. Меня словно не было – растворили.

Сережа обнял меня за колени и пробормотал:

– Спасибо тебе, спасибо!

И заплакал навзрыд.

А мне показалось, что в этот момент я умерла. Саша приезжал еще много раз. Стоял под воротами дачки, караулил меня на улице, в магазине – да где угодно.

Я умоляла его оставить меня в покое, не мучить, у меня семья, муж, ребенок.

И в этот момент я поняла, что я снова беременна.

Сережа, разумеется, был счастлив. Он любил меня – я это знала и чувствовала. Но еще больше, чем меня, мне кажется, он любил моего старшего сына. И даже рождение второго сына, его кровного, не изменило ситуации. И это, кстати, все понимали – и я, и оба сына.

Мы жили вроде бы неплохо. Сережа не обижал меня ни единым словом, был нежен, ласков, внимателен. Но он не работал. Точнее – работал не всегда. Он с удовольствием сидел дома, возился с мальчишками и ждал меня с работы.

Восьмидесятые

Денег не хватало. Муж приносил копейки, у нас двое детей, и на что жить, было непонятно. К тому же работу мне приходилось искать с таким графиком, чтобы побольше проводить времени с детьми.

Соседка Надюшка устроила меня в кожвендиспансер.

– Работы на пару часов, и все, ты свободна! Беги к своим пацанам!

Карьера в диспансере началась с вивария с кроликами. Потом пошла вверх – я стала работать в лаборатории. Дело было нехитрое – поставить подносы с анализами крови в специальный шкаф и включить программу. Плохой анализ был виден сразу, о чем тут же следовало доложить.

Дружила я с Верой Ивановной, врачом диспансера, принимавшей мазки, которые сдавали преподаватели, воспитатели детских садов и продавцы магазинов.

Утром звонок:

– Леночка! Я тут за сапогами застряла! Начни, дорогая, прием! Я примчусь через час, честное слово!

Выглядываю в коридор, как назло, народу полно! Боже, что делать? Да нет, я, конечно же, ловкая. Смелая. Наблюдательная. Сколько раз ассистировала Вере Ивановне! Но брать мазки самостоятельно, даже без пригляда врача? Да нет, не смогу! А очередь начинает бурчать, люди торопятся на работу. Поминутно заглядывают в дверь: «Девушка! Скоро?»

А Веры Ивановны нет! Ну что ж! Начинаю прием. Очень волнуюсь, а потому делаю все очень осторожно и аккуратно. Удивленные женщины горячо мне благодарны, говорят комплименты: «Руки у вас золотые!»

Можно выдохнуть. И тут... В кабинет зашел мужчина. Молодой, интересный, по выправке видно – военный. Я снова онемела от страха. Для того чтобы взять мазок у мужчины, петлю, ложку Фолькмана, нужно сначала прокалить на спиртовке, а потом притушить в дистиллированной воде, и после этого можно приступить. От ужаса и страха я долго держала петлю над спиртовкой. Та раскалилась до огненно-малинового цвета. Я тянула время. Мужчина смотрел на мои действия глазами, полными ужаса. Наконец я вытащила петлю, чтобы притушить ее в колбе с водой, но не успела – с глухим, но отчетливым стуком бедолага хлопнулся в обморок, со всей высоты своего немалого роста. И так лежал бездыханно, перекрывая дверной проход своим мощным туловищем.

И в это время распахнулась дверь, и на пороге возникла запыхавшаяся

Вера Ивановна с обувной коробкой в руках. Повисла долгая пауза, потом раздался ее гробовой голос:

– У тебя что, Лена, труп? Что ты с ним сделала, Лена?

– По-моему, два трупа, – еле слышно ответила я, чувствуя, что вот-вот грохнусь рядом с пациентом.

Мужчину того я пару раз встречала на улице – шел он с женой и всегда отворачивался, делал вид, что мы незнакомы.

Следующая моя подработка была в типографии. Находилась она на Щипке, именно там гениальный Андрей Тарковский снимал свой фильм «Зеркало».

Прелесть моей работы заключалась в том, что она была ночная. Но – каждую ночь. В огромном цеху, где печатали брошюры и детские книги, стояли высоченные станки. Бумажные листы с четырех сторон обрубались, и обрезки падали на пол. К вечеру весь огромный цех был завален резаной бумагой. Что должна была делать уборщица? Смести весь этот мусор на середину цеха и собрать его в огромное полотно из брезентовой ткани, потом затянуть углы полотна и допереть этот мешок – килограммов сто тридцать – по лестнице вниз, а уж потом на улицу, на помойку. Цехов у меня было три да плюс три комнаты администрации. И все это – за семьдесят пять рублей! Повторяю – каждую ночь! В старинном здании типографии красивые ажурные винтовые лестницы, по которым я и тащу свой брезент с третьего этажа – лифт на ночь выключен.

И вот однажды брезент открылся и... Вся эта гора, эта огромная куча обрезков, медленно кружа и вращаясь, словно снежинки, падала и сыпалась вниз.

Я стояла на середине лестницы, зачарованно следя за полетом «снежинок», и отчетливо понимала, что я погибла! На часах шесть утра. Рабочий день начнется в восемь. Собрать весь этот ужас мне одной не под силу. Ни за что и никогда. И снежинки летели, кружили в тихом вальсе, застревали на светильниках, подоконниках, ажурной решетке, прилипали к кафельной плитке. А я все стояла и стояла. И плакала, и жалела себя. Несчастная я.

Потом, конечно, спохватилась – и бегом к тете Дусе, вахтерше. Та ошеломленно терла глаза, плохо меня понимая, и, наконец, побежала вслед за мной, по дороге кряхтя и ойкая:

– Что ж делать-то, девка? Уволют ведь нас!

Когда ее взору предстала вся картина, тетя Дуся, закрыв ладонью рот, принялась рыдать, но потом взяла себя в руки и велела:

– Беги за подмогой. Вдвоем нам не справиться!

И я побежала домой, за мужем. Мы оставили двоих маленьких детей одних и по дороге прихватили еще соседку Таню. Времени у нас почти не осталось, но успели все собрать, все вынести, и тут Танечка мне говорит:

– Лен! А ты что, убираешь три цеха? Да еще и администрацию?

Я кивнула:

– Ну да!

– И все это, – Танечкин голос звучал зловещим шепотом, – за одну ставку? За семьдесят пять рублей?

Я снова кивнула.

– Лена! – не своим голосом произнесла соседка. – Тебя обманули! Здесь три ставки, Лена! Три ставки по семьдесят пять! Тебе должны платить двести двадцать пять рублей! И ни копейкой меньше! Ты меня поняла?

Я плюхнулась на ступеньку и начала реветь. И за что мне все это? За что? К слову сказать, отпахала я там на ставку почти восемь месяцев.

Долго я приходила в себя. Все думала о той женщине, что меня приняла и показала весь фронт работы. Была она немолода, рассказывала, что у нее дочка, моя ровесница. Жалела меня.

Я же себя больше жалеть не могла – снова было совсем плохо с деньгами, снова надо было кормить детей. И я снова устраиваюсь на работу в мастерскую по ремонту тонометров.

Мы доливали ртуть, подкручивали, меняли резиновые шланги – словом, чинили и регулировали приборы. Очереди к нам выстраивались колоссальные – на весь город одна мастерская. И вот однажды мы услышали в коридоре шорох и волнение. Я вышла. Какая-то бойкая женщина шепнула мне, что в очереди сидит космонавт Алексей Леонов. Сам, представляете? «Сам» сидел тихо и скромно. Очередь загудела погромче и предложила герою пройти вперед. Космонавт вежливо отказался, продолжив ждать свою очередь. Войдя в кабинет, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

– А дети у тебя есть, деточка?

– Двое! – радостно ответила я. – Мальчик и мальчик!

На следующий день Леонов снова зашел в комнатку, где я работала, и положил на стол коробку конфет и брошюру.

– Почитай, девочка, – сказал он, – давай-ка увольняйся! Со ртутью дела серьезные, не дай бог! А вдруг захочешь третьего родить?

Брошюру я прочла и с работы уволилась.

А родив третьего сына, вспомнила нашего космонавта еще тысячу раз

– спасибо, Алексей Архипович! Большое спасибо за скромность, отсутствие звездности и просто обычную человечность! За то, что не пожалели своего драгоценного времени на меня, незнакомую, глупую девочку! Дай вам бог!

Как-то пришел к нам в мастерскую старичок – передвигался еле-еле, совсем был слабенький, дряхлый, ужасно милый. На чудном, добром лице застыла гримаса боли. Представился:

– Семен Борисович Макарон. Да, да! Такая смешная фамилия! Да смейтесь вы, Леночка, на здоровье! Я бы и сам засмеялся!

Старичок пытался шутить, а глаза его были полны грусти. Спросил, нет ли у меня человека, умеющего делать уколы – у него больная супруга, прикована к постели.

– Я сама к вам приду! – предложила я.

Как всегда, мне нужны деньги и я хватаюсь за любую халтуру, любую подработку. Старый сталинский дом, большая квартира. Но такая непролазная грязь, что некуда приткнуть мою сумочку. В спальне на кровати очень грузная женщина. Лежит неподвижно, но на ее красивом лице горят, сверкают прекрасные, черные, полные жизни глаза.

– Белочка, я пришел! – радостно объявил Семен Борисович. – И я привел к тебе Леночку! Мы будем жить, пупсик! Слышишь, мы будем жить! И будем с тобой танцевать!

Белочка улыбнулась глазами – я вижу, что она все понимает, но речь после инсульта утеряна. Утеряно все, кроме живого блеска и интереса в умных глазах. Я взяла ее за руку и начала рассказывать ей про себя. По ее щеке покатилась слезинка.

С того самого дня я приходила к ним почти ежедневно – перестилала белье, протирала и подмывала Белочку, готовила обед, убирала квартиру и просто общалась со стариками. Семен Борисович ожил, у Белочки заблестели глаза. В доме стало чисто, свежо, пахло вкусной едой. Я стала для них членом семьи.

Кстати, у стариков был сын, ученый. Семен Борисович хвастался мне его статьями, говорил о нем с гордостью. Но бывает он у родителей крайне редко, а его жена – никогда. Я понимала стариковскую боль и никаких вопросов не задавала.

Иногда я видела, как муж разговаривал с женой, держа ее за руку. Рассказывал ей о событиях дня, о магазинах и ценах, о новостях в мире. Вспоминал милые истории из их жизни и просто говорил ей о своей любви. Он подолгу читал Белочке книги. Спит Семен Борисович там же, в комнате

больной жены, на раскладушке, возле нее. А когда я предложила ему перейти в гостиную на диван, где ему было бы определенно удобнее, он отказался:

– Что вы, Леночка! Она же привыкла, что я всегда рядом! Обидится моя девочка и загрустит. Мы же всегда вместе, Леночка! И в горе, и в радости.

Семен Борисович был репрессирован, прошел ГУЛАГ, сидел по пятьдесят восьмой статье. Вот когда он мне рассказал про то, что ему довелось пережить, с моих глаз впервые спала пелена, и мне стало страшно. Эти рассказы не только потрясли меня – они меня изменили, и сильно.

Однажды пришел сын стариков – взять какую-то книгу. Отец суетился, предложил редкому гостю чай, но тот быстро нашел то, что искал, и тут же ушел. К матери он не зашел. Я села на табуретку и заплакала. Господи, как это получилось? Как получилось, что в этой семье, у этих родителей, выросло такое чудовище? Как? Не понимаю! И не могу объяснить.

Зашел мой любимый Семен Борисович, увидел меня, ревущую, вздохнул тяжело и – принялся меня успокаивать. Меня!

Через три года умерла Белочка, и Семен Борисович исчез. Я много раз приходила, подолгу звонила в дверь, стучала, названивала по телефону, обходила соседей – и ничего! Никто ничего не знал. Надеюсь, что сын забрал старика к себе, а не сдал его в дом престарелых.

А может быть, лучше бы сдал?

Семен Борисович и Белла Ефимовна преподали мне ярчайший урок безграничной любви, верности, терпения и преданности, спасибо им за это огромное!

Я приходила, точнее, приволакивалась с работы поздно, еле живая, с тяжеленными сумками. Дома три мужика. Всех надо кормить. Они висли на мне, искренне радовались, визжали от восторга и – ничего не делали! Ничего! В доме грязь, посуда не вымыта, белье не постирано. Я бросалась к плите, а мой муж объяснялся мне в любви. Я все терпела, не позволяла себе никаких упреков. В голове четко и навечно застряла мысль: я ему обязана! Он меня спас! Принял моего ребенка, как своего. Он прикрыл меня, обогрел, пожалел, заставил поверить в себя. И я жила с установкой «так надо, я должна». И продолжала тащить все на себе.

А еще я продолжала любить своего Сашу. Но ночам я ревела, страдала, ругала себя, кляла свою горькую женскую долю.

Саша мотался ко мне лет пять. Пять лет не давал мне успокоиться. Пять лет терзал и себя, и меня. Потом, слава богу, женился и ходить перестал. Я наконец выдохнула.

А вот жизнь его сложилась, увы, ужасно! Саша, красивый, талантливый, умный и добрый, спился. Как-то все не сложилось – попала в серьезную секту жена, там и пропала, в перестройку он потерял работу – обычная история, «почтовые ящики» закрывались, а бизнес получался не у всех. И этот блестящий и образованный мальчик пошел работать грузчиком на Белорусский вокзал.

Позже, выйдя замуж за Андре, своего французского мужа, я больше всего боялась, что встречу Сашу на перроне и поставлю перед ним свой чемодан. Ведь поезда во Францию уходили с Белорусского вокзала!

К счастью, бог миловал.

Я видела, как мой старший сын похож на родного отца, удивлялась их общим жестам, фразам, движениям, мимике.

Моя первая любовь не отпускала меня еще много лет. Я общалась с женой Сашиного брата, присылала ей фотографии сына в надежде, что Саша образумится, востребует и наконец захочет общаться с ребенком.

Через четырнадцать лет после нашей последней встречи я пришла на поминки по Сашиному брату в тот дом, где меня когда-то отвергли, не поняли, предали. Я тогда уже жила в Париже, была богата, успешна, ухожена и прекрасно одета. В моем парижском доме собирались сливки общества, и я порхала среди всего этого, как красивая бабочка.

Я хотела показать Сашиной матери, что справилась – не поддавалась их уговорам, не сделала аборт, родила и вырастила прекрасного парня, красивого и воспитанного. Моя несостоявшаяся свекровь отвела глаза. Саша не знал, как ему быть. Сыночек мой все знал, но его это, слава богу, мало волновало – возраст такой.

Мы сидели за круглым столом, и я спросила:

– Лидия Ивановна, и как вам ваш внук?

– Мой внук? – искренне удивилась она. – А я ничего про это не знаю!

– Саша, – обратилась я к бывшему возлюбленному, – ты что, ничего не сказал своим?

Он молчал, опустив голову.

– Ну и семейка! – воскликнула я и залилась слезами.

Мне даже было жаль эту женщину – я уже давно все ей простила. Мне жаль Сашу, жаль своего мальчишка. И очень жалко себя!

Вот и получился спектакль... Удался, что говорить... И был он для

меня разрушительным. Похоже, переживала я это сильнее, чем все остальные участники постановки. Как я рыдала в тот вечер! Так я не рыдала, по-моему, ни разу в своей жизни. Кого я наказала? Себя? Никто не воспринял ту ситуацию так трагично, как я.

Никто не страдал и не плакал. Зачем я сделала это, к чему? Что и кому я доказала?

Знакомство с Андре

В то время я работала в гостинице Академии наук, в дипломатическом корпусе. Работа эта была очень удобной – три дня через два, и я все успевала! Через какое-то время я получила должность администратора – очень почетное, надо сказать, место в те годы.

Периодически я видела там одного французского журналиста. Узнала, что работает он в ИТАР-ТАСС и отлично говорит по-русски. Понимала, что он оказывает мне знаки внимания.

У него было очень необычное, очень породистое лицо, славная улыбка, хорошие манеры. Считалось, что он похож на Хемингуэя.

Позже, когда мы уже встречались, Андре сказал:

– Я думал, что ты самая счастливая женщина на свете! У тебя всегда была такая улыбка и такие лучистые глаза!

Что поделать, у меня всегда сияющее лицо, даже в те моменты, когда у меня ничего не ладится. В то время многое изменилось – наша семейная жизнь с Сережей практически распалась. Накопилось много того, что простить было уже не так просто и забыть не удавалось. Я устала быть благодарной. И, кажется, уже все сполна отработала.

Расставаясь, мой первый муж сказал мне, что благодарен за десять лет счастливой жизни. Эта история закончилась – странно, что вообще она тянулась долгие годы. Лучшие женские годы, кстати! Но мы расстались и остались друзьями – на всю долгую жизнь, по сей день.

Мы начинаем с Андре разговаривать. Я узнала, что он женат на русской женщине, в Париже у него своя фирма. Все сотрудники гостиницы обожали его за легкий нрав, за галантность и юмор.

Однажды совершенно случайно мы встретились с ним в галерее моей подруги, там собиралась московская богема.

Простое совпадение? Случайность? Или – судьба?

Между нами возникла симпатия. Ухаживал Андре ненавязчиво, элегантно и очень изящно. Я чувствовала, что начинаю влюбляться. А он – он истинный француз, наверное, это у них в крови – действовал осторожно и грамотно.

Завертелся роман. Зима, мороз, мы гуляли, держась за руки, по заиндевшим московским улицам, грелись в подъездах, целовались и

понимали, что не можем жить друг без друга.

Ложка дегтя в нашей бочке сладчайшего меда – меня вызвали в первый отдел. Впрочем, этого и следовало ожидать – стукачей в гостиницах всегда достаточно. Любая связь с иностранцем, пусть даже невинная дружба, сразу же пресекалась и моментально каралась.

Я сказала, что мы любим друг друга.

– Но вы ведь замужем! – заметил мужчина в черном костюме.

– С мужем я не живу.

– Вы не разведены, – сухо ответил он, заглянув в бумажку. – И, кстати! – Он оживился. – Ваш... любовник! Он тоже женат!

Все это так. Я молча кивнула. Не объяснять же этому человеку с оловянными глазками и узкой щелью бесцветного рта, что на деле все совсем не так, что все иначе.

Конечно, с работы мне предложили уйти.

Выручила меня моя подруга Инна – предложила место в своей художественной галерее. Детей-то по-прежнему надо было кормить! Бывший муж не давал ни копейки, да я, собственно, и не ждала – денег у него нет и никогда не было.

Андре убеждает меня, что с женой у них давно нет отношений – известный сценарий! Но я, наивная, по неопытности во все это верила. Романились мы почти два года. Я видела, что он неухожен – брюки коротковаты, рубашки не отглажены – что там за жена? Разве это не ее прямые обязанности? Он по-прежнему был деликатен, не пытался взять меня нахрапом, ни на чем не настаивал, никуда не торопился. А какие слова он говорил! Словом, обольщал, опутывал, укутывал, убаюкивал, почти усыплял. Андре тонко чувствовал, чем меня можно прельстить. К тому же он был известным журналистом, сотрудничал с Третьяковкой и Русским музеем, дружил с Монтаном и Синьоре.

Бывший коммунист, из разочаровавшихся. У него такая судьба, что я, слушая его рассказы, в который раз удивлялась: я, такая обычная, такая понятная, заурядная, я, с такой стандартной судьбой, – и он! Мой Андре!

Он дружил с Аджубеем, брал интервью у Гагарина.

– Что больше всего вас удивило в Париже? – спросил он у первого космонавта.

– Скоростной лифт на Монпарнасе! Я почувствовал себя в ракете! Мне показалось, что лифт отрывается от земли и летит вместе со мной! – рассмеялся Гагарин, сверкая своей лучезарной улыбкой.

Андре был хорошо знаком с Франсуазой Саган. Она всегда жила в гостиницах, ненавидя дом и быт. Андре пришел к ней в номер взять интервью, а она, задорно тряхнув головой, предложила ему прокатиться по городу. В машине сбросила туфли и вела ее босиком. Они встречались еще много раз, катались по городу – вернее, носились. Франсуаза обожала скорость и снова скидывала свои изящные туфельки. Андре бывал в доме у Луи Арагона и Эльзы Триоле.

Понятно, что я слушала его открыв рот.

Наша первая ночь с ним потрясла меня. Такого у меня еще не было! Не было столько нежности, столько страсти, столько любви...

«Вон оно как бывает!» – думала я и, конечно, никак не могла уснуть. За окном становилось чуть светлее, в воздухе дрожал, колебался блеклый рассвет, а я слушала дыхание своего любимого – рядом, совсем рядом, у моего плеча.

Андре был намного старше меня, но это меня не пугало, а искренне восхищало: такой опыт, такое понимание жизни!

В тот период моей такой непростой жизни мне очень помог один близкий мне человек. Назову его просто Друг – с большой буквы, что, кстати, и есть на самом деле. Мы дружим давно – тысячу лет. Он мне ближе, чем многие, ближе подружек. Он всегда на моей стороне, всегда поддерживает меня, хотя бывает все-таки, что и критикует. Мы ходили в театры, на закрытые просмотры, читали книги вслух. В парке Горького мы играли в шахматы – а играли там только на деньги, доска три рубля. Он быстро обыгрывал местных «спецов», и мы, заработав тридцатку, мчались в ресторан, где гуляли вовсю!

С Другом связан огромный пласт моей жизни. Сколько дал мне, сколько открыл, объяснил, показал. Как поддерживал меня – всегда, в самые трудные и тяжелые мои дни.

А я... я оживляла его жизнь – так он мне говорил. Он – книжный мальчик, генеральский и учительский сын. «Я осторожный теоретик, – объяснял он. – А ты, Ленка, практик! Ты – сама жизнь! Во всех ее проявлениях! И ты ничего не боишься».

Мой Друг, мой брат – ближе нет. На всю жизнь. Он поддержал меня тогда и еще не раз.

Мы с Андре стали жить вместе, и он сказал фразу, которая перевернула мое сознание: «Больше всего на свете я хочу от тебя сына!» Жили мы пока в квартире моего дяди – с Сережей, моим первым мужем, нам еще предстояло разделить квартиру. И вскоре я поняла, что жду ребенка –

нашего общего с Андре сына. Решили, что рожать мы поедем в Париж. Контракт был оплачен, но как же меня мурыжили в ОВИРе! – я бесконечно долго ждала паспорт с визой. Все унижения, которым подвергались люди, желающие уехать в эмиграцию или за законным супругом, я прошла в полной мере. К слову, ехала я по гостевой визе!

Итак, рожать мне вот-вот, а паспорта нет. Наконец, после долгих мытарств, я его получила и тут же сдала на визу. Ее должны были поставить сразу, без промедления – во французском посольстве все были в курсе про клинику, про контракт и про билеты. Андре тоже держал руку на пульсе. Что же, решила я, будем ждать, осталось совсем немного. Но вечером накануне отъезда мне стало плохо. Я мужественно стояла у плиты и жарила курицу своим сыновьям. Но смерть и родины не знают години, как говорила моя бабушка Оля.

Я страшно испугалась, позвонила своей подружке Тамаре – она гинеколог. Она тут же прилетела ко мне.

– Жди до завтра, – как мантру, повторяла она почти со слезами. – Рожать ты сегодня не будешь! Хоть одна у меня родит в Париже!

Я тоже почти плакала, хотя смотреть на Тому было смешно.

Свечки, уколы, массаж. Бедная Тома пыталась хоть как-то повлиять на процесс.

– Терпи! Лежи и не двигайся! – орала она.

– Я рожаю, – заявила я сквозь слезы и смех.

Тома отвезла меня в роддом – отступать больше было некуда. Но в роддом меня не приняли – паспорта-то нет, паспорт в посольстве! «Вы приезжая и хотите родить москвича!» – «раскусили» меня бдительные медики.

– Я – москвичка! – шептала я сквозь слезы. – Честное слово!

Мне не верили, я корчилась на кафельном полу и кричала, что рожаю.

Томка, отчаявшись их уговорить, достала наконец «топор войны» – пригрозила международным скандалом.

– Рожает она от француза, ну, вы все огребете! – заорала моя верная подруга.

Через пару часов я родила третьего сына.

Друг мой принес огромный букет чайных роз. Соседки по десятиместной палате разглядывали меня как диковину – такие цветы, такие подарки! И муж у нее иностранец! Муж привез кучу детской одежды, подарки врачам и сестрам роддома. В первый раз я увидела памперсы. В квартире все было готово – детская кроватка, глаженные пеленки, еда в холодильнике.

За все это спасибо друзьям, подругам и бывшему мужу Сереже.
А я начала готовиться к отъезду в Париж.

Итак, Париж

Мы уезжали в Париж, когда нашему сыну не было месяца. Соседка Надюшка собирала меня в дорогу.

– Сковородки будешь брать? – кричала она с кухни.

– Ничего не клади! – кричала я в ответ. – Ты что, свихнулась? В Париж – сковородки! Чокнутая ты, Надька!

– Ага! – Надя тайком запаковывала злополучную сковородку и шипела: – Как же! Учи меня жить!

Забегая вперед, скажу, что в Париже, распаковав багаж, мы обнаружили сковородки, кастрюли, полотенца, хозяйственное мыло – пять кусков, одеяла, подушки, шампунь. И даже макароны, которые тут же сварили и с удовольствием съели, как всегда, вспоминая нашу Надюшку добрым словом.

Но до Парижа еще предстояло добраться. За окном мелькали поля, леса, города и деревни. Старший сын, не отрываясь, смотрел на мелькающие пейзажи. Для него это первое путешествие, все интересно. Маленький Даниэль, ничего не ведая, сладко спал, причмокивая губами.

В поезде нам было совсем нечего есть. Как могло такое случиться? Со мной, с заправской хозяйкой? Виноватых не ищу. Хотя... Андре перед отъездом успокоил меня – в поезде есть вагон-ресторан! Конечно же, он там был! Но – за рубли! За наши, советские. А у меня были только франки и пачка печенья, которую я, естественно, отдала Димке. Что делать – терпим. А я-то кормящая мать!

Двадцать третьего декабря я вышла на платформу вокзала Гар-дю-Нор, в зимнем пальто, украшенном пышным песцом, в теплых сапогах и в вязаной шапке – толстенной, двойной. Мой младший сын в толстенном ватном одеяле, перевязанном атласной голубой лентой. А на улице между тем пятнадцать тепла. Я чувствовала себя эскимоской в национальном костюме, попавшей на Красную площадь с далекого Севера, – и прятала глаза.

Мимо меня сновали француженки в элегантных пальтишках, с косыночками из яркого шелка, в туфельках на тоненьких каблучках.

И я чуть не плакала...

В моем купе – половина моей московской квартиры. Выгружались мы часа два. Муж сначала смеялся, а позже я увидела раздражение и даже

злость на его лице.

Он повез нас в гостиницу, из окна которой была видна Эйфелева башня. Меня все потрясло – подземный гараж, где ровненько стояли сверкающие, разноцветные, словно игрушечные, чистейшие машинки. Освежеванный барашек в магазине, влажные салфетки с та-а-ким запахом! – для гигиены попки младенца перед сменой подгузника. Сок манго в крошечной бутылочке, хрустящий багет, тончайше нарезанный, ароматный, ярко-желтый сыр, пирог со свежей клубникой – и это зимой?

Ночью я никак не могла уснуть – стояла у окна, смотрела на сверкающую рождественскими огнями улицу, на Эйфелеву башню, на елку, переливающуюся разноцветными шарами, и не верила, что все это происходит со мной. Может, я сплю? Нет, не сплю – заплакал мой сын. Рядом спит муж. За окном живет ночной жизнью Париж – неспешно плывет в предрассветной розовой дымке.

Все это не сон – это явь.

Так началась моя парижская жизнь.

Что она принесет мне? Я так хочу быть счастливой!

Но есть одно обстоятельство, что никак не дает мне быть абсолютно счастливой. В Москве мы оставили Сашу, моего среднего сына. Оставили со свекровью и свекром – Сергей мне не дал разрешения на вывоз ребенка. Год и четыре месяца я не видела своего мальчика. Каждый день рыдала в трубку:

– Сашенька, Сашулечка, Шунечка мой! Я скоро приеду! Я заберу тебя, слышишь!

В самом начале парижской жизни мне пришлось пережить колоссальный стресс. Дело было так. Жили мы в предместье, в Эпине-сюр-Сен, а офис, который снимал муж, находился в центре. Тогда, в самый разгар перестройки, все занялись бизнесом. В Москве начался ремонт и реконструкция Третьяковки, в Питере тоже начались музейные преобразования, и Андре, у которого всюду были контакты, начал продавать в Россию музейное оборудование. Я пыталась ему помогать – переводить письма, делать телефонные звонки. И в один далеко не прекрасный день, посередине рабочего дня, Андре куда-то вызвали. Срочно. Он сильно торопился, нервничал и отправил меня с Даниэлем, который только уснул в коляске, домой, предварительно сунув мне деньги на поезд. Но до поезда надо еще добраться, а запутанным, сложно устроенным парижским метро я к тому времени пользоваться еще не научилась, обычно в офис и из офиса Андре возил меня на машине.

Вышла на улицу. Вокруг меня вечная красота вечного города. Все спешат по своим делам, присаживаются за столики в кафе, пьют кофе, читают газеты. Хлопают двери магазинов и лавочек, продавщицы предлагают разноцветные тюльпаны, и вся эта жизнь, эта душистая и уверенная толпа протекает мимо меня, не замечая моей растерянности и ощущения полнейшей непригодности к этой прекрасной жизни. Полной несостоятельности. Грудь распирало от молока, я кое-как втокнула коляску в метро и попыталась найти нужный перрон. Не нашла, принялась с коляской плутать по нескончаемым кафельным коридорам-переходам, страшно запаниковала, как никогда в жизни, заливаясь не только молоком, но и слезами. И от отчаяния и страха запрыгнула в какой-то вагон. Вскоре мне стало ясно, что везет он меня совсем не туда. Я выскочила из вагона и нашла телефонную будку. На счастье, у меня с собой телефонная карточка для международных звонков. И я позвонила Другу в Москву.

Выслушав мою почти бессвязную речь, он оборвал меня:

– Так! Ты сейчас выйдешь на улицу, поймашь такси и назовешь свой адрес! Ты меня поняла? Адрес ты сможешь назвать?

Но французского-то я не знаю! Однако пообещала, что адрес назвать сумею.

Но денег на такси у меня нет! И я снова принялась реветь.

– А дома? Дома есть деньги? – спокойно спросил Друг.

Дома есть какие-то остатки от пяти тысяч франков, привезенных мной. Поднялась на улицу с коляской, где, слава богу, спал, не ведая о проблемах, мой сын, поймала машину, кое-как назвала водителю адрес, и – о счастье! – он привез меня домой. Денег хватило. Раздевшись, я рухнула на стул и впала в ступор. Придя в себя, четко осознала – рассчитывать на мужа я не должна! Нет, не так – я не должна верить всему, что он говорит! Далеко не все, что он предлагает, – правильно и подлежит точному исполнению.

Обида моя осталась надолго. Стыд, отчаянье и ужас жили со мной много лет. Долго я не могла ему простить, как он, словно щенят, выпихнул нас с сыном на улицу, даже не подстраховав деньгами. Его объяснение, что это было «так нужно», чтобы меня научить, я так и не приняла. И не поняла. Ни тогда, ни сейчас.

И еще. Молоко в тот день у меня пропало. Окончательно.

На минное поле я вступила именно в тот день. И шла по нему все двадцать с лишним лет нашего брака.

Теперь о смешном. Моя подруга Жанка приехала ко мне в гости, и не просто потусоваться и пошляться по магазинам – нет! Приехала она с

целью выйти замуж. При этом ей совсем не нужен был муж-парижанин. Замужество нужно было исключительно для того, чтобы ее дочку Свету взяли петь в Гранд-опера! Ни больше ни меньше! Нам казалось, что Жанкины запросы и претензии слегка... преувеличены. Так же, как и таланты Светы. Но Жанка перла как танк – Гранд-опера и ни меньше! Венская опера чем-то ее не устроила. Мы принялись знакомить Жанку со всеми известными холостяками. Потом знакомые кончились, и мы перешли на знакомых знакомых. В поле нашего зрения, в орбите отчаянного и почти безнадежного сватовства, появился профессор-математик, иранец, человек странный и не от мира сего. Крошечного роста, в огромных бифокальных очках, толстоватенький, перетянутый брючным ремнем на уровне... ну не горла – будем снисходительны – груди.

Математик ухаживал за Жанкой как умел. А умел он, увы, неважно.

И тут парижская подруга Нина предложила нам сходить на танцы.

– Куда? – удивились мы и решительно отказались.

Нина призвала нас к совести: до Жанкиного отъезда осталось полмесяца, пора действовать.

И мы отправились в клуб «Жорж Санд» в самом центре Парижа. Робея и очень стесняясь, зашли в шикарный вестибюль и оплатили входные билеты. Потом спустились довольно глубоко, этажа примерно на два или три. Полутемный зал, зеркальные стены, бордовые диваны – и пустая арена, как в цирке. Похоже на бордель, хотя мы, конечно, борделей не видели. Но во всем богатом антураже было что-то очень подозрительное и очень странное. Присели на диван, заказали коктейли и принялись беспокойно оглядываться – никого нет. Мы одни. Ни женщин и уж тем более – мужиков.

– Никто не придет? – наивно поинтересовалась я у подруги. – Все отменилось?

Нина сделала жест рукой:

– Подожди!

Дескать, не вечер.

Постепенно начали появляться дамы – преимущественно весьма пожилые, ярко покрашенные, в вечерних платьях и в переливающихся колье, диадемах и кольцах. Все делали вид, что попали сюда случайно – просто шли мимо. Наконец появился первый мужчина – очень старый, очень лысый, очень страшный и очень противный. Он медленно обошел диваны, очень внимательно разглядывая дам. Дамы все так же упорно делали вид, что им все равно. Мы помирали от смеха, и только Нина оставалась серьезной и то и дело строго повторяла, что наша миссия свята

– мы выдаем замуж Жанку. Чтобы Жанкина Светка пела в Гранд-опера. И так далее. Все это было похоже на театр абсурда, но страхи прошли – спасибо коктейлю. Мужчин стало больше – и старики, и пожилые люди, и среднего возраста, и даже совсем молодые.

– Альфонсы, – прошептала мне Нинка.

– В смысле? – не поняла я.

Нинка ничего не объяснила.

Наконец нашу невесту пригласили на танец. Нина тоже танцевала – она любительница дансингов, и мужики ей по барабану. У нее отличный муж Поль, с которым она живет в согласии и любви. А остальные «девчонки» (средний возраст ожидающих счастья составлял примерно от шестидесяти двух и до бесконечности) «стояли в сторонке» по-прежнему. Они все так же делали вид, что им безразлично и они здесь абсолютно случайно. Думаю про наших, советских, девчонок и женщин – те, робкие, тоже бы встали у стеночки, опустив глаза от смущения, теребя платочки в руках. Стеснялись, краснели. И все же, думаю, надеялись бы они на любовь! Не на кратковременный секс – а именно на любовь!

Я познакомилась с какими-то дядями, объяснила, что меня притащили подружки, взяла их визитки. Натанцевавшись, мы наконец уехали домой. Жанка была возбуждена – один из соискателей оставил ей телефон. Забрехала надежда.

Ну что ж? Жанка наша таки вышла замуж за математика-иранца. Она ему понравилась, хотя, думаю, ему нравились все женщины вокруг – без исключения. Он знал всю правду о ее намерениях и, будучи человеком весьма благородным, искренне хотел помочь моей подруге. Мне казалось, что из брака фиктивного может получиться брак эффективный. Но нет, увы! Жанка с иранцем разошлась и совершенно случайно, в обычном автобусе, познакомилась с приятным французом, полковником, занимающим важную должность в Министерстве обороны. Живут они много лет в большой любви и в прекрасном достатке.

Да! Небольшая ремарка – Светка, Жанкина дочь, поет в Гранд-опера.

Так, между прочим. Она не прима, но тем не менее!

Кстати, с иранцем, своим фиктивным мужем, моя подруга дружит до сих пор.

Мои парижские подружки внушали мне, что здесь не принято тащить все на себе.

– Ты что, все сама? – спрашивала меня Ирина, избалованная, холеная, привыкшая думать о себе в первую очередь.

– Конечно, – бодренько отвечала я. – Я же все умею! И швец я, и жнец, и на дуде поигрываю!

– Мы тоже все всё умеем! – отвечала Ирина. – Только здесь так не принято!

И я вызвала из Москвы Валечку, которая работала со мной в гостинице горничной. Валечку младший мой сын зовет Вуаля.

Малообразованная Валечка стала моей главной помощницей. На бульваре, где она гуляла с детьми, Валечка познакомилась с графиней Белозерской, дамой весьма почтенного возраста, прогуливавшей свою собачонку. Валечка с графиней стали лучшими подругами и вместе чаевничали в графской квартире окнами на парк Демонсо. Простая Вуаля и – графиня! Вот как бывает.

Но вот настало время получать документы. Я спешу в посольство и, разумеется, снова психую. Вдруг что-то снова не так? Вдруг что-то сорвется? Колоссальное напряжение, помноженное на страх. И почему мы так боимся чиновников? Словно преступники, совершившие что-то ужасное? Почему всегда робеем перед таможенниками и пограничниками? Словно едем по фальшивым паспортам и везем героин? Почему боимся чиновников, причем разного ранга и статуса? От работниц на почте, в паспортном столе, в ЖЭКе – «теток в тапках», как я их называю, – и до всех прочих и остальных? Откуда в нас страх? Откуда? Наверное, все оттуда. Внушили, вложили и – закрепили. На всю нашу жизнь.

Дрожа, я захожу в кабинет. За широким столом приятный мужчина. Он долго листает бумаги, почему-то вздыхает и наконец поднимает глаза.

– Елена Вячеславовна, – обращается он ко мне, – я что-то не понимаю! Вот здесь бумаги от ваших родителей – от них было нужно согласие на ваше желание остаться во Франции. И они, – тут он замолкает и снова вздыхает, – а они отказались! Подписывать вам отказались!

Я в ступоре, молчу. Все срывается. Все. Я не еду в Москву за ребенком. Я не увижу моего Сашеньку. Зачем мне все, если нет рядом ребенка?

У меня даже нет слез – только руки дрожат.

Вижу, что и он ошарашен.

– Никогда не видел, чтобы родители не желали счастья своему ребенку, – удивляется он.

И тут он берет эту злосчастную бумагу и – рвет ее на мелкие части!

– Вы меня поняли? – тихо спрашивает он.

И я, как болванчик, киваю.

В те годы – это был подвиг! Огромный человеческий подвиг! А уж для выездного чиновника!

Имени его я не помню. Спасибо ему и низкий поклон! Поступок его буду помнить всегда! По сути, он меня спас.

Наконец документы были получены, и я могла ехать за средним сыном – теперь все легально. Прихватив младшего, еду в Москву за Сашулей! Дима остался с Вуаля. Трясусь как осиновый лист. Два чемодана подарков – для всех дорогих и любимых, для тех, кто в Москве.

После праздничных, сказочных картинок, после красивейших европейских городков, аккуратнейших, ярко освещенных поселков, после Франции, Бельгии и Германии, после серой и довольно мрачной Польши мы въехали в Белоруссию. Из окна купе я вижу на перроне деда, старого, сторбленного, в лысой ушанке, в огромной телогрейке, в кирзачах, с папироской в углу беззубого рта. Я смотрю на него и – реву! Как я люблю этого деда, господи! Как мне хочется выскочить, обнять и расцеловать его! И я понимаю, что здесь, в этой стылости, в этой серости, в этом убожестве – вся я и вся моя жизнь! Здесь мое место. Я – дитя этой страны, и меня потрясает это открытие.

А в Москве меня ждут девчонки, мои подруги. В крошечной хрущобе накрыт роскошный стол. И чего там только нет! Я достаю из чемоданов подарки.

– Надюшка! Это тебе! – кричу я. – Томулька! Володенька, Лерочка! Танюшка! Ленька, Олечка! – И я выкидываю подарки из своего необъятного чемодана.

Среди подарков – бутылка жидкости для мытья посуды стандартного лимонного цвета. И моя Надюшка щедро вылила эту жидкость в готовый салат!

Мы упали от хохота, а бедная Надька зарыдала.

– Жалко-то как! Давай промоем! Столько добра пропадет!

И начались разговоры: «Ленка, а помнишь?», «А ты?». И так до глубокой ночи. Как же нам было хорошо! Как мне было хорошо! Так счастливо и так тепло мне не было очень давно! И я поняла, что хочу жить здесь, в России. Только где? Квартиры у меня давно нет – я ее продала и деньги отдала мужу на бизнес. Нет ничего – мебель, люстры, ковры, холодильник – все давно роздано, отдано и подарено. Как объяснить Андре, что я хочу вернуться домой, что хочу жить только в России?

Да конечно, никак! Он меня не поймет! Глупо пытаться.
И я молчу.

Бургундия. Наш дом и ожидание счастья

Наконец мы решились купить дом – остались деньги от продажи московской квартиры – и взяли кредит. Искали мы дом с «историей», необычный, не такой, как все остальные. Нашли такой в Бургундии.

Это и вправду был чудесный, удивительный и замечательный дом. Старинный особняк 1726 года. Дом-замок с мозаичными полами, коваными перилами и решетками, широкими лестницами, огромной библиотекой и подвалом со сводчатыми потолками.

Вокруг дома сад, называется он «Жардан кюре» – «Сад священника». Там сто восемьдесят кустов роз и огромный – в три обхвата – грецкий орех. В каменный бассейн стекает вода из кристально чистого родника. Садом давно не занимались, все давно приобрело русскую запущенность, лохматость – одним словом, романтическое местечко.

Мы обживали наше гнездо в полной уверенности, что именно там будем счастливы – мой муж, трое моих сыновей и я. Там я завела свою первую живность – земли у нас много, места полно, есть даже старые хозяйственные постройки, что-то вроде сараев.

И вот я приехала на рынок, где продают молодняк, а там есть все! Любая птица, телята, козлята, овечки, поросята – все, что может пищать и блеять, хрюкать и мычать. Купила гусей, кур и уток. Любимого гусака назвала Кутузовым – он потерял глаз в битве с огромным селезнем. Кутузов меня обожал – то и дело подходил, тычась клювом мне в шею. Знал, что я всегда на его стороне, я его защищу.

Дом свой мы обожали, дети резвились в саду, я разводила цветы, кормила птицу. Мы были счастливы. Пока я не узнала, что мы на грани банкротства. То есть бизнес Андре окончательно почил в бозе. И мы должны огромные деньги – пятьсот тысяч франков, что равнялось ста тысячам долларов. Кредит за наш дом он долго не погашал – вот и накопились долги.

– Почему ты мне ничего не сказал? Как ты мог довести до такого краха всех нас? Как посмел поставить под угрозу семью, меня и детей? – кричала я.

– Испугался, – тихо отвечал муж, раздавленный, убитый. – Я боялся, что ты от меня уйдешь.

Господи! Да разве русские женщины бросают своих мужчин в горе? Что делать? – лихорадочно думала я. – Что? Ведь уже завтра нам совсем

нечего будет есть! Не говоря про огромный, неподъемный стотысячный долг! Где взять такие сумасшедшие деньги? Да ни один банк не даст нам кредит! Потому что кредиты дают под что-то – дом, квартиру, офис или бизнес. Здесь с этим строго. Дом мы купили в кредит, за аренду офиса долги. Бизнес накрылся. Выхода нет! Через неделю нас попросят из нашего дома!

Муж мой пребывал в сильнейшей депрессии от безысходности и чувства вины. И все же ему стало легче, когда все открылось и больше не было надобности врать и притворяться.

Что делать? Продать антикварную мебель? Но на это понадобится время, а кормить детей, покупать им одежду, платить за школьный автобус надо уже завтра.

Я не спала, не ела и тихо сходила с ума. Мужа своего я почти ненавидела. И еще – вот глупое бабское сердце! – жалела. Родной человек попал в беду, он пропадает! Что делать мне? Собрать чемоданы, хватать детей и ехать в Москву? Сбежать, оставив его на произвол горькой судьбы? Но ведь бегство мое будет значить только одно – я его предала. Нет, не так нас воспитали! Тревога моя постепенно отходила, отступала, и я начала думать, как нам выжить.

«Надо действовать, Лена!» – сказала я себе.

Дальше произошло то, что всегда, – я включила Спасателя, Бэтмена, Рэмбо, Робина Гуда и полковника МЧС одновременно.

Кто, если не я?

Мой взгляд упал на пакет муки, стоящий на кухонном столе. Я вспомнила, как мама моей подруги, тетя Валя, дома, в Москве, пекла печенье-грибочки, укладывая их в корзиночки из сладких макарон. Съедалось все – и грибы, и корзинка. Дело это было очень трудоемкое – шляпка и ножка склеивались сладким сиропом, шляпка обмакивалась в горячий шоколад, а ножка – в сладкий мак.

– Мы спасены! – закричала я мужу. – Едем на рынок!

Он посмотрел на меня как на больного человека:

– Какой рынок, Лена? Ты что?

Скандал, крики – Андре категорически стоял на своем: на рынок мы не поедем!

Итог этих битв – мои слезы и разбитая тарелка XVIII века.

Но отступить я не привыкла и берусь за печенье.

Наутро мы все-таки поехали на рынок.

Я взяла с собой раскладной столик, льняную скатерть, по дороге собрала в лесу веточки земляники с цветами и ягодами, для украшения.

Разложила свое хозяйство, и тут на меня напал мандраж – меня затопило чувство страха и стыда: я торгую на рынке! «Наша Ленка докатилась до рынка», – отчетливо слышу я голоса родных и знакомых.

«Это временно! – убеждала я себя. – И никто из русских не узнает про мой позор! А пока мне просто надо накормить своих детей!» Через полчаса возле нас остановилась французская пара:

– О! Грибочки пошли! Уже? И как рано!

Я, лучезарно улыбнувшись, включив все обаяние, объяснила, что это – печенье. Конечно, дала им попробовать. Они улынулись, одобрительно покачали головами и – взяли три корзинки, на день рождения своим сыновьям.

Так мой позор обернулся триумфом. Я расправила плечи, я ликовала: мы спасены! В тот день мы заработали очень прилично. И я уже думала, что на следующие выходные нужно удваивать, а то и утраивать количество выпечки.

Я победила! Что там мой гонор, мои амбиции? Все это – пыль у дороги! Зато будут сыты мои мальчишки!

Как-то ко мне подошла очень приятная дама.

– Вы полька? – спросила она.

– Нет, я русская! – улыбнулась я ей в ответ.

– Странно! Такие печенья пекла моя бабушка. Эти грибочки – типично польская выпечка!

Я рассмеялась:

– А мы были уверены, что грибочки – чисто русское лакомство!

Теперь мы смеялись на пару.

– А пирожки? – спросила она. – Почему вы их не печете? У вас это должно получаться!

Я поделилась своими сомнениями – будут ли их брать? Да и с чем печь? Начинок-то масса!

– С капустой! – уверенно ответила моя новая знакомая. – Это понравится точно! А я буду вашим первым клиентом! Я работаю в театре и с удовольствием куплю вашу корзинку с пирожками коллегам – на днях у меня день рождения!

Теперь по ночам я пекла пирожки. Почему по ночам? Да потому что рано утром, уже в шесть часов, открывались рынки, и мои пирожки должны были быть свежими, еще теплыми. Во Франции нет понятия «вчерашний хлеб» и «вчерашние булочки» – знаменитый французский багет к столу покупают ежедневно перед обедом и ужином. А то, что не раскупили, отдается в приюты для бездомных или просто тем, кто не хочет

или не может платить.

Мне помогали старшие дети – замешивали и раскатывали тесто, лепили вместе со мной. В мучной пыли было все: кухня, наши лица, руки. Она стояла облаком в воздухе, попадала в рот. На плите жарились капуста и морковь для начинки, припускались в сиропе яблоки, варилось мясо. В огромной сковородке шипел жареный лук – какие пирожки без лука?

А в шесть утра я уже стояла на рынке, отвозил меня Андре.

Фермерские французские рынки устроены так – на площади городка или предместья разбиваются временные шатры – от солнца и дождя, устанавливаются прилавки. Дальше все свое: весы, кассовые аппараты, лотки и одежда – все, что нужно продавцу для работы. Места тоже разные – есть получше, при входе и на центральной аллее. Есть и похуже – как говорят, «на задах».

Французы – народ бережливый. Не скуповатый, как принято считать, а именно бережливый, расчетливый. У них нет нашей русской удали, когда все нипочем. Они заботятся о завтрашнем дне, скрупулезно просматривают чеки, продумывают бюджет. И еще для них важна сила привычки: покупать у того, кто тебе давно знаком, с кем ты уже почти подружился. И покупать то, что знакомо, что уже пробовал.

К пяти утра к рынку съезжаются со всей округи торговцы – на маленьких грузовичках, микроавтобусах, внедорожниках с открытым верхом – и начинают выгружать свой товар. Здесь есть все – свои огурчики, помидоры, морковь и капуста, причем множество видов: брюссельская, кольраби, цветная, савойская, белокочанная. Баклажаны, не менее пяти сортов, от белых до полосатых. А еще кукуруза, картошка, горох, кабачки, помидоры, огурчики.

Выгружаются торговцы мясом, выкладывают на прилавки баранину, говядину, свинину, уток, индюков, перепелок, огромных, раскормленных, янтарных от прозрачного жира кур и цыплят с детский кулак – корнишонов.

Обязательно на рынке огромное количество колбас и окороков, ветчин и терринов, паштетов и фуа-гра, утиных крылышек и желудков, буда – кровяных колбасок с яблоком – французы их жарят на гриле. Сосиски, сардельки – куриные, мясные, индюшачьи – делают они же, фермеры, сами выращивают скот, сами производят из него продукты. Как правило, на такой частной ферме работает вся семья – супруги, их дети и внуки. Частенько привлекают и наемных рабочих – двоих или максимум троих здоровых парней.

Сырный ряд похож на длинную широкую улицу – Франция, что

говорить. Сыры твердые, средние, пармезан, который крошат специальным ножом, мягкие – в корытцах и в баночках, бри десяти сортов под пахучей, плесневой коркой, сыры плавленые, сыры с плесенью. Мои любимые – «Сэнт агюр» и «Каприз де дьё». Острые, сладкие, терпкие, горьковатые. С орехами, травами, оливками и грибами, сладким и острым перцем. Сорт – миллион! И на каждый есть свой любитель.

В молочных рядах творог, масло, йогурты, крем-фреш.

А еще десятки сортов свежей рыбы, которая с утра еще точно плавала. Если попросишь – почистят, нарежут на нужные куски да еще и скажут спасибо. В пакет с нарезанной рыбкой положат петрушку и пару лимонов. И все – с улыбкой, с прибаутками и пожеланиями хорошего дня.

Фрукты можно на рынке найти сезонные: яблоки, груши, персики, сливу, виноград. Крошечные оранжевые дыньки с невообразимым запахом – их принято есть с ветчиной и хамоном, запивая теплым портвейном.

Я покупаю место – крошечный прилавок далеко не на бойком месте. Служащий рынка смотрит скептически – и кому нужны пирожки этой русской? Французы ведь консерваторы! Привычка для них самое главное. Нет, она, эта иностранка, определенно не в себе! Место покрупнее, в центральном ряду, я купить не могу – дороговато. Да и потом, надежды на успех моего предприятия, честно говоря, у меня совсем мало! Я неважно знаю язык, я в чужой стране. Моих шуток и прибауток здесь не поймут.

У меня дрожат руки и вот-вот покатятся слезы. Но я беру себя в руки и – натягиваю улыбку – улыбку счастливого и очень уверенного в себе человека. «У меня все получится!» – говорю я себе, пытаюсь проглотить застрявшие в горле слезы. «Ничего! – я утешаю себя. – Марина Цветаева в эмиграции вязала шапочки на продажу!»

Дома голодные дети. Есть что-нибудь сильнее, чем эта мотивация?

Кто, если не я? Вечный вопрос. И вечный ответ: ты, детка! Ты! Никто, кроме тебя.

И я включилась в игру. Я, московская девочка Лена, заласканная и залюбленная бабулей и дедом, солистка Локтевского ансамбля, посетительница музеев и театров, торгую пирожками на рынке. Смешно.

В те годы, на мое счастье, на русских и русское была мода – спасибо перестройке и лично Михаилу Сергеевичу. Я надела павловопосадский платок, украсила рабочее место хохломскими ложками, плошками и ладьей, включила записи удалых русских песен – «Вдоль по Питерской», «Калинку» – и вперед! Где наша не пропадала!

На меня обращают внимание – уже успех! Осторожно подходят и

недоверчиво смотрят. Но постепенно оттаивают и начинают приветливо улыбаться. На гжельской тарелке лежат мои румяные красавцы – на пробу. Дамы осторожно отламывают крошечные кусочки, кладут опасливо в рот... и лица их освещают улыбки.

– Супер! Манифик! Фантастик! – слышу я.

Пирожки лежат в красивой корзинке, прикрытые кружевной салфеткой – важна еще и подача! Французы – большие эстеты. На прилавке – хохломские уточки, самовар, богородские игрушки – маленький уголок моей любимой России.

В общем, не хватает только медведя с гармошкой!

Постепенно выстраивается маленькая очередь – три, пять человек. Берут помалу – пять, шесть пирожков. А они у меня махонькие, с крупный вареник. Итог дня – я продала все корзинки! Все двести штук! В кошельке деньги, огромные деньги! Целых две тысячи франков! А это означает, что мои дети, моя семья, будут сыты всю неделю! Ну, каково?

Покупаю у своих коллег ветчину, колбасы, сыры и свежую рыбу – устроим семейный праздник! Все это мне достается с огромной скидкой. Теперь я – своя!

Долой экономию и отварную картошку три раза в день! Долой макароны с томатным соусом! И с этого дня начинается моя карьера рыночного торговца. Каждый день я на рынке и постепенно обрастаю своими покупателями. Берут уже не по три пирожка, а по двадцать и больше. Начинают поступать заказы – на дни рождения, семейные праздники, к приему гостей. Нашими клиентами и хорошими приятелями становятся потомки Федора Сологуба, Римского-Корсакова. Французы, любящие Россию.

Служитель рынка, продающий места, подходит ко мне и таинственно шепчет:

– Мадам Элен! Я предлагаю вам лучшее место! Лучшее место по прежней цене!

– Ух ты! – радуюсь я. – Вот что такое успех! Теперь и я в авангарде!

Но... Везде они есть, эти «но». Я устаю как собака, дети мои не высыпаются и тоже валяются с ног, приносят из школы замечания и плохие отметки. Печь пирожки раз в неделю для меня – удовольствие. А когда это становится рутиной... Всю ночь я у плиты. Уезжаем очень рано, едем за семьдесят километров. Там, на рынке, надо держать лицо, улыбаться, украшать прилавки, со всеми общаться – и с покупателями, и с другими продавцами.

А потом, усталая, замученная, я возвращаюсь домой, а там – кухня с

кучей грязной посуды, плита и пол, усыпанные мукой. Андре смотрит на все критически. Ему сложно признать, что я стала кормильцем, сложно с этим смириться. Его мужское «я» ущемлено, он раздавлен. К тому же долги-то висят! Никто их не отменил и отменять не собирается.

Да, нам хватает на оплату жилья, на хорошее питание. Но мы еще в яме, и в глубокой. Хорошо, что я так устаю, что совсем нет сил думать об этом и переживать.

Я никогда не стыдилась работы – никогда и никакой, честное слово! Но сейчас меня что-то гнетет. Я не хочу провести свою жизнь на фермерском рынке, стуча хохломскими ложками и приплясывая под родную «Калинку»! А может, я просто устала? Два года каторги, ни одного выходного за целых два года! Утро, день, вечер, ночь. День сурка. Я сплю в машине и улыбаюсь на автомате. Я очень устала. И нет рядом того, кто меня пожалеет.

И однажды я заболела. Не знаю, как более точно обозначить свое состояние – просто мне стало на все наплевать. У меня больше не было сил – ни физических, ни моральных. Никаких. Я лежала и тупо смотрела в потолок. Не поднималась ни рука, ни нога. Шесть дней я не пила и не ела. Шесть дней находилась где-то «между» – между землей и небом, между жизнью и смертью. Я уже ничего не хотела. Мне сладко было думать о смерти, и я ее не боялась. Для меня она была освобождением, отдыхом и отпуском. Больше от меня никому и ничего не нужно, я свободна от всех и всего!

На шестой день ко мне зашел мой младший. Он лег рядом, взял меня за руку и прошептал:

– Мамочка! Мы хотим есть! Очень хотим!

И я встала.

Помню, как было жалко расставаться со своей, пусть мнимой, свободой. Но, наверное, я отдохнула! И вот я снова на кухне – кормлю своих мальчиков. В меня по капле втекает жизнь – медленно, медленно. Что это было? Истерика, бунт, забастовка? Сильнейший нервный срыв, депрессия? Я не знаю. Но в эти дни я отчетливо поняла – пришло время вернуться домой, в Россию.

Иначе меня просто не станет.

Франция – это мое безжалостное взросление, мое бесконечное преодоление, мое дно с красивым и романтическим названием.

На кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где похоронены тысячи русских эмигрантов: вдова и сын Колчака, Бунин, Тарковский, Мережковский,

Гиппиус, Шмелев, я познакомилась с отцом Силуаном.

Произошло это так: мы бродили по аллеям, читали надписи на надгробьях и вдруг услышали странный шум – шум старого и дряхлого мопеда. А через пару минут увидели и нарушителя святой кладбищенской тишины – на древнем мопеде рассекал священник – в развевающейся рясе, с двумя кожаными сумками, переброшенными через плечо.

Он притормозил.

– Русские? – спросил он и расплылся в добродушной улыбке. – Конечно же, русские!

Он провел для нас экскурсию, останавливаясь у могил, рассказывая о тех, кто здесь похоронен, о каждом говорил вдохновенно, с оттенком печали. Он поведал нам много удивительных вещей, читал стихи, пел революционные песни и смешные частушки.

Отец Силуан происходил из семьи русских эмигрантов – его отец, белый офицер, умер в Греции, не доехав до Франции. Мать отдала его в семинарию, а позже он попал в православный приход.

Отец Силуан обожал Россию и русских, хотя помнил ее очень плохо. И очень хотел приехать на родину, но остерегался советских законов.

Прекрасно знал он и русскую литературу, и живопись, и историю. Был истинным патриотом России и очень болел душой за нее.

Однажды отец Силуан подвел нас к могиле, которую чтит особо. Фамилия усопшего нам была незнакома, но надпись на надгробии тронула: «Русские люди! Любите Россию! Где бы вы ни были – любите и помните! Прошлую, настоящую и будущую!» Спустя немного лет мой друг, лицедей Роберт Городецкий («блю-блю-канаре», помните?), снял об отце Силуане фильм.

Отец Силуан был поклонником православного хорового пения, и мы как-то привезли ему подарок – аудиозаписи церковных хоров. Это так тронуло его, что он пригласил нас в Русский дом – место, где доживали свой век потомки аристократических русских фамилий.

И мы снова попали в удивительное место! В место, где звучала истинно русская, очень правильная, теперь позабытая речь – красивая, слегка манерная. Пожилые дамы в платьях с воротничками из старинных, чуть пожелтевших кружев поправляли прически морщинистыми, но ухоженными руками, в старинных перстнях, с обязательным маникюром.

Мужчины опирались на трости с причудливыми набалдашниками. И по длинной галерее, увешанной портретами царской семьи и именитых дворян, все дружно шествовали на утреннюю литургию.

Было у нас странное чувство, что мы попали в давние времена, в еще

монархическую Россию.

В то тяжелое, трудное для меня время я нашла новых друзей. Они, мои друзья, прекрасны, и еще – они очень помогают мне как-то держаться. Они – это матушка Ольга и матушка Елизавета, монахини маленького русского прихода в городке Бюси-о-Нот.

Однажды, гуляя в маленьком городке, мы обнаружили монастырь. Медленно шли по другой стороне улицы и почему-то – вот странность! – боялись перейти на ту сторону, где были открыты двери в монастырский сад. По двору торопливо прошла худенькая женщина в монашеском одеянии. Заметив нас, застывших на месте, крикнула:

– Вы русские? Так что вы стоите? Заходите скорее, солнышки вы мои!

И мы, коротко переглянувшись, перебежали пустынную улочку. Зашли в тихий уютный дворик, присели на деревянную скамеечку и с удовольствием вдохнули аромат цветущей липы. Крошечная, почти игрушечная церквушка – оттуда доносится запах ладана, тающего воска и – ощущение покоя.

Я чувствовала, как по лицу катятся слезы – и мне стало легче. Нам предложили чай, и тут я начала реветь! Это было каким-то чудом – услышать родную речь вдали от моей России, моей Москвы. Увидеть искренние и добрые улыбки, почувствовать, как нам здесь рады!

Моей настрадавшейся и измученной душе был сделан подарок. Царский подарок!

К Андре, католику, в этом православном монастыре относились не то что терпимо, а замечательно, с большим уважением к его вере.

Потом я стала туда брать и детей. С маленьким Даниэлем девочки-монашки лепили иконки и обжигали их в муфельной печи. Рассказывали ему сказки, пели колыбельные песни.

Приглашали нас и на трапезы. Вот там я и узнала, что постная пища не обязательно скудная, бедная. Блюд из овощей и фруктов, из круп великое множество! Например, они запекали айву с сухариками и цикорием, пекли пироги с чечевицей и луком-пореем.

А я училась всем этим премудростям. Благодаря этому опыту сейчас у меня не возникает проблем с гостинцами в пост, когда еду к российским настоятелям, священникам и монахам, с которыми долго и крепко дружу.

Однажды настоятельница Покровского монастыря, игуменья Ольга, подарила мне аудиенцию, а это – большая честь.

Мы собрались в уютной комнате, где был накрыт чай и в старинных разноцветных вазочках лежало варенье из плодов собственного сада. Мне

дали возможность не только слушать, но и задавать вопросы этим прекрасным, мудрейшим и умнейшим женщинам весьма преклонного возраста – игуменье и ее наперсницам.

Вместе со мной в комнате сидели паломники со всей Франции. Были и гости из Москвы. А я наслаждалась этим прекрасным обществом и с упоением слушала русскую речь. На этой встрече я познакомилась с близкой родственницей Натальи Дуровой, и она попросила передать гостинец для ее сестры в Москве. По приезду в Москву я, конечно, приехала к Дуровой – передать ей привет и посылку. Мы сидели за старинным круглым столом, принадлежавшим ранее девице Надежде Дуровой, послужившей прообразом героини «Гусарской баллады». Мой сын Даниэль был потрясен этим знакомством. Наталья Дурова дала ему поддержать огромного разноцветного попугая и потрогать украшения на своем роскошном, блестящем сценическом костюме.

Мальчик был счастлив!

Не будь в моей жизни Покровской обители, не знаю, выжила бы я тогда? Справилась бы?

Не уверена. И до сих пор со мной маленькая иконка-медальон, которую подарила мне игуменья Ольга. Она и хранит меня – все эти годы.

Еще одна чудесная встреча была мне дарована Богом – с Анной Оболенской, русской принцессой. У Анны было свое фотоагентство, она сотрудничала с крупнейшими журналами, в том числе с GEO. Анна работала и с русскими фотохудожниками, платила им так щедро, что они и мечтать о таком не могли. Она познакомила меня с Францией, буквально вела за руку, помогала, учила успешно выживать в этой стране. Многие события не обернулись для меня драмой только благодаря этой мудрейшей и добрейшей женщине. Сравнивая свои несчастья с бедами Анны, я понимала, как они мелочны и незначительны.

Анна была истинным патриотом России, трудоголиком, ярким и открытым человеком, безумно любящим жизнь. Я с восхищением слушала ее рассказы про первую эмиграцию, про испытания и тяготы жизни этих людей. Про их благодарность и любовь к Франции, своей второй родине, и про их неизбывную и горячую, сострадательную любовь к России.

Книги тоже помогали выжить. Я часто наведывалась в магазинчик русской книги в Париже. Помню, как открыла для себя писателя, чьи книги обожаю по сей день.

Я пришла в очередной раз в магазин. Как всегда, там было полутемно, пусто, пахло пылью и старыми книгами. В глубине зальчика стремянка, на ней стоял старичок, маленький гномик. Обернулся ко мне не сразу.

– А-а-а? Покупатель? – почему-то вздохнул он.

Кажется, он был расстроен, что его оторвали от дела.

Объяснила, что соскучилась по русским книгам, очень соскучилась. Он слез со стремянки и принялся рыться на своих полках. Наконец протянул мне книгу:

– Ну вот! Это то, что вам надо!

Смотрю на обложку: Виктория Токарева, рассказы. Оплатила на кассе и поспешила домой, скорее читать.

Плакала, смеялась, восторгалась! Спасибо ему за открытие!

Я старалась не думать о долге, но, сколько ни прячь голову в песок, ситуацию это не изменит. Пришел черный день, когда Андре объявил, что ему грозят огромные неприятности, если он не найдет деньги.

Что сделала я? Я снова бросилась к Другу. Дрожавшими пальцами, не попадая на нужные цифры, кое-как набрала знакомый московский номер. Трубку взяла его мама, моя задушевная подруга.

– Он в Лондоне, – сказала она. – Ты, Лена, оставь телефон.

Он перезвонил почти мгновенно:

– Я могу вылететь только завтра! Ты подождешь?

Подожду ли я – странный вопрос! Но мне уже легче – он едет!

Мы встретились в кафе, и я ему все объяснила.

– Не психуй, – сказал мне Друг, – я что-нибудь придумаю!

Назавтра мы отправились в банк – большой банк на Елисейских полях. Я дрожала как осиновый лист. Смотрю в окно и вижу, как он разговаривает с двумя мужчинами. Лица их мне показались знакомыми. Наконец узнаю их и охаю вслух: два известнейших гроссмейстера. Оба – друзья моего Друга. Через какое-то время он вышел и протянул мне пачку купюр – ровно сто тысяч. Он посмотрел на меня долгим внимательным взглядом:

– Ты уверена, Лена? Может быть, купим тебе квартиру? Здесь хватит вполне. Ты должна понимать, что если ты отдашь эти деньги Андре, они просто исчезнут! А ты снова будешь ни с чем!

– Ты что говоришь? – Я удивилась и слегка обиделась. – Мне надо спасти мужа!

– Успокойся, родная! И больше не думай о деньгах! – Он чмокнул меня в нос.

Как всегда: дружеский чмок и – спасенные жизни. Моя, детей и мужа.

Все это он проделал так легко, с таким изяществом, так ненавязчиво,

что, беря у него эти огромные, колоссальные деньги, я почти не страдала.

– Подумаешь – деньги! Что они – деньги? Пустяк! – сказал Друг и добавил: – Разве твоя драгоценная жизнь и твой покой стоят дешевле?

Я заплакала. Прошептала, что долг вернуть не смогу. Моих заработков хватает только на жизнь, на расходы – питание, дом, скромные вещи.

– Забудь, – ответил он. – Я разберусь.

Что тут скажешь? Человек вызывает только восхищение? Что говорить про его благородство, великодушие, щедрость? Мне стыдно. Я продолжила любить своего мужа, при этом понимая про него все. Глаза мои широко открыты – пелена очарования давно слетела.

Бабское сердце... Глупое, неразумное и нерасчетливое женское сердце.

А наша семейная жизнь неудержимо катилась в пропасть, несмотря на мои героические усилия.

Я понимала, что я – никто. Клуша, которая варит, печет, вытирает и убирает. И еще – выслушивает постоянные упреки, недовольства, претензии и попреки. Станный микс из любви, ненависти, нежности и безумного раздражения.

Чувствуя, что еще немного – и просто сломаюсь, погибну, я отпрашиваюсь в Москву. Муж не хотел меня отпускать – словно чувствовал что-то. А на вокзале наша прощальная сцена поразила прохожих, пассажиров и проводников. Он держал меня за руки, я вырвалась, взлетела на ступеньку вагона, и он успел только сорвать туфельку с моей ноги. Но я уже в поезде. И поезд медленно, но верно набирал обороты, мерно стуча колесами.

В Москву я приехала в элегантном костюме и – в клетчатых тапках проводника, сорок пятого примерно размера. Сменной пары обуви у меня с собой не было, я слишком быстро собиралась в Москву. И в этих клетчатых тапках я гордо прошествовала по перрону.

«Проба пера» – так я называю наш роман с Другом. Точнее – попытку романа.

Что это? Опять благодарность? Слабая женская надежда – а вдруг? А может, просто – желание жить? Жить счастливо, благополучно с достойнейшим человеком, прекрасным мужчиной. Обычная бабья истерика – вдруг?

Нет, не «вдруг». Все было, увы, не очень удачно, хотя мы очень старались, и я, и он. К нему никаких претензий – ни одной, честное слово! Он был, как всегда, безупречен.

У него чудесная мама, которая очень дружит со мной. Чудесный отец. Мой младший сын их всех обожает. Забота Друга о нас так искренна, так глубока, что от всего этого я просто теряюсь. Я не привыкла к этому – жизнь не очень-то со мной церемонилась. Но я продолжала звонить Андре! И Друг молча и терпеливо оплачивал телефонные счета.

Почему я звонила в Париж? Жалела? Любила? А Друг? Почему он был так терпелив, почему сносил мое поведение? Сейчас, по прошествии множества лет, вспоминая свою историю и свою жизнь, часто раскаиваясь и о многом жалея, в частности о боли, причиненной другим людям, близким, я прихожу к выводу, что поведение Друга – это не слабость, а сила. Он любил меня и прощал. И еще – он надеялся. И я понимала, кто есть кто, – и чаша весов была явно не в сторону моего мужа.

Но кто же может объяснить нам, неразумным, наши странные, подчас пугающие и удивляющие нас самих поступки? Как объяснить, что женщина сломя голову бросается к человеку мелкому и недостойному, игнорируя при этом заботу, ласку, верность и преданность настоящего, истинного и сильного мужчины?

Нет этому объяснений.

Итак, мы в Москве. Живем – или пытаемся жить – «по-семейному». Я и мой Друг. Чувствуем оба – не получается. Но все еще «делаем вид». Вид, что все хорошо и даже отлично.

Как-то из Парижа приезжает наш с мужем общий приятель Жорж. И он, милый Жоржик, грустно вздыхая, рассказал, как печален Андре.

– Тебе хорошо! – качал он головой. – Ты с сыном, с друзьями! А он один! – В голосе друга я отчетливо слышала осуждение.

С этого момента я потеряла покой и – приняла решение. Объяснилась с Другом. Я еду в Париж. На несколько дней. Никакой интриги, никакого вранья – сбегать от него я не собираюсь. И даже более – оставляю с ним сына – в залог. Мне надо встретиться с мужем, посмотреть на него, расставить точки над i и поскорее закончить нашу историю.

Благородный Друг купил мне билет. На вокзале он спросил:

– Ты хорошо подумала? Еще не поздно выйти из вагона.

– Не мучай меня! – Мысленно я уже была в Париже, с Андре.

Поезд тронулся, и тут, задержавшись в вагоне и не выйдя с остальными провожающими, он сорвал стоп-кран. Что такое сорвать стоп-кран в международном составе, идущем в Париж? Началась жуткая паника, поезд дернулся, зафырчал и замер, а к нашему вагону бежали милиционеры, начальник вокзала, его заместители, проводники. Из окон

выглядывали перепуганные пассажиры.

– Случайно, – спокойно развел руками Друг. – Бывает!

Он всегда умел удивлять.

Так он дал мне еще один шанс не совершить ошибку. Но я снова этим шансом не воспользовалась. Кстати, проводник в моем вагоне – тот самый Игорь, который выдал мне клетчатые тапки. Вот он-то все понял! Смотрел на меня с восхищенной улыбкой: боже, какие страсти кипят возле этой маленькой и улыбчивой женщины!

Андре встретил меня в Бельгии, в Лилле, за два часа до прибытия поезда в Париж. В пять утра, с огромным букетом роз, он снял меня с поезда, мы сели в машину и поехали домой, точнее – к нему. Он и вправду был худой и бледный, и я видела, как ему плохо.

А я, представьте, была счастлива. Очень!

Через пару дней я позвонила Другу – объясниться. Мне было ясно – я остаюсь с Андре.

И Друг снова меня понял. Однажды он мне сказал:

– Мне не важно, с кем ты живешь, – важно, что мы с тобой одинаково думаем! Ты всегда для меня на пьедестале – и мне никогда не дотянуться до тебя.

Оказывается, бывает и так.

С мужем мы помирились, мы счастливы, мы снова вместе. Я вижу, как у него горят глаза, – он гладит меня по руке, обнимает и говорит, что на такое огромное счастье он не рассчитывал!

Но я поставила твердое условие: мы возвращаемся! Только так, и никак по-другому. Я не хочу жить во Франции. Мое место в России. Андре соглашается, но с оговоркой – жить мы будем в России, но не в Москве и не в Питере. Только в провинции. Почему? Да потому, что там, в столицах, у меня столько друзей, столько знакомых, что меня у него попросту отнимут!

Четыреста километров от столиц, – объявил он. – Здесь мы тоже живем в Бургундии, а не в Париже!

И я согласилась. Какая мне разница? Главное – жить на своей земле и говорить на родном языке. Я буду понимать людей, живущих по соседству, чувствовать нюансы их речи, оттенки и мелодику нашего языка. Я не буду задумываться и прикидывать, что подумал или что имел в виду мой французский собеседник. Я нужна именно своей стране, а не Франции, где и без меня все хорошо.

Я счастлива, потому что еду домой! Рядом любимый. И мне наплевать, кем считают меня наши французские друзья – идиоткой, законченной

дурой. Как это – вернуться в Россию? В Россию, где беспокойно, голодно, пусто, темно. Там – неуверенность в завтрашнем дне. Там – перемены!

Здесь, во Франции, есть стабильность, есть крыша над головой, дети сыты, обуты, одеты. Куда несет эту чокнутую, куда? Ведь на ее бы месте тысячи женщин благодарили судьбу!

Да, Франция прекрасна, необыкновенно красива! У нее фантастическая история, сказочная архитектура, самая вкусная кухня, самый мелодичный язык, лучшие в мире духи, мода от-кутюр, музеи, театры и магазины!

Там нашли счастье и умиротворение тысячи моих соотечественников.
Но моя судьба – это моя судьба!

Возвращение

И начались долгие поиски. Мы открыли карту России, взяли карандаш, веревочку, отметили четыреста километров от Москвы и начертили круг. По радиусу этого круга мы собирались объехать области – Тверскую, Ивановскую, Ярославскую, Костромскую.

Как понять, где мы остановимся? Нам должно понравиться место. Раз. А второе – что-то должно произойти, случиться! Что-то такое, чтобы мы точно поняли – наше! Как это будет, где и когда, мы, конечно, не знали.

Мы сели в машину: я, Андре, Даниэль, собака и кошка. Наша машина с французскими номерами – мини-дом для путешественника. В ней есть все – палатка, котелок, тренога для костерка, кастрюли и сковородка, чашки, ложки, тарелки, переносной холодильник, резиновая лодка (убейте – не знаю зачем!). А еще белье, полотенца, подушки и одеяла, сменные вещи, шампуни, мангал, книги, путеводители, радио и магнитофон – если совсем будет грустно. Теплые куртки, резиновые сапоги, кеды, теплые носки, свитера. И еда – крекеры, сухие супы, твердая колбаса, крупы, варенье, соленья. Картошку мы купим в деревне.

В любом месте мы можем остановиться, и я за полчаса приготовлю обед – с горячим супом, вторым и компотом.

Мы отмахали семь тысяч километров, проехали все отмеченные области и оказались на берегу Волги.

График такой – неделю мы путешествуем и возвращаемся в Москву, домой – дня на четыре – почистить перышки, запастись едой, постираться, погладить, собраться. И снова – в путь!

Я штурман, у меня на коленях лежит карта, и я определяюсь на местности.

Гостиниц в то время почти не было, тем более в далекой глубинке. С ночевкой проблемы – мы ночевали то в чьей-то бане, то в избе, то в палатке, то в клубе. Андре шутил, что Наполеону нужно бы было сначала приехать в Россию туристом, чтобы понять, что такую страну завоевать невозможно! Нереально завоевать страну с такими масштабами и с такими дорогами! Завоюешь одну губернию, другая тут же освободится!

В муже моем снова просыпается журналист – он обалдевает от просторов, от желания жителей нам помочь, от крынок молока, теплого хлеба, меда, который нам выносят. Андре загорелся идеей написать книгу о российской глубинке. Он с азартом записывает свои ощущения. Говорит – и

говорит с восторгом, – что раньше Россию не знал, потому, что видел только столицы.

У нас начался ренессанс в отношениях – мы больше не ругаемся, не цепляемся, мы возбуждены нашими планами и путешествиями. Обсуждаем прошедший день и тут же предвкушаем следующий. Мы стали нежнее, терпимее. Мы снова на одной волне и понимаем, что любим одно и то же.

Дорожных историй, приключений было множество. Что может быть интересней и познавательней путешествий и человеческих судеб? Да ничего!

Бабуся по дороге из Углича. Останавливаемся и предлагаем ей помощь – конечно же, подвезти. Откуда она взялась, эта бабка? Вокруг нет деревень – лес, поле, лес, поле. Бабушка изо всех сил отказывается:

– Чего подвозить-то? Тутто близенько – кило́метров пять!

Но от нас просто так не отвяжаться – почти насильно заталкиваем бабулю в машину. Она, ворча, устраивается на заднем сиденье рядом с нашим немаленьким бобиком, кошкой и сыном. Разговорились. Старушка рассказывает, что спешит в магазин за хлебом. Ходит туда два раза в неделю. От ее деревни это километров эдак семь. Через лес, в любую погоду.

– А чё делать-то? А ничё! Ближе-то лавки и нет! Даже хлеб нам не возють! В деревне осталось три бабки – одна ляжача, друга – ползуча, ну и я – бегуча. Не буду ходить – лягу рядом. И чё, пропадать? С голоду, что ли? Вот и бегаю я. Лектричества нету, провода срезали, продали, и все, – грустно вздыхает она и тут же смеется: – А жисть-то – идеть!

Выйдя из машины, она увидела на двери в магазин амбарный замок – обеденный перерыв и посмотрела на нас с осуждением:

– И чё вы меня привезли? Чё приволокли? Рано мне! Ишшо ждать цельных полчаса! А лесом бы я спокойненько шла бы!

Мы трогаемся и смеемся: бабушка наша бегуча! Куда ей ждать полчаса?

Еще одна история. Голосует на дороге солдатик. Останавливаемся. Он как-то мнетя:

– Нас... в общем... трое.

Еще два дружка, тоже солдаты и тоже спешат по домам в увольнение.

– А чего они прячутся? – удивляемся мы.

– Так по трое в машины не сажают, – вздыхает служивый.

Ну, берем всех троих. Едем, болтаем о жизни. Ребятюшек жалко – видно, что голодные. Достаем свои запасы, подкармливаем. Тормозит нас инспектор ГАИ – ничего страшного, просто проверка. Машина-то

иностранная, «Рено-25», представительского, кстати, класса (на такой же машине ездил Франсуа Миттеран). Водительские права тоже французские. Водитель вообще плоховато говорит на русском языке. Гаишник растерян – такое он видит впервые!

– А кто у вас сзади? – интересуется он.

Отвечаем:

– Солдаты, едут домой, в увольнение.

– А вы? Вы куда? И, кстати, откуда?

Объясняем, что мы журналисты, пишем книгу о России, собираем материалы. А откуда? Да из Москвы! Получали в банке деньги на путешествие.

– И что, – хмурится гаишник, – получили?

– Ага! – улыбаемся мы.

– И много? – вкрадчиво, с подозрением и недоверием интересуется он.

– Три тысячи долларов.

– Ну и зачем вы мне это все рассказываете?

– Так вы же спрашиваете!

– Но вас же могут ограбить! – И странно смотрит на наших случайных пассажиров, от страха вжавшихся в кресла.

Мальчишек мы довезли, мама одного из них всплеснула руками, заохала, вынесла из дома банку парного молока и еще теплые пирожки.

Мы обнялись, и я накинула на ее плечи шелковый платок с Эйфелевой башней.

Стояли с сыночком и махали нам вслед. Никто нас не ограбил. Корову ее звали Ньюша – помню я это почему-то до сей поры.

Меленки

Первая наша «глубокая» остановка – деревня Меленки.

Деревню «свою» мы видели так – пестрые палисадники, заросшие золотыми шарами и разноцветными игольчатыми астрами, кустарники бульденежа, калины, заросли сирени. Добрые старушки, смешливые и говорливые старики, простодушные ребятишки, несущиеся на велосипедах. Коровы, медленно бредущие по дороге, белоснежные козы, меланхолично жующие сочную, изумрудную траву. Грибы на сухой березовой опушке, россыпи ягод на подстилке из сосновых иголок. И хорошо бы – церквушка! Маленькая, уютная деревенская церковь с добрым батюшкой и милой, сердечной матушкой. Мирная, тихая и спокойная жизнь, к которой мы так стремились и так рвались.

А на деле – на деле все было не совсем так. Точнее – совсем иначе!

Живописные деревеньки со смешными названиями оказывались заброшенными. Темные, некрашенные дома – заколоченными, заборы – сгнившими и завалившимися. Палисадники зарастали густым непроходимым бурьяном. А коров и коз давно не держали – тяжело, в деревне одни старики. А храмов неразрушенных, действующих не было вовсе! Церкви были поголовно разрушены, превращены в уборные или в склады «непонятно чего», загажены, осквернены.

Еще подступала осень, и я стала бояться, что гнездо свое до близких уже холодов свить не успею. Путешествие наше определенно затянулось, мы слегка заигрались в эту увлекательную игру и немного устали.

Меленки нам посоветовала милая женщина Люба и даже сосватала дом – довольно крепкий и ладный. Когда мы слышали цену, то не поверили – две тысячи рублей!

Но – повезло, оказывается, не только нам. Главным везунчиком был дедуля – продавец! Продать брошенное жилье желали многие! В деревне было двадцать домов, из них половина пустые. Школы не было, фельдшерского пункта тоже. Изобиловала она яркими персонажами. Например, был там такой Коля БАМ. Его так прозвали, потому что раз четыре в жизни он твердо решал уехать на БАМ – заработать деньжищ. Собирали его всем миром – провизия на дорогу, одежда, деньги. Доезжал Коля лишь до Приволжска – а это аж двадцать пять километров! – ну, а там – дружки устраивали ему проводы. Напровожается Коля, деньги пропьет и – обратно в родную деревню! До БАМа, понятно, он ни разу не доехал, но

ключка осталась.

Жизнь в Меленках мы вели миссионерскую – привозили из Франции старушкам лекарства, лечили скотину, купили инвалидное кресло неходячей бабулечке. По весне дочка вывезла ее на улицу – и бабушка наша расплакалась! Семь лет не видела солнца, не слышала птиц, не смотрела на кусты и цветы.

За те четыре года, что мы прожили в Меленках, врача я там не видела ни разу – старики местные были прочно забыты.

Было и то, чем мы очень гордились. Мы много писали в Красный Крест – почему помогают городам, забыв про деревни? Там же живет не проще! И добились – Красный Крест помог Ивановской области – перечислил деньги, в два раза превышающие годовой бюджет.

Андре писал книгу и занимался с деревенскими ребятами французским. Я организовала кружки – рисования, лепки, вязания и вышивания. На Новый год мы запускали салют, фейерверки – дети видели это впервые! Ставили мы и спектакли, мастерили подарки родителям. Помогали мы деревенским, чем могли, и очень старались облегчить им жизнь. Нас приняли – и это было приятно! Мы здесь стали своими!

Была одна забавная история с камнем. Камень этот я обнаружила довольно далеко от пруда, который мы вырыли у нашего дома. Был он огромным, очень красивой формы. Как дотащить? Пришли как-то местные мужички поклянчить на водку.

– Не дам, – сказала я. – Хотите выпить – заработайте!

– Не допрем, – уверенно сказали мужики. – Ты что, барыня, заболела?

– Пятьдесят рублей, – отрезала я. – Думайте. Дело-то ваше!

Пятьдесят рублей – огромные деньги! Они быстренько посчитали – пять бутылок «родимой и беленькой». Соблазн не просто велик – огромен!

Итак, приступили. Назвала эту акцию я «камень дружбы».

Сначала мужичков было пятеро, потом семь, а вскоре двенадцать. Ходят вокруг глыбы и чешут затылок – вот лежат пятьдесят рубчиков, а взять-то никак! Подключились и те, кто непосредственно в акции не участвовал. Вспомнили и пирамиду Хеопса, и инков, и ацтеков, и прочих. Я удивилась этим познаниям – качественное советское образование вдруг всплыло в замутненных алкоголем мозгах. Возбуждились все чрезмерно. Тут я поняла, что это событие стало, скорее всего, самым грандиозным за последние десятилетия – мужики решили подзаработать!

Поняла я и другое – как общее дело может сподвигнуть на подвиги – именно так, наверное, в едином и страстном порыве, в возбужденной суете,

народ наш когда-то и совершил революцию.

В общем, камень стал потихоньку продвигаться к моему пруду. Ну, а через три дня он лег на бережок. Размер его я не оценила – видела ведь только верхушку айсберга. А выкопанным он оказался просто гигантским!

Оценив ситуацию, я, не подумав, попросила его чуть подвинуть. Сказав это, я пошла в дом за деньгами. Воодушевленный народ потерял рабочие руки и резво приступил к последнему акту – теперь уже явно, а не призрачно маячили денежки. Но ночью шел дождь, и берег пруда размыло. Я вышла на крылечко, зажав в руке деньги, как раз когда камень наш начал медленно, но верно сползать по скользкой глине в воду.

Трое самых отчаянных прыгнули в пруд и подставили хилые плечи. Но камень мой сполз, наплевав на отчаянные старания физкультурников-«силачей». Булькнул тоскливо и издевательски и ушел в пучину.

Повисла тишина. Народ хоронил пятьдесят рублей. Я протянула им деньги, испытывая гнетущее чувство неловкости.

Мужики почесали репу и, взяв гонорар, громко сглотнули вязкую от предвкушения слюну:

– Не беспокойся, барыня! Сволочь мы эту достанем!

Война с камнем шла еще три дня. Подключились уже и бабоньки, и дети, и старики. Андре бегал вокруг пруда и щелкал фотоаппаратом. В дело были пущены сети и шесты. Трое мужичков торчали в пруду, пятеро бурлаков крутились на берегу. Шесть раз камень срывался и ускользал. Но в конце концов человеческая воля одолела силу притяжения!

А за всем этим наблюдала я – растерянная женщина, затеявшая всю эту кутерьму и неожиданно сплотившая всех вокруг. Через год исполин наш прижился, оброс растениями и выглядел так, словно родился на берегу нашего пруда. А деревенские еще много лет вспоминали эту дурацкую эпопею и необычайное веселое единение, охватившее всю деревню.

Постепенно я сделала парк, разбила клумбы и сад, облагородила двор, и к нам стали приезжать гости со всего света – французские приятели мужа, московские и питерские друзья. Знакомые знакомых. Знакомые знакомых знакомых – сарафанное радио стало набирать обороты. Муж и жена, она – москвичка, он – парижанин, живут в глухой деревне и там сотворили свой рай – нечто такое, на что любопытно, интересно и познавательно поглядеть.

К тому же хозяйка прекрасно готовит! А какие она печет пирожки!

Местные называли меня «барыня». И это не наше понимание этого слова. Для нас это прежде всего лентяйка. А для них – красивая, ухоженная

и культурная женщина. Ну а Даниэль для них «бантик». То есть сын барыни. «Бантик» – это хорошенький, упитанный и воспитанный мальчик. Оба этих слова – большие комплименты. Сыночек мой ходил в школу через лес, километра за три. Зимой – на лыжах, один.

И вот раннее утро. Даниэль отправился к учительнице, Лидии Михайловне Любимовой. А в мое окно постучали. Выглянув, увидела троих заросших мужиков в тулупах и валенках.

– Барыня! – кричали они. – Мальчонку-то попридержи! Бантика своего! В школу его не пущай!

– А что случилось? – спрашиваю.

– Да попридержи, говорим, пока волков не отстрелим! Уже вышли, клыкастые! Попридержи!

Я бросилась из дома, едва успевая нацепить тулуп на ночную сорочку и влезть в валенки. Бежала по лесу и орала во все горло. Добежала до учительницы, ворвалась в избу – вижу, мой любимый бантик сидит за столом и пьет чай. А добрейшая Лидия Михайловна достает из печки горячие пироги.

Но – вот некоторые странности деревенской жизни меня потрясали.

Хочу купить в деревне яйца, обращаюсь к крестьянам и слышу отказ:

– Яиц, барыня, нет!

– Как нет? – не понимаю я. – Куры есть, а яиц нет?

– Не несут.

Мой опыт ведения сельского хозяйства уже был огромен. Помню французских наседок, красавиц, у каждой на лапке цветное колечко – возраст. Я знаю, что курица хорошо несет в первые пару лет – года два-три, но не больше. Потом больше ест, желудок у нее растягивается, яиц она несет все меньше и меньше, мясо ее становится жестким и жилистым, и потому их жизненный путь, увы, имеет определенный предел. Два-три года – и все. Понимаю – нет у нас знаний, нет культуры сельского хозяйства. Есть опыт, а всего остального нет! Мы по-прежнему изобретаем велосипед – вернее, пытаемся. Все помнят историю с кабачками и огурцами – где в советские времена мы видели маленькие кабачки? А крошечные огурчики? Кабачки выращивались до размера именно кабанов. А огурцы – до размера приличного кабачка. В больших кабачках была дубовая шкура, огромные семечки и рыхлое, невкусное «мясо».

Я поехала на птицефабрику в Шую, купила триста пятьдесят цыплят. Раздала всем по десятку, а себе оставила семьдесят пять.

Я помню, как растили цыплят у бабушки Оли на Кавказе, как растили цыплят французские фермеры. Все очень просто – в теплом курятнике

делается дверца, чтобы куры могли выходить на свободу. С другой стороны сооружается пространство – ячеечное, сетчатое – для прогулки цыплят. Почему сетка мелкая и ячеистая? Да для того, чтобы цыпленок не мог в ней застрять. Ведь он прыгает за мухами и комарами! Но этого мало – сверху, над курятником, вешается рыболовная сеть покрупнее, чтобы птицы – галки, сороки, коршуны – не могли утащить молодняк. Вокруг, по периметру загона, вырывается ров с арматурой – от ласок, крыс и лис. В курятнике вешаются автоматические кормушки и поилки, и туда можно не заходить по нескольку дней – то есть не нужно вставать в пять утра и кормить птицу!

Через пару недель собираю народ.

– Ой, да почти ничего не осталось! – гомонят они. – То лиса задушила, то крыса стащила, то коршун унес.

И я повела их на экскурсию – мои семьдесят пять штук пушистых и желтоклювых здоровы и живы!

Я попала в авторитеты – московская барынька, а вон как дело-то повернулось! Ко мне стали прислушиваться.

В Меленках жили не только бездельники и алкаши, был и другой народ. На нашем жизненном пути возникли потрясающие работающие люди: Валерий Иванович и Мария Александровна Пуховы, Маша и Николай Лебедевы, Вера и Володя Таранниковы.

Володя работал в совхозе трактористом. Расплачивались с ним зерном, долги по зарплате были огромные. Однажды мы у него спросили:

– Володя, а что ты работаешь? Ведь денег за это не платят.

– Лен, а землю жалко! – ответил он. – В чем она виновата?

Мы были поражены – человек работал не за деньги, а потому, что понимает – землю нельзя оставлять в запустении.

Все эти люди обладали огромным, почти аристократическим достоинством и гордостью. Однажды они помогали нам строить баню. Алкоголя – ни капли: ни до ни после. Когда я вынесла деньги – чуть больше, чем мы условились, они отказались:

– Больно много, барыня! Ну тогда мы тебе и забор поправим.

Особенно мы сблизились с Машей Таранниковой, дочкой Володи. Однажды спросили про дальнейшие планы. Машенька очень хотела заниматься немецким языком, стать переводчиком. Но в деревне это было недоступно. Мы задумались, как помочь этой чудесной девочке? Тогда мы уже жили в Иваново. Взяли Машеньку к себе, наняли педагога, и девочка наша поступила на романо-германскую филологию. В университете Маша

Таранникова стала настоящей звездой, ее настойчиво приглашали в аспирантуру, но Машенька осуществила свою мечту – вскоре она стала прекрасным переводчиком, истинной аристократкой Поволжья. С ней мы прожили семь счастливых лет. А потом девочка наша укатила на стажировку в Германию. Сейчас Машенька живет в столице, работает в крупнейшей немецкой фирме и, по-моему, счастлива. Мы по-прежнему дружим.

Еще одно ценнейшее знакомство – бабушка и дедушка нашей Маши Таранниковой – Валерий Иванович и Римма Александровна Суровы. В семье Суровых бутафории нет – там настоящий деревенский русский дом, с деревянными полами, чудесной печкой, корзинами яблок, кринками молока, банками меда. С вишневой наливочкой, пышным омлетом, большими пирогами. В углу, под вышитым полотенцем, висит старая икона. Вкусно пахнет деревом, стоит медовый и хлебный дух. Валерий Иванович играет на гармонии, и они с женой поют на два голоса, да как поют!

Наш народ всегда пел – даже в самые тяжелые времена, в лихую годину. Может быть, оно и спасало, единение наше?

Конечно же, все деревенские тоже пели! Ну и я вместе с ними – песни-то эти знакомы нам с детства.

«Вот кто-то с горочки спустился», «Ой, цветет калина», «Мороз-мороз», «На побывку едет молодой моряк».

Андре всегда удивлялся: сено не убрано, картошка не окучена, в огороде лебеда – ничего у них нет, а песни поют! А у нас во Франции – есть все, а не поют – вот загадка!

– С чего они веселятся? – недоумевал он.

– Нет, не веселятся, – объясняла я. – Они так выживают. А иначе – совсем труба.

Кажется, он так и не понял.

Царственная они пара, Валерий Иванович и Римма Александровна! К ним в дом мы привозили гостей из французского дипломатического корпуса, многих чудесных наших друзей.

А потом часто слышали – если Россия такая, то я тоже хочу быть русским!

Поразительно, насколько глубоко эти простые деревенские люди умеют остро все чувствовать! Им интересны рассказы иностранных гостей, они задают живые вопросы, любят общаться. Ведь они нигде и никогда не

были, никуда не выезжали.

Однажды мы привезли к Суровым фотохудожника, работавшего над проектом «Россия из окна поезда». Вместе с ним приехала съемочная группа, в которой был англичанин. Римма Александровна, приглядевшись к английскому гостю, поинтересовалась, не лорд ли он. Остальные гости засмеялись, услышав это предположение, а англичанин подтвердил: да, лорд. Род его ведет свою историю с XV века, от войны Белой и Алой розы. А прадед его трижды был премьер-министром Великобритании.

Выходит, только Римма Александровна лорда увидела и распознала. Вот чудеса.

В Меленках я познакомилась с Наташей. Сначала я относилась к ней с жалостью, что ли, и с небольшим недоверием – живет такая странная женщина, очень неухоженная, потерянная. Живет с мужем-тираном, двое ее пацанов мотаются, как сорная трава-ковыль на ветру. Работает эта тетка на ферме – а что, больше ничего другого делать не может? В доме ее бедность, скорее даже нищета – глазам больно смотреть.

Ну а потом я узнала то, что потрясло меня и восхитило.

Наташа оказалась беженкой из Ташкента. Сбежала она от изверга-мужа, прихватив двух своих мальчишек, Мишку и Ромку. Постаралась скрыться далеко, чтобы тот не нашел. Но он вскоре нашел, нарисовался, объявил, что будет жить с законной женой и сыновьями. Не работал, бил Наташу смертным боем, издевался над мальчиками. А Наташа терпела, как терпели сотни тысяч русских женщин. Для чего, почему? А все просто – боялась.

Однажды я увидела в окно – маленький Мишка, тощий, бледный и несчастный пацан, тащит огромное дерево. Одет он был в нищенские лохмотья.

Вышла во двор и окликнула:

– Миша! Зачем тебе дерево?

– Отец дров не запас, мы замерзаем. Вот распилим дерево и будем печку топить.

Я опустила глаза и увидела Мишины ноги в развалившихся башмаках, подвязанных веревками и обернутых целлофановыми пакетами от влаги. То есть мальчик ходил в чудовищные морозы босиком!

Я позвала его в дом, напоила горячим чаем и дала бутерброд. Увидела, что бутерброд он спрятал в карман.

– Кому? – спросила я.

– Брату.

Так мы познакомились с этой семьей. Наташа терпела нечеловеческие страдания – на этой земле держали ее только дети.

Муж измывался – бил беспробудно и бил ее и детей. Дети голодали, собирали грибы и ягоды и продавали их у дороги. А изверг-отец отбирал эти крохи на водку.

Наташа работала на ферме – городская женщина, не знающая, как приблизиться к корове. Ферма им выдала дом, совершенно непригодный к жилью – щелястый, дырявый, прогнивший, холодный. Находиться в нем было невыносимо. Питалась Наташина семья диким щавелем, почками деревьев, грибами, ягодами в сезон и яйцами чаек.

Сердце мое сжималось от боли при виде Наташиных страданий. А она ни на что не жаловалась, несла свой крест и – молчала. И даже иногда улыбалась.

Мы быстро поняли: Наташа – замечательный, добрый человек, попавший в чудовищную, невыносимую ситуацию.

А деревенские относились к ним по-разному. Во-первых – пришлые! А во-вторых, при всем понимании ситуации, отношение к нищим было высокомерным. Мне казалось, что все это странно! Ведь и сами жители деревни терпели нужду.

Помню, как одна женщина, прекрасная и душевная, потерявшая внука в Афганской войне, бросила мне:

– Что ж ты в баню их с собой берешь? Со своим мальчонкой? Не боишься чего подхватить? Вшивых-то не упаришь!

А Наташин муж, поняв, что у нее появились защитники, стал раздражаться. С нами тягаться ему будет тяжело – это он понимал. К тому же в нашем доме Наташа с детьми могла спрятаться от жестоких побоев. Однажды, когда Наташа и мальчишки прибежали к нам, я услышала стук в дверь и страшный, хриплый крик:

– Верни мне моих детей!

В ярости я выскочила на крыльцо.

– Твоих детей? – закричала я. – А ты хоть знаешь, в каком они классе? Какой размер обуви у твоего сына? Как зовут его учительницу? Ну-ка, назови мне даты их рождений!

В ответ – тишина.

– Еще раз, – закричала я, – еще раз их тронешь – и сядешь! А скорее всего утонешь в пруду! И все подтвердят, что по пьяни!

Это возымело действие – семью он больше не трогал. Но мне не терпелось избавиться от него совсем, навсегда. Иначе ни Наташа, ни мальчишки никогда не избавятся от кошмаров и страха. У Миши, кстати, на

тот момент было три сотрясения мозга – спасибо родимому папе!

Я купила Наташиному муженьку билет, чтобы он уехал обратно в Ташкент. Билет пришлось покупать несколько раз – деньги он пропивал. Но, слава богу, однажды уехал. Мы оплатили Наташе развод, и у нее и у детей началась новая жизнь.

Мы начали строить планы, как учить мальчишек, оплатили курсы в автотранспортный колледж Мише. Но тут вернулся уже бывший, по счастью, муж. Наташа, пожив нормальной, человеческой жизнью, его не приняла. Пил он неделю, поил всю деревню, спалил три дома и, слава богу, уехал. Дальше про него – чести много, но главное, что его больше не стало в Наташиной жизни. Вскоре он погиб под колесами поезда. Собаке – собачья смерть.

Хотя пословица эта не совсем справедлива – собаки подчас куда добрее и человечнее людей.

Потом мы купили Наташе и мальчишкам дом в Широково – нам казалось, что ей хочется своего жилья. Но и она, и дети все так же часто бывали у нас.

Однажды она спросила:

– Я тебе надоела?

– Господи, какая чушь, – возмутилась я.

В нашем доме, в нашей семье Наташа нашла поддержку, тепло и понимание. И еще – познакомилась с артистами, художниками, врачами, предпринимателями – людьми необыкновенно открытыми, талантливыми, добрыми. Людьми с другой планеты, с другим сознанием и воспитанием.

И однажды я предложила Наташе жить вместе с нами.

Прошло двенадцать лет. Мы по-прежнему вместе. И надеюсь, что об этом не пожалела не только я! Наташа стала мне сестрой, подругой. Матерью, ребенком. Правой и левой рукой. Моим ангелом-хранителем.

Мы все делаем вместе – растим детей (а теперь уже и внуков), создаем атмосферу нашего гостевого дома, принимаем гостей, придумываем новшества.

Я отвечаю за творческую составляющую, а Наташа – за хозяйственную. Она знает, как сэкономить, и, в отличие от меня, известной транжиры, строго следит за бюджетом.

Все у нас вместе, вся жизнь. И моя Наташа – огромный подарок, посланный богом. Ведь великое счастье доверять человеку – во всем. Без тени сомнений, без мгновенья недоверия. Порядочность ее, точность и четкость – качества непревзойденные, я очень их ценю.

Спасибо ей.

Приемные дети

Жизнь наша в Меленках была прекрасной, но очень трудной, и потом, мы понимали, что детям надо давать образование. Стали думать, куда переехать – в Ярославль, Кострому, Иваново. Понимали: мы так привязались к этим местам, что где-то поблизости и останемся.

С удивлением узнали, что Иваново когда-то претендовал на звание столицы. Здесь всегда были хорошие школы, институты, училища. И мы переехали туда. Взяли с собой и Наташу – на тот момент уже члена нашей семьи.

Дети ходили в школу, мы все жили в одной квартире. Впрочем, нам не привыкать. Мы все время жили и живем большой семьей, у нас все время появляются новые знакомые – наши и детей. Мы любим людей, они нам не мешают и всегда интересны!

Дети, мой младший, Даниэль, и Наташины, Рома и Миша, учились. С соседями нам повезло – в нашем доме жили преподаватели, научная интеллигенция. Мы быстро со всеми нашли общий язык. И вот – накануне Нового года у меня возникли проблемы – нужно было срочно, без промедления лечь на операцию. Но как же все мои домочадцы? Как оставить их в этот праздник? А тут позвонили из детского дома и пригласили всю нашу семью на праздник. Значит, судьба, подумала я и отложила операцию.

Мы поехали в детский дом. Мне, признаться, было совсем не до веселья, мужу тоже. Но обмануть ожидание воспитанников мы не могли. Конечно, закупили подарки, в том числе замечательного игрушечного деда-мороза – улыбчатого и лукавого.

На празднике я обратила внимание на мальчика, исполняющего роль Деда. Мальчик так худ, что красный халат висит на нем, как на вешалке. На лице, «украшенном» бородой и усами, были видны только глаза. И я поняла, что того игрушечного и лукавого деда я отдам только ему. На чаепитии у заведующей я спросила про этого мальчика. Мой вопрос прозвучал слишком громко – я не обратила внимания на то, что меня слышат дети. И тут же пошел шепот: «Французы хотят взять нашего Женьку!»

Вечером дома я то и дело возвращалась к событиям минувшего дня и никак не могла успокоиться – Женины огромные глаза стоят передо мной.

Какой Новый год, какая операция? Что делать? Что мне делать с этими мыслями? У нас еще ничего нет – квартира и та съемная, да и живет в ней огромное количество людей. Денег нам не хватает, впереди – операция и восстановительный период.

Но мысли о мальчике не отпускали меня, тревожили и мучили. Я металась как загнанный зверь.

На операционном столе, борясь с дурманом наркоза, я поняла, как сильно хочу жить!

Некуда поселить ребенка? Не хватит на жизнь? Будет шумно и тесно? Какая все это чушь, ерунда! Ерунда по сравнению с тем, что ты – жив!

И последняя мысль перед «провалом»: «Если выживу, то возьму этого мальчика!»

После операции Андре пришел ко мне в больницу, и я осторожно поделилась с ним своими мыслями. И знаете, что услышала в ответ?

– Лена! О чем ты? Да мы возьмем всех мальчиков и девочек, всех Дедов Морозов, только ты поправляйся скорее и возвращайся домой!

Сначала мы оформили патронат и стали забирать Женю на выходные.

И тут начались наши открытия – детдомовские дети совершенно не знают жизни! Яйца он знал только «твердые» – вареные. А что бывают еще и «жидкие», сырые, – нет. Поэтому Женя однажды решил пожонглировать свежими яйцами – разумеется, все перебил.

Еще наш Женя пришел в восторг от салата оливье – в тринадцать лет он попробовал его впервые. Дети в детском доме не представляют реалий – не знают, как сварить суп, купить продукты, распорядиться деньгами. Только семья постепенно вводит ребенка в жизнь, где все не так просто.

И Женя вошел в нашу семью. Потом были Ксюша, Гриша – все «раненные», с искалеченной психикой, странные и нелюдимые. Ксюша, например, потеряла глухонемых родителей в автокатастрофе. Остался один старший брат, но он сидел в тюрьме. Девочка была затравленным зверьком – никак не шла на контакт. Наголо обритая, она сидела в углу и не смотрела на нас.

Оттаивая, Ксюша начала рассказывать чудовищные истории – как брат издевался над ней, а глухонемая мама не могла услышать из соседней комнаты ее крики о помощи. Тогда Ксюша начинала топтать ногами, чтобы мать услышала хотя бы вибрацию пола. Потом родители погибли, ее сдали в детский дом. Речь свою Ксюша пересыпала матом. Меня поражала ее жадность к еде, неопрятность, нежелание учиться, причесываться, одеваться. Бились мы долго. Ксюша никак не хотела нас слышать, внимать, поддаваться. Но – получилось! Ксю наша расцвела, и не было человека, кто

бы ее не любил! Выросла прелестная девушка – наша принцесса Ксю-Ксю.

Потом мы узнали о Грише. Мать его была больна шизофренией, с работы ее уволили, а вот инвалидность не дали. На что они жили? Гришка был вечно голодный и перепуганный – не знал, чего ждать от больной и несчастной матери. Ночевал где придется – в старых заброшенных машинах, в лесу, в стогу сена и просто в подъездах.

Его стали оформлять в детский дом, но он твердил, что оттуда он убежит.

– Возьмите меня к себе! – просил он.

Сердце болело. Но нам просто некуда было его взять! Мы уже жили в Плесе и спали почти вповалку – дом небольшой, а нас очень много.

Гриша заходил к нам, чтобы взять книги – читать он обожал.

И вот однажды вижу, идет наш Гриша, мокрый-премокрый.

– Откуда?

– Да мы ходили через лес, за Волгу, в музей Шаляпина, – хлюпает носом замерзший пацан.

– Гриша! А музей-то закрыт!

– Ну и что? – отвечает он. – А мы в окошки глазели! Там, тетя Лен, красота! – И начинает рассказывать мне про музей. А потом говорит, спокойненько так: – А из детдома я все равно убегу! Жить там не буду.

И я поняла, что нам надо брать этого мальчика.

Мать его была жива, и он очень хотел с ней общаться. Будучи еще в детдоме, до того, как я его забрала, он отпрашивался на Новый год домой. Мать его не пустила. Сказала: «Не время еще. Не до тебя». Гриша признался мне, что это был самый страшный день в его жизни.

Зато эта мамаша не забывала регулярно приходить ко мне за деньгами.

С Гришей я намучилась. Много хлопот нам принес этот парень – грубость, даже хамство, бесконечные провокации. Потом Гриша попросил у меня прощения.

Настя и Ксюша-маленькая, сестры из деревни, из семьи хронических алкоголиков. Девчонки пережили два кошмара: первый – когда впервые попали из семьи родителей-алкоголиков в детский дом, а второй – когда их снова вернули туда из первой приемной семьи. Помню, как Ксюша бросилась ко мне:

– Мама, мама! Ты что, не узнаешь меня?

И что я могла с этим поделать? Взяли обеих сестер – как их разлучить?

Вначале было чудовищно трудно – девочки не усваивали ничего – ни математики, ни стихов. Книжки не слушали, сколько бы им ни читали. Не могли сосредоточиться, были плаксивые, нервные.

Сейчас девочки мои лучшие в точных науках, прекрасно пишут сочинения.

Всего у нас было тринадцать детей, включая детей адаптированных. Усыновленные всегда жили с нами и жили постоянно, адаптированные детки по-разному – кто год, кто три, кто пять, а кто семь. Надеюсь, что даже эти недолгие годы, проведенные в нашем доме, дали им многое. Судьба у всех сложилась неплохо – все они учатся, работают, имеют семью.

Женечка наш закончил медуниверситет, стал дипломированным хирургом. Гриша живет в Москве, учится в университете. Ксю-Ксю живет в Салехарде и собирается замуж.

Ни с кем из моих детей я связи не прерываю, стараюсь быть в курсе проблем и пытаюсь помочь, если надо.

А мои маленькие Ксюня и Настюша пока, слава богу, со мной. Учатся музыке, танцам, английскому, хорошо успевают в школе. Любят ездить на море и на экскурсии. И, разумеется, они видят такое количество талантливых и значимых людей у нас в доме, что вряд ли в дальнейшем им захочется пить или гулять, словом, жить, как жили их семьи.

Считается, что все хорошее делаешь в первую очередь для себя. С моими приемными детками и я сама стала лучше – добрее, благороднее, терпимее. И все-таки делала это я в первую очередь для них. Нельзя всех полюбить и всех обогреть. Нельзя всех осчастливить. Но если можешь хотя бы одного – сделай это. И если получится, счастьем твоим не будет предела – знаю это по себе, по собственной жизни.

И еще – после посещения нашего дома среди наших друзей и знакомых появились семьи, где растут приемные детки.

Надо ли отдавать наших детей за границу? – вопрос, который то и дело обсуждают сейчас. Да, конечно же, надо! Полная глупость считать, что зарубежные усыновители – звери и деспоты. Уродов хватает везде, вы мне поверьте! Я утверждаю это – я, мама с огромным опытом воспитания приемных детей!

Нам надо беречь слезы своих детей, чтобы им было что пролить на наших могилах.

Плес

Как мы попали в наш благословенный Плес?

Мы живем в Иваново, но снова хотим в деревню!

И тут мой Друг посоветовал Плес. Но не для постоянного жительства – выезжать туда, как на дачу.

Надо сказать, что не все мои эксперименты Друг принимал. Он вообще человек города – лес, комары и прочие «прелести» загородной жизни его раздражают, а мои решительные действия часто просто пугают. В который раз он говорит мне, что я – та жизнь, которую он не знает. И в который раз удивляется мне, отчаянной авантюристке.

Очень важно, что и Андре попал под обаяние России. Он ее искренне любит и почти к ней привык, так что не имеет ничего против переезда в Плес. Городок нам нравился давно, к тому же по сравнению с Меленками – это центр цивилизации.

Мы купили там дом, но он мне не очень нравился.

Один мой знакомый посетовал:

– Ох, что же вы купили? – И предложил: – Вот пойдемте, я покажу вам дом!

Мы пошли, я увидела – это то, что мне надо, и тот, уже купленный, я категорически не хочу. Что делать? Нам объяснили, что купить этот дом мечты невероятно сложно – в нем лет двадцать никто не живет, наследники разбросаны по всему свету, деньги им особенно не нужны, люди они пожилые и обеспеченные. Да и какие там деньги? Дом полуразрушен, зимой в нем ночуют бомжи. Был даже небольшой пожар. И документы не очень в порядке. Словом, никто из наследников заниматься этим не будет.

Я стояла на обрыве, на нашей Панкратке (горе святого Панкратия), и перед моими глазами открывалась вся панорама Заречья: Волга, возвышенности, косогоры, вид на Соборную гору, лес на холмах и крошечные домики Нижнего Плеса, и понимала: меня уже ничто не остановит!

Но как объяснить все мужу – дом-то мы уже купили. И что теперь – бросить его и начать все сначала? Мужчины тяжело привыкают к мыслям о новых покупках. К тому же я понимала, сколько нам предстоит труда, если все сложится.

Однако спать спокойно я уже не могла. Я потеряла покой и фантазировала, фантазировала до самого утра. Меня захватила идея

покупки этого дома, я уже видела, что смогу сделать на этом месте.

Мысленно я рассказывала под окнами дома цветы, кусты и плодовые деревья, украшала участок, вешала кормушки для птиц. Я видела абсолютно реальную картину уже готового дома и готового сада! Пространственное мышление, так это, кажется, называется?

И я занялась покупкой этого дома, словно от этого зависела вся моя жизнь. И конечно же, совсем тогда не понимала, что на самом деле зависела.

Наследники оказались действительно людьми пожилыми, и заниматься продажей им было не очень охота. Когда же удалось их уговорить, они назвали такую цену, что я растерялась. Такой дом в Плесе стоит в десять раз меньше.

Деньги у нас были, но в этот момент позвонил Дима, мой старший сын, и попросил в долг. Деньги я, разумеется, дала. Два года мы занимались бумагами, сталкиваясь с кучей сложностей. Чтобы их преодолеть, нужны были деньги, я за все платила, но дом-то пока чужой, не мой, так что риски огромные.

Наконец, все вроде улажено, и наследники вот-вот должны приехать на сделку. Через пару дней все должно свершиться – и дом, моя мечта и уже любовь, будет моим!

И тут звонит Дима – отдать долг не получается. Как же так? Но это мой ребенок, и я его не осуждаю.

Но мне деньги взять категорически негде, и я понимаю, что все рушится: мои планы, мечты и фантазии. Что остается? Смириться. Я плачу и молюсь.

А за два дня до сделки раздается телефонный звонок. Незнакомый женский голос кричит:

– Леночка, это вы?

Я не узнаю эту женщину и переспрашиваю:

– Кто-кто? Оля? Простите, какая?

И тут до меня доходит. Оля и Вадим, наши парижские приятели. Несколько лет назад у них случилась большая беда – тяжело заболел сын-подросток. А следом, как часто бывает, у Вадима случились еще и финансовые неприятности, причем тоже приличные, крупные. Образовались огромные, неподъемные долги. Положение семьи было катастрофическим. Конечно, мы дали им денег и на возвращение долга не рассчитывали ни одной минуты. Вскоре мы уехали в Москву, потом в Меленки, дальше в Иваново и в Плес. Следы наши были потеряны. А у ребят, слава богу, все поправилось – сына вытащили, Вадим устроился на

работу. Они и стали нас искать, чтобы вернуть давний долг. Искали долго, подняли всех московских и парижских знакомых, моих подруг. И наконец нашли. Оля звонила, чтобы поскорее отдать мои деньги.

И там ровно столько, сколько мне не хватало на дом! За два дня до сделки! Не мистика разве?

– Олечка, так не бывает! – Я готова была расплакаться. – Если бы вы знали, как это вовремя!

– Что вы, Лена! Вы благодарите меня? Да это вы нас выручили! Кто в Париже дает деньги в долг?

Дом, счастье пришло

Первого мая мы получили ключи и вошли в наш дом – до этого мы туда не входили. По правде говоря, думали, что он внутри разрушен и непригоден для жилья. Мы купали место.

Но оказалось, что внутри он еще крепкий и очень уютный. Меня не покидало странное чувство, что он ждал именно нас. Я гладила стены, чувствуя тепло старого дерева, разговаривала с ним, шепотом рассказывала, как я его хотела, как долго ждала и сразу полюбила. Я общалась с ним доверительно, интимно – как с близким и дорогим человеком. С этим домом, с этими стенами, у меня моментально возникла какая-то мистическая, духовная связь. Я видела на стенах крюки от икон, старую мебель, сундуки, и мне казалось, что в этом доме жили мои родные и близкие люди.

Когда-то дом принадлежал двум поколениям священников. Первый хозяин эмигрировал в Париж, продав в 1928 году дом другому священнику, настоятелю храма в деревне Коробово, священнику Александру Дьячкову, который позже стал настоятелем храма в Плесе. Это была большая, культурная семья, где все дети получили образование – кто в Костроме, кто в Ярославле. Я вчитывалась, вглядывалась в фотографии и документы, осторожно листала их и – не могла оторваться.

Мы дружно запарили еловые веники, распахнули окна, принялись драить полы, сметать со стен паутину. Дом начал дышать. Уф, вроде чисто, но надо было чем-то прикрыть окна – забора у нас еще не было.

Я принялась искать шторы или старые простыни, или просто тряпки – на время, на пару дней. В одном из сундуков обнаружила белые шторы с шитьем ришелье – ветхие, дырявые, трухлявые, ткань просто распадалась в руках.

– Господи! – шептала я. – Ну неужели ни одной целой?

И в этот момент на дне сундука обнаружила абсолютно целые шторы, с густым кружевом, почти новые, как будто ждали меня! Ничего не понимаю – снова подарок? Их ровно столько, чтобы прикрыть фронтальные окна – ровно семь штук! К слову, до сих пор эти занавески висят на моих окнах. Лучшего я не нашла. И если честно – и не искала!

Но чтобы повесить шторы, нужны гвозди.

Стоя в центре комнаты, я вслух сказала:

– Господи! Где мне найти английскую булавку, чтобы скрепить мои шторы? Где же мне взять ее в чужом доме?

И в этот момент я опускаю глаза и вижу: на абсолютно чистом, выметенном и вымытом полу лежит английская булавка!

Я даже отпрыгнула от неожиданности. Подняла ее и принялась с недоумением разглядывать. Потом поблагодарила:

– Спасибо, господи!

Но в душу закралась тревога. Мистика какая-то. Что, кто-то слышит меня? Может быть, булавка просто выпала вместе с тканью из сундука? Случайность, не более!

К вечеру забежала соседка, и я рассказала ей историю про булавку. Та беспечно махнула рукой:

– Да подумаешь! Какая фантастика? Ты о чем? Обычное дело! Дом тебе помогает! Он принял тебя – вот и все! Делов-то с копейку! – Она засмеялась и у порога вдруг обернулась: – Да, Лен! Ты рюмочку-то на печку поставь! Да не пустую! Это же твой домовый шалит!

Мы переглянулись с домочадцами: «Ага, домовый! Понятно. Все здесь ку-ку. И я, кажется, тоже».

Но рюмочку с наливкой вишневой поставила! И хлебца положила. Кусочек. И делаю это, кстати, до сей поры – кажется, я поверила той соседке.

И вот – наша первая ночь в новом доме. Устали ужасно, а уснуть все равно не удастся – большое волнение. Наконец меня сморила усталость. В три тридцать утра я проснулась. Комната моя наполнялась каким-то загадочным сиянием, сладким и нежным предвкушением солнечного утра. За окном разливалась предутренняя заря. Я наблюдала за всем, затаив дыхание. Свежие, умытые, цвета спелого меда бревна, белоснежные изразцы старинной печки. Встала на теплый пол, распахнула окно, и в комнату ворвались запахи сада и пение птиц. Горло перехватило от счастья – это мой дом и это мой сад. И я могу смотреть на все это волшебство ежедневно и ежечасно! Меня охватило огромное счастье.

Я смотрела на Волгу – глубокого розового, предрассветного цвета. Из фиолетовой дымки формировался и возникал новый день. Туман загадочно окутывал наш обрыв, и мне показалось, будто дом наш плывет в облаках.

У меня потекли слезы – от восторга и трепета, и я побежала скорее будить своих – так мне хотелось поделиться такой красотой.

Дети и муж вышли на улицу и замерли от восторга.

Так и стояли мы, потрясенные и растерянные. И еще – очень счастливые!

Отмыли и украсили дом – надо жить, и жить с радостью – потому что я к ней готова.

К тому времени у нас уже жили первые приемные дети. Муж относился к этому терпимо. Я убеждала его, что он – большой молодец, пошел на такое! Он и сам был горд собой. Местные газеты пестрели заголовками: «Французский журналист усыновляет русских детей!»

Люди относились к нему с уважением, и ему это было очень приятно. Я никогда не перетягивала одеяло на себя – ему так проще, значит – так и будет. Главное, что мы спасаем детей!

Семь лет мы жили без газа – топили печку, заготавливали дрова. Но дом оказался теплым, и печка не подводила – щедро отдавая свой жар и тепло. Строили-то на века, много поколений вперед – для детей, внуков, правнуков. Такой дом был наследным.

И еще одна мистическая история – сон.

Моя любимая бабушка Клавдия была человеком неверующим. Хотя ее крестили по рождению, но в храм не ходила. Все объяснимо – бабуля жила в такое время, когда вера преследовалась. Но и воинствующей атеисткой она не была.

Вторая моя бабушка, казачка Ольга, человек религиозный и строгий, даже суровый, все время молилась.

Бабушка Клава пела, привила мне любовь к музыке и танцам, учила накрывать на стол, причесываться, одеваться – быть женщиной и нравиться окружающим.

Каникулы в станице у бабушки Оли – это тяжелый физический труд, ведра воды из ручья, еда поросенку, корм курам, змею не бояться, а забить тяпкой. Жизнь в станице была тяжела, и сама бабушка Оля была непростой – с ней было трудно, ехать в станицу мне не очень хотелось – я понимала, что меня ждет.

Жизнь в доме у бабушки Клавы – вот где был праздник! Шумные дни рождения, красивые наряды, духи и помада. Всегда весело, всегда ярко, красиво и вкусно. Меня мучило это с детства – есть Бог или нет? Почему моя бабушка Оля с ним разговаривает, а любимая бабушка Клава – нет?

Каждый вечер перед сном я говорила Богу: «Если ты есть, покажись! Докажи мне, что ты все-таки есть».

Что с моей мамой? Почему в детстве, когда она была мне так нужна, она со мной не жила? Почему ни разу меня не приласкала?

У меня много вопросов: а почему так много религий? Раз Бог один, значит, и религия должна быть одна, и все будут счастливы! Вот где логика, где? Какие-то сказки – Адам, Ева, райский сад и все прочее. Какая глупость – ад и рай. Разве нельзя было придумать что-нибудь посерьезнее? И эти вопросы мучили меня многие годы. И чем старше я становилась, тем строже я задавала Богу свои вопросы, но снова не получала ответ.

Перед отъездом в Париж моя подруга Тома отвезла меня в Лавру. Я была на восьмом месяце беременности, но поехала за благословением на отъезд. В Лавре меня испугала толпа. Я ожидала интимности, а тут – несметное количество людей.

В последний раз я там была в детстве с бабушкой Клавой – мы пришли как в музей. Так я и воспринимала тогда храмы, ведь все мы были советские-пресоветские!

На исповедь в Лавре была очередь. Я подошла к священнику, а он, посмотрев на меня строго и хмуро, задал вопрос, когда я в последний раз причащалась. Я растерялась и пролепетала, что в далеком детстве. Он громко, в голос отругал меня, и я, роняя слезы, бросилась на улицу.

Ревела как белуха – и во дворе Лавры, и потом в поезде. Я пришла с таким трепетом, с такой надеждой, с доверием. А меня за порог и с позором?

Это, наверное, у меня отпечаталось в сознании очень надолго. Потом был благословенный Покровский монастырь в Бюси-о-Нот, где меня поддерживали прекрасные женщины, матушка Ольга и матушка Елизавета, игуменья Ольга, научили разговаривать с Богом – ну, как умею! Как делала это моя бабушка Оля. Учили просить милости у девы Марии – защитницы матерей.

– А если я не умею молиться? – осторожно спрашивала я у них.

– Говори с ним своими словами, как ты умеешь. Он все равно услышит тебя и поймет!! Они-то наши защитники! – отвечала мне игуменья Ольга.

Я задумалась. И вдруг в мою голову пришла мысль:

– Блажен, кто верует!

«Какие они счастливые, – подумала я. – Им куда легче, чем всем остальным, – они верят! А я – изгой!»

Два моих самых любимых героя – Альберт Эйнштейн и Дмитрий Лихачев. Сколько я прочитала про них, как много размышляла над их биографиями, судьбами, перипетиями жизни. Узнала из книг, что людьми

они были верующими. Разумеется, Эйнштейн – иудей, а Лихачев – православный.

«И что же, – подумала я. – Я не могу уверовать? Два эти гения верят, а я не могу? Что не пускает меня? Да и кто я такая, чтобы подвергнуть сомнению существование Господа? Великие люди, которые знали и понимали больше, чем я, – не сомневались!»

Получается так. Если я не могу поверить в Бога, то должна поверить им – моим кумирам, моим героям!

И я постепенно, по капельке, крошечными шажками начала приходить к Богу.

И тут случилось вот что.

Я увидела сон, о котором позже, спустя много лет, рассказала владыке Иосифу, митрополиту Иваново-Вознесенскому и Вичугскому. Мы говорили с ним долго, подробно. А после владыка сказал, что мечтал бы о таком божьем подарке.

Я развела руками. А что я могла еще сказать? Что ответить? За что именно мне такая выпала честь, не знаю.

Просто – спасибо и все – за прозрение! Доверие. Счастье.

Этот сон перевернул всю мою жизнь. Рассказать его невозможно, приоткрою лишь краешек.

Я вижу огромный зал. Его заливает свет – густой, молочно-белый. Колонны, уходящие в небеса-купола. Потолка, крыши нет, уходят колонны далеко ввысь, в бесконечность.

Там, наверху, в этой бесконечной и неохватной выси, есть только очень прозрачный, голубой и яркий свет. Все очень реалистично и явно – я четко не разделяю, это сон или явь? Но знаю, что это – истина, правда. Словно на погруженной в проявитель пленке, эти ощущения появляются не сразу, осторожно, постепенно и ненавязчиво. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что это был не сон – это был разговор.

Всю жизнь я, как капризный ребенок, буквально требовала подтверждения – простите за дерзость. И я его получила – с лихвой.

Огромные колонны задают масштаб – люди маленькие, но не незначительные, не муравьи, не насекомые, нет – просто мельче того, что их окружает. Словно гулливеры в стране великанов. У меня нет чувства унижения, уничижения, а есть четкое, вполне осознанное ощущение и понимание храма. Его величия.

Я узнаю каких-то людей – мне кажется, старых знакомых. Мы здороваемся одними глазами, не кивая друг другу, и я остро ощущаю

успокоение, благодать. Ведь я так долго требовала, так долго ждала – и вот...

Еще я четко понимаю, что сейчас меня позовут. Подойдет моя очередь, и я наконец смогу получить истинный ответ.

Нетерпения, тревоги, суеты, страха нет. Все просто ждут, терпеливо, с достоинством. Мы все там оказались не просто так, мы выполняем миссию. Какую – не знаю, но чувствую и понимаю, как это важно.

И я начинаю повторять про себя вопросы, которые я должна задать Ему. Главные вопросы, волнующие меня много лет. Только бы не забыть!

Почему-то я понимаю, что должна идти, хотя меня никто не позвал. Я отрываюсь от колонны и – иду!

У гениального художника Эрика Булатова есть картина: на черном фоне дверь – свет проникает только из узкой щели, из-под двери. Что это? Узенький выход наружу, туда, где надежда? Когда я рассказывала свой сон Эрику, он, услышав про мою дверь, заплакал.

Дверь в никуда? Или дверь в истинный мир, дверь в познание?

Меня ничего не будоражит и не пугает – я знаю, что там хорошо. Предчувствую, что за дверью свет еще ярче, еще пронзительней. Откуда оно?

Дверь открывается, и мне надо сделать первый шаг. Но это не твердь, не земля, не настил, а какое-то синее, прозрачное и при этом густое и плотное звездное пространство – воздух, космос, небо? Не понимаю, но не боюсь. Я делаю это абсолютно бесстрашно – этот шаг в пространство, в бездну и синеву, почти в никуда – и понимаю, что делаю правильно.

И снова свет – манящий, оглушительный, накрывающий, проникающий и затопляющий меня – он потрясает. Он не ослепляет – он наполняет меня свободой, спокойствием, радостью.

Почти исчезает его необъятная синева, пропадает, переливаясь, перетекая в светлый, прозрачно-серебристый, яркий, снова пронзительный, но не слепящий, не тревожащий свет. Я вижу слабые очертания, ореолы или тени трех фигур – очень светлые тени. Фигуры подвижны, и они видят меня. Они готовы меня заметить! Я вижу их и даже общаюсь с ними. Центральная фигура выше, две по бокам – чуть ниже, чуть меньше. Лиц я не вижу, только очертания, и четко понимаю, что мне не хватает ума, сердца и знаний, чтобы быть с ними на равных. Но я понимаю их, как понимаешь своего новорожденного младенца, как чувствуешь молчание близкого и любимого человека.

И я, робея, тем не менее спешу задать свой первый вопрос:

– Я хотела спросить вас! Есть ли Бог?

Я слышу тихий смех, но не смущаюсь, потому что понимаю: меня любят! Так любят, как не любил никто – ни мама – это понятно, ни отец, ни даже бабушка с дедушкой.

Меня любят безмерно! Мне рады, и я наконец понимаю, перед кем стою. Это моментально, в доли секунд, меняет всю мою жизнь – переворачивает, обнуляет, обновляет, возвышает и возносит – так высоко! Я попадаю туда, где блаженны, кто верует! Я наконец с ними, потому что тоже поверила!

– Господи, – спрашиваю я, – почему у меня такая мама? Почему у нас с ней были такие сложные отношения? Я так всегда хотела и так ждала ее любви! Почему она меня никогда не приласкала? Почему она всегда была мной недовольна? Почему она всегда ругала меня? – И я, как обиженный ребенок, вспоминаю какие-то глупости, склоки и мелочи, за что мне попадало в детстве: оторванные и потерянные пуговицы, сломанная кукла, двойка по математике – всякую чепуху из детских обид.

Я слышу голос – уже более строгий, чем раньше:

– А ты не подумала, что она очень несчастлива, твоя мама? Что у нее не было отца, детства, любви? Она просто не может любить тебя так, как ты хочешь, – она не умеет! Тебе никогда не хотелось ее пожалеть? И потом – разве тебе мало моей любви? – И в этот момент на меня снова обрушивается свет – яркий, но не слепящий. Нежный, проникновенный, он снова обволакивает меня, погружает в себя, защищает. Я чувствую любовь всех самых прекрасных и трепетных родителей на земле – они все меня любят! И снова абсолютное счастье, прежде никогда не испытанное.

– Вот вся моя любовь тебе! – слышу я голос. – Тебе мало? Я отдаю тебе все! Ты можешь все это взять, а она – нет! Ей не было дано! Ты просто пожалей ее!

И я вижу всю мамину жизнь – яркими эпизодами, вспышками, как на экране, – станицу, голод, войну, кровь на руках, корявую грушу у забора, молодую бабушку, которую я не видела никогда молодой. Всю страшную мамину жизнь, полную тягот, боли, предательства. И ни капли любви.

И в этот момент я понимаю, как много дано именно мне! Я-то счастливица, меня любят. А главное – я умею любить!

И не веровала она тяжело, агрессивно. Как же ей должно было трудно жить, моей маме, – ведь она была закрыта для всех.

У меня по лицу текли слезы – слезы раскаяния, познания и, наконец, понимания.

– Господи! – покаялась я. – Я даже в храм хожу редко!.

Снова тихий смех.

– А храм – он везде! – ответили мне. – В лесу, в поезде, в твоём доме! Оглянись – храм повсюду! Везде божий дом! Видишь? Как же ты не заметила?

– Господи! – торопливо произнесла я. – А зачем тебе столько религий? Зачем ты нас разделил? Для чего? Разве не проще было бы по-другому – все верили бы только одному богу, одному богу молились? Индуисты, буддисты, мусульмане, католики, протестанты, православные, иудеи?

И тут я увидела радугу, свет, подобный тому, что истекает в солнечный день из витражей католических храмов, – красный, зелёный, синий и жёлтый. Преломлённые лучи солнца, могучий спектр цветов.

– Сколько ты видишь цветов? – раздался голос.

– Я не могу пересчитать – мириады полутонов, миллиарды оттенков всего – синего, фиолетового, зелёного, жёлтого. Мощнейший спектр, где все распадается, отслаивается, разлетается. Любой цвет искрит полутонами, атомами, молекулами.

– Что мне со всем этим делать? – тихо засмеялся он. – Посмотри, сколько народов! И какие все разные!

И я увидела тысячи фигур, рисунков, орнаментов – индийские, кельтские, северные, африканские, японские, китайские.

– Что мне делать со всем этим? Со всеми вами? Сделать вас одинаковыми? Вы же дополняете друг друга! Все это – большое богатство!

И тут я увидела дерево в пустыне, на котором сидела птица.

– Каждому дереву своё место, свой плод и своя птица, – снова засмеялся он. – Вы же обогащаете друг друга! Как можно всем угодить?

– А почему мы так друг друга не любим? Почему воюем? Почему все время что-то делим?

– А это уже ваша задача! Вам решать – убивать или любить. Я дал вам это богатство – научитесь жить с этим, научитесь ценить. Понимать, наконец! Слышать друг друга!

И я поняла, что мы виноваты сами, и нам надо научиться любить, понимать и принимать друг друга такими, какие мы есть. Все в наших силах, просто мы так невежественны, так глупо воинственны в непонимании и неприятии друг друга. Мы низкие, непросвещённые, узколобые и агрессивные и не умеем ценить свои богатства, культуру, всю свою жизнь.

Мне кажется, когда я вернусь, то смогу все изменить. Только бы не забыть все это! Только бы донести до людей! Рассказать, что у любого, самого маленького, самого малочисленного народа есть своя история, свои

обычай, свои песни и свои сказки! Бесценно все!

И что я еще поняла – нет главной религии. Все люди равны, как равны все религии мира.

И мне снова показалось, что так просто сделать нашу жизнь спокойной и прекрасной.

– Господи, – воскликнула я, – а зачем ты так упростил свои святыне книги?

– Это не я. Они же столько раз переписывались! А мои никто не поймет, кроме тех, кто приблизился ко мне. Кто смог пройти через тернии, через страдания, муки – они понимали. А все остальные – им еще предстоит их понять!

Я так на это надеюсь!

И я увидела святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Златоуста, Николая Угодника.

– Зачем ты придумал ад и рай? – снова спросила я. – Это же смешно: рай – это белые одежды, прекрасные цветы и деревья, сказочные песнопения. И ад – огонь, костры, сковородки, котлы, острые ножи! Это какие-то детские сказки!

– Ты хочешь увидеть ад? – спросил он. – Ну смотри!

И я увидела темный, очень холодный, синий, почти черный, мрак, бесконечное пространство – оттуда тянуло сыростью и ледяным ветром. И я поняла, что ад – это вечное холодное одиночество. Это – уже невозможность, невозможность что-либо исправить. Ты обречен, если не успел. И главное твоё желание здесь, в этом страшном, ледяном сумраке, – хоть на мгновение, на йоту, стать ближе! Но к этому свету уже невозможно попасть. Полное, тотальное, колоссальное одиночество, холод и мрак, пустота. И страшное осознание, что все это уже навсегда!

Исправить, поправить, покаяться можно только в той жизни, в земной. Даже за несколько минут до конца, до смерти, если успеешь раскаяться. Глубокое раскаяние и покаяние – вот в чем спасение. Искреннее раскаяние – его не обманешь!

И последнее – я все получила, все ответы на свои вопросы, я счастлива и говорю:

– Господи! Спасибо тебе! Как же я счастлива! Как я ждала этого! Почему ты раньше не приходил ко мне? Почему не давал мне понять? Я понимаю, что тебе не до меня – у тебя столько дел! А тут я – со своими полудетскими вопросами.

И я снова слышу смех – очень красивый, ласковый смех мудрого и доброго отца.

И он отвечает:

– У меня на тебя нет времени? Нет, это у тебя на меня не было времени! Это ты обращалась ко мне, только когда тебе было плохо! А я думаю о тебе каждую секунду – помню, переживаю, поддерживаю тебя. Я с тобой и в жизни, и в смерти. И так – с каждым из вас!

Это был сокровенный разговор между любящим родителем и любимым ребенком. Я понимаю – он вездесущ, он рядом. И нет лишней просьбы для Бога – он услышит тебя всегда. И нет к нему очереди – он всегда рядом, с каждым из нас.

И вот когда ты начинаешь это понимать, верить, осознавать то, что он всегда рядом и видит тебя, твои поступки, действия, тогда ты не сделаешь дурного, потому что тебе будет стыдно! Стыдно перед добрым и мудрым отцом.

И тогда я поняла, откуда взялась булавка на полу в моем новом доме. Как появилась Ольга, вернувшая мне старый долг. И еще десятки и сотни знаков, которые мне, глупой, были преподнесены, а я не спешила их понять!

Получается, он был всегда рядом? Был и есть? Он мне помогает?

Почему он послал мне эту встречу? Думаю, понимал, как я мучаюсь от того, что не верю – а верить я очень хотела!

И главное: когда начинаешь верить, начинаешь жить по-другому!

Пути Господни неисповедимы. Так я пришла к вере и к Богу.

Однажды судьба мне подарила встречу с монахом, удивительным старцем отцом Илией, который приезжал к нам в гости. Я очень хотела поговорить с ним, но отчего-то робела, да и поговорить мне с ним наедине не удалось бы – его окружали келейники, монахи и страждущие.

«Ну и ладно, – подумала я, – значит, не судьба».

Старец уже выходил со двора, как вдруг я заметила, что на пару минут он остался один – чудеса! Я подошла к нему за благословением, поклонилась.

– Что заботит тебя? Спрашивай! – сказал старец, и я торопливо, словно боясь не успеть, протарахтела ему про свои проблемы – тогда были сложности с приемным сыном Гришей.

Он молча выслушал меня и произнес:

– А ты не думала, почему мы не сразу приходим к вере? Ведь дорога прямая! Проторенная дорога. А мы все кружим вокруг да около – с горы да на гору, в обход да задами! А потому, что каждый человек должен дойти до

всего сам! И до веры в том числе! У каждого свой путь – у кого-то короче, у кого-то длиннее. У одних прямой, у других с загогулинами. А у третьих – совсем долгий, путаный, кривой да крученный. Человек собирает свой опыт, свои печали, боль, потери, ошибки – и все в котомку. И с этим приходит к Господу нашему. А ты парня тащишь! Рано ему. Вот и оставь пока – но не бросай. Отпусти, но сопровождай, как мать сопровождает свое дитя. И не настаивай – у него своя дорога, пусть идет. Ошибается, спотыкается, падает. А без этого – он и не человек вовсе! Ну, поняла?

Я кивнула. Я поняла.

– А нет ли в вашем хозяйстве, Елена Вячеславовна, коровки? – вдруг поинтересовался старец Илия, чуть прищутив глаза.

– Коровки? – удивилась я. – Да что вы, батюшка! Откуда коровка – мы ж в городе живем! Не до коровки!

Он тихо вздыхает и молчит.

– А нет ли барашков?

Я растерялась – не слышит? И начала почти кричать – нету коровки, батюшка! Да и куда ее? Сюда? Места-то для нее нет! И барашков нету!

Келейник старца посмотрел на меня с веселым прищуром:

– А кричать-то не надо! Батюшка слышит. Хорошенько надо подумать о том, что он говорит! Батюшка просто так вопросов не задает!

Я заморгала – положение мое было самое идиотское.

Вдруг старец поднял на меня глаза – прозрачно-голубые, как июньское небо, смеющиеся, с доброй слезой.

– Коровка, матушка, – повторил он, – в хозяйстве должна быть коровка. И курочки, и барашки! Надо правильно жить на земле, Елена Вячеславовна, со смыслом и пользой!

– В моей деревне? – наконец дошло и до меня. – Коровка там?

Он уже беззвучно смеялся:

– Ну, наконец поняла!

Строгий келейник неодобрительно покачал головой.

И тут старец произнес:

– Благословляю тебя на заведение хозяйства, Елена Вячеславовна, с Божьей помощью заведи в своем хозяйстве животных! Будет там у тебя все хорошо и все сложится! – И осенил меня знамением.

В то время я начинала новый, трудный проект, но все постоянно тормозилось, буксовало, останавливалось. Трудностей было столько, что казалось, не потяну – силенок не хватит. А с того дня все стало у меня получаться и складываться – и коровка появилась, и лошади, и весь наш хлопотный проект потихоньку стал реализовываться.

Экодеревня ныне существует и процветает!

Выгулово

Вообще-то, называется наша деревня Выголово, но мы назвали ее по-другому – Выгулово. Всем понятно. Она совсем рядом – в трех километрах от Плеса.

Моя деревня – «образцово-показательное предприятие» для моих друзей и гостей. Я хочу показать людям, как можно на своих шести сотках создать чудо, атмосферу счастья и постоянной радости.

Как много родит наша земля! Даже здесь, в России, в зоне рискованного земледелия, можно выращивать столько всего разного и разнообразного, что хватит на всю семью! И делать это вполне реально на маленьком участке земли, практически на клочке! Землю можно подкормить, удобрить, между овощными и фруктовыми культурами посадить цветы, подсолнечник, жасмин, сирень, жимолость. Даже устроить розарий!

Картошка, капуста, лук, тыква, свекла, морковь, огурцы, кабачки, помидоры, перцы и баклажаны прекрасно у нас растут. А еще – ягоды, которых нет во многих странах: крыжовник, смородина – красная, белая, черная, малина – красная и белая, клубника, земляника, вишня и слива. Десятки сортов яблок и груш.

А у иных растут виноград и арбузы. И, повторяю, труд этот может принести не только хлопоты, но и огромную радость – радость созидания, радость от результатов труда.

Почему мы все так боимся изменить свою жизнь? Почему боимся рискнуть? Прикидываем, высчитываем? Почему мы так нерешительны, так боязливы и трусоваты? Прилипли навеки к дивану, к удобствам, когда все под боком.

Мы ненавидим Москву, задыхаемся в пробках и выхлопных газах, гробим и тратим свою жизнь, теряем здоровье, кляня свою жизнь, – во имя чего? Чтобы жить в большом городе? Или ради денег? Ведь многие уверены, что заработать, устроить свою жизнь можно только в больших городах, в мегаполисах. Я возражаю, категорически возражаю! Жизнь свою можно обустроить везде, в том числе в самом дальнем медвежьем углу. И прокормить свою семью можно, и быть счастливым. Было бы только желание.

Знаю немало примеров, когда жители городов, выйдя на пенсию, уезжали в деревню, навсегда отказавшись от городской жизни и сдав

квартиру в городе, чтобы хватало средств на вольную жизнь. Но знаю я и молодых людей, которым до пенсии далеко и которые без сожаления распрощались с городской жизнью, найдя свое место в провинции.

Да, денег больших, конечно, в провинции не заработать. Но разве можно измерить деньгами воздух, природу, отсутствие стресса из-за пробок и вечной городской суеты? В провинции живут спокойные, доброжелательные и уравновешенные люди. Здесь работают врачи и учителя, не привыкшие к постоянным подношениям. Разве это мало?

Решиться на переезд сложно, я понимаю. Любой важный шаг – это подвиг! Но вот пример – мой коллега, помощник Влад.

Он прекрасно образован, окончил вуз, владеет несколькими языками, работал в Америке. А потом взял и уехал из города. Живет в Плесе, работает в гостинице. Женился, у него две девочки, жена – педиатр, ей тоже работы хватает. Дети не замучены городом, утомительной дорогой – школа тут, за углом. Целый день на воздухе, румяны, здоровы и счастливы.

Но – отвлеклась.

Вот и затеяла я свой проект. Главное здесь дом – старый, 1870 года. Теперь уже деревенский, не усадебного типа. Настоящий деревенский пятистенник – с подвалом для хранения, с погребом, с русской печкой.

В большой и светлой кухне проходят мои мастер-классы и съемки гастрономических программ.

Разбили огромный огород, палисадник с цветами. Завели пруд с карасями, хочешь – лови! Есть и скотный дворик – с коровами (с благословения старца Илии!), козами и птицей. Курятник наш мы зовем Курщавелем – понятно, кто там хозяин. Кроличья ферма устроена по французскому образцу. Есть и «Гусьпром», и дом «Кошки и К°». И, конечно, сельпо, конюшня с выездной тройкой и ездовыми лошадьми – на радость детишкам и взрослым. Музей земли, Музей деревянной скульптуры. И разве можно обойтись без русской бани!

На пруду каток, ледяная горка и все прочее, что еще пришло в голову мне, фантазерке.

Можно ловить рыбу в пруду, можно купаться. Можно взять лошадь и промчаться по лугам и полям – здесь они бесконечны! Можно пойти за грибами. Можно покопаться в огороде, в цветнике, собрать в сезон ягоду с куста и на кухне сварить варенье. А можно просто попариться в баньке! А зимой перед этим – пройти по зимнему лесу на лыжах.

Словом, и отдых, и полезный, но приятный труд. И чужой, но бесценный опыт. И снова природа, земля и вода!

И самое главное – благословенная тишина, необыкновенный для

горожанина покой, свежий и вкусный воздух – все то, чего нам так не хватает!

В нашей экодеревне будет и ресторанчик – с настоящей русской кухней. Простой и сытной. И очень доступной.

А вечером – милости просим в наш театр! В наш, деревенский!

Гостевой дом

Я хорошо запомнила нашу французскую жизнь, тот давний, преподнесенный мне моим мужем отличный урок. И отчетливо понимала, что больше зависеть от него я не буду! Ни от кого я не буду зависеть!

Я буду рассчитывать на себя – это моя установка.

Мы хорошо знали систему гостевых домов во Франции – часто бывали на фермах, на далеких хуторах, в глубокой провинции.

Это давно и хорошо развито за рубежом – делать бизнес, не выходя из дома, не ломая себя. Мы погрузились в эту тему, изучили ее внимательно и глубоко и наконец приняли решение.

Система гостевых домов очень развита, например, в Польше. Владельцы обычного семейного дома сдают одну-две комнаты, за стол садятся все вместе – хозяйка с удовольствием накормит. Цену, кстати, за номер и угощение назначает сам хозяин.

В таком доме мы однажды жили. Ходили с хозяйкой на пастбище, собирали овощи на огороде, вишни в саду. Мальчишки мои с хозяином плотничали, что-то чинили, мастерили.

Я помогала хозяйке на кухне – пироги, баранья нога, картофельный graten. Пища простая, деревенская, без изысков, но очень вкусная, сытная. Я многому там научилась, и мои дети тоже.

Каждый год мы ездим в гостевые дома в разных уголках Франции.

А почему бы не открыть такой же здесь, у нас, в Плесе?

В то время в Ивановской области я была такая одна! А через три-четыре года в нашем крае открылось уже сорок гостевых домов.

Сначала у нас был всего один номер – здесь же, в нашем доме, на втором этаже.

Решили, что делать будем все сами, своими руками, денег-то нет! Задумались: как это – сделать номер? Опыта-то никакого! Ой, чайник! Ой, холодильник! Ой, сейф, телевизор, картины! Письменный стол, диваны, отдельные кровати! А душ? А в душ – мыло, шампуни, полотенца и фен? А сам, собственно, душ? Про душ мы забыли!

Раздвинули и немного приподняли крышу второго этажа – больше пространства. Получилось два уровня. И сразу открылся вид на Волгу, на наши холмы, Соборную гору, лес, деревню и на всю нашу невообразимую красоту!

А штор еще нет, нет дивана, посуды и телевизора тоже нет.
Решаем, что возьмем кредит на всю технику, разом. А мебель?
Моя подруга, верная сподвижница Ленуська, вдруг объявляет:
– Так, Лена! Мы давно решили поменять мягкую мебель! Значит, завтра едем ко мне!

«Ко мне» – это в Москву. И на завтра мы вывезли из ее московской квартиры мебель.

Шторы мы не подшивали – просто отрезали, времени нет!
– А может, так надо? – неуверенно говорю я. – Французский шик, не иначе!

И мы заливаемся смехом.
Как она меня поддержала!
Моя Ленуся. Сильная и слабая одновременно – так тоже бывает.
Руки у нее золотые, может все – вышивать, шить, вязать, рисовать, клеить, плести. А какой креатив! Какой огромный талант человеческий!

Мне вообще в жизни везло на подруг.
Люся, Люсенька... Красавица Люська. Рыжая Люська, беда всех мужчин. Верная Люська, прекрасная Люся.

Умерла три года назад. Были мы вместе лет тридцать – с той самой гостиницы, где я повстречала Андре. Сколькому она меня научила! Сколько вложила в меня! Как щедро делилась мудростью, опытом, знанием!

Спасибо, и помню всегда.
Танюшка – чудо сама по себе! Девушка с кистью и топором, художник от бога. С нежной, тонкой и ранимой душой!
Наши бесценные ночи, выдумки и фантазии – утром они уже готовы к воплощению – благодаря тебе, любимая, и твоему таланту!

Но вернемся к нашей истории. Две икеевские кровати были собраны в последнюю ночь, покрашены тогда же, под утро.

Но гостей надо еще и кормить! На что? Денег нет. Конечно, мы надеялись, что гости оплатят свой номер сразу. Но вдруг решат потом, перед отъездом? Есть и такая практика.

Так, что же нам делать? Есть картошка, лук, кабачки, яблоки, сливы.
А дальше? Навряд ли нам так повезет, что приедут строгие вегетарианцы! Мы замерли от ужаса и замолчали – задумались! И тут взгляды наши – одновременно! – упали на Ленуськину кошку Челси. Милая наша Челси, наша красавица, сидела возле нас и тщательно вылизывала блестящую черную шерстку.

Переглянулись и – попадали от хохота на пол!

Пирожки с котятами! Вот как это называется!

Но – тут снова чудо! Позвонила директриса дома отдыха и предложила нам свинью! Точнее – половину свиньи. Не соглашусь, что подложить свинью – это плохо. Нас тогда эта хрюшка спасла от позора и краха.

Чем только не была наша хавронья – и голубцами, и жарким, и холодцом, и начинкой для пирожков! Пожалуй, только компота и мороженого из нее не делали. Ну и еще, конечно же, сырников и форшмака.

И еще две удачи – то, что милая наша спасительница согласилась подождать с деньгами за хрюшу и что наши дорогие первые гости оказались не мусульмане и правоверные иудеи. Иначе пропали бы: мы – от стыда и они – от голода.

На наше счастье, уже пошли грибы, ягоды, овощи и фрукты. Выручала и рыба – мы брали ее в долг у знакомых рыбаков.

Итак, первый звонок:

– Мы хотим к вам приехать! Нас четверо, муж с женой и двое детей.

– Приезжайте, – бодренько ответила я.

А у нас еще конь не валялся! Нет еще ничего! Работы в номере на две недели. А гости приедут через четыре дня! И нам снова повезло! Люди эти, наши первые гости, оказались замечательными! По вечерам мы пили чай и болтали о жизни. Их дети играли с моими, мы ходили в походы, сделали книжку с картинками, поставили кукольный спектакль.

Мы стали друзьями. В дорогу мы собрали им корзинки грибов, банки с земляникой, солеными огурцами и компотами.

И вот настал день расплаты...

Как брать деньги с хороших знакомых? Боже мой, что же мне делать?

Наташа загнала меня в мою комнату:

– Сиди и не рыпайся! Я все решу! Только ты не высовывайся!

И я сидела на диване и думала: «Не заплатят – и пусть! И фиг с ними, с этими деньгами! Они же уже наши друзья! К тому же это бесценный опыт! Не надо денег! Я уже счастлива – у нас получилось!»

Зашла Наташа, держа в руках пачку денег.

– Заплатили? – одними губами спросила я. – Неужели они заплатили?

– Еще бы! – фыркнула Наташа. – И еще дали сверху! И, кстати, – Наташа моя хитро прищурилась, – они сказали, что так их не обслуживали в пятизвездном отеле в Дубае.

Все в шоке! А больше всех – я!

Наши первые гости! Мы дружим до сих пор, они приезжают к нам часто.

Везет тому, кто везет? Наверное, так!

Я стою на своей крошечной кухоньке, размером четыре квадрата. Три первых, четыре вторых, закуски, пироги, пирожки, суфле, тортики, свой квас и компоты.

Для меня это не так трудно – я всегда стояла на кухне и готовила для своей немалой семьи, для постоянных гостей, для друзей и для бизнеса. Я всегда очень много пекла.

Мне это не трудно, это мне в радость!

И пошло у нас все сразу, с того самого первого дня.

И, просыпаясь, я молюсь об одном – только бы продолжалось все это как можно дольше! Пожалуйста! Охрани меня, господи, от краха и провала! На трудности я готова, с неудачами справлюсь!

Только можно я побуду счастливой? Пожалуйста, господи! Не оставь меня теперь, когда наконец у меня получилось!

Эпилог

Очень долго, лет до шестнадцати, своим мальчишкам я часто читала вслух, чтобы они не забывали русский язык. Да и просто это были минуты нашей ценной близости, общности и единения с сыновьями.

Мой старший сын Дима – шеф-повар в известном женевском ресторане, хотя прочили мы его в математики. Но в один прекрасный день он объявил, что хочет поступать в Высшую кулинарную школу в Париже. Я, конечно, немного расстроилась. Почему? Да потому что в России повар – пэтэушник, тот, кто не смог никуда поступить. Студент кулинарного техникума плотно засел в наших головах. Советский общепит убивал эту прекрасную профессию, эту науку, эту культуру. Именно науку – настаиваю! Когда я приехала к сыну в колледж, то обомлела: огромный город – с лабораториями, залами с киноэкранами, с классами.

У повара во Франции нет узкой специализации, как у нас, в России: повар по закускам, по супам, по горячему, по десертам. Повар – это и врач, и химик, и художник, и мастер, и историк, и, конечно, творец. Во Франции повар должен уметь делать все – от суфле до паштета, от соуса до мусса, от гратена до террина.

Во Франции есть шестнадцать поваров, у которых берут интервью, как у важных политических персон. Сын обещает, что будет семнадцатым! И я в него верю!

Саша, мой средний, всегда в центре внимания, юморист с серьезным лицом, как все профессиональные комики. Во французской школе, где он учился после приезда в Париж, все дети быстро заговорили по-русски. Учителя хватались за голову – что с ним делать? А французский его оставлял желать лучшего. Но ничего – сейчас мой ребенок говорит на пяти языках. Любимая книга моих мальчишек – «Моряк в седле», биография Джека Лондона, блестяще написанная Ирвингом Стоуном. Там есть все вехи яркой и сложной жизни писателя – работа в прачечной, воровство и продажа устриц, тюрьма, побег, становление подростка, ну, а потом и мужчины. Мой Саша усвоил: жизнь на грани фола, авантюризма, страстей и событий – вот что делает мужчину мужчиной. Что поделать – такой беспокойный характер!

Саша прошел непростой путь – служил на корабле матросом, мыл посуду в ресторане, работал в кафе помощником повара.

Жизнь постигал изнутри, из сердцевины.

Много путешествовал – автостопом, на поезде, на корабле. Мы называли его Джеком Лондоном. Проблем с ним было не просто много, а очень много – проказы его были невинными, но лично мне их хватало. Примерно раз в полгода нас вызывали в полицию. Объездив почти весь мир и пожив в разных странах, в Америке, Испании, Монако, Англии, во Франции мой сын стал барменом. Во Франции его называют «поэтом коктейлей». Саша знаком с Мадонной – составлял свои шедевры у нее на пати. Помогал открывать ресторан Роберту де Ниро. Знаком со многими звездами. У него невероятное количество друзей по всему свету – опыт его жизненный богат и огромен. Жизнь он постигал не по книгам, а на деле, на собственном опыте, не всегда сладком и гладком.

Сейчас он открыл свой бар – «Ле парфюм», и там всегда стоит очередь из страждущих.

Саша – один из двадцати лучших барменов мира.

Наш «поэт коктейлей» не любит алкоголь, и потому в его баре огромное количество коктейлей безалкогольных. Свои чудеса он придумывает сам – смешивает овощные и фруктовые соки, собирает съедобные цветы, делает кубики льда из натуральных фруктов, из хрустальной воды горных рек – называется это диаманты. Кубы льда обливаются тридцатилетним виски и поджигаются в темноте.

Яркое зрелище.

Все это – тоже от бабушки Клавы! Именно там, в ее доме, был задан нам вектор! В доме, где был вечный гастрономический праздник, вечный подарок, любовь к своим домочадцам.

Не чревоугодие, нет! Именно праздник, именно действие, именно постановка. Удовольствие, а не обыденность! Уважение к продуктам и большая любовь к тем, кого она кормит, – к семье.

Бабушка обращала наше внимание на разломанную буханку хрустящего свежего хлеба, давала нам понюхать его, почувствовать, как пахнет свежей землей пашня, как пахнет опара, русская печь. Как пахнет жизнь.

Она посыпала картошку репчатым луком, зеленым, только что нарезанным укропом, заливала все это ароматным подсолнечным маслом и присыпала крупной, сверкающей, словно осколки алмазов, солью – не просто картошка в плошке, а сказка, аромат, фантазия и красота.

– Нет, вы посмотрите! – призывала она.

Или клала ломтик розового сала на горбушку черного хлеба и рядом редиску – влажную, розовую, блестящую.

А бабушкин завтрак? Аромат какао, разносящийся по квартире, тонкие

куски свежего батона за тринадцать копеек, с вологодским маслом, пахнувшим сливками, и с ломтем дырчатого, янтарного сыра? Или с докторской, со слезой, колбасой? А молочная рисовая каша с кусочком свежего масла, которое медленно, островком, тает в наших тарелках?

А еще свежий бублик, посыпанный поджаренным маком? Горячий, с растопленным маслом и стаканом свежего молока.

Мы научились ценить человеческий труд, уважать его плоды и получать от этого удовольствие.

Вот кратенькие приписки к ее рецептам, ее комментарии: «Вот из этого теста (на литр молока) получается пятьдесят пирожков. Гарантирую – пальчики оближете, мои дорогие!» или: «солянка охотничья – сыт будешь три дня!»

Я стараюсь вернуть людям ощущение детства, ностальгию по нашей жизни, по нашим привычкам.

Во Франции я удивлялась: через тридцать-сорок километров встретишь свою, самобытную кухню – на юге тебе подадут козуле – блюдо из фасоли и мяса. Шукрут попробуешь в Эльзасе. В Лионе гордятся блюдами из свинины, в Бургундии потрясающие улитки и блюда из них. В каждой провинции свое вино.

В России в советские времена было все просто – шашлык, борщ, лангет и салат оливье. Все! И это при огромном, богатом наследии!

Я счастлива, что русская кухня сейчас возрождается, нам есть чем гордиться.

Но вернемся к детям. Даниэль, мой младший, был со мной все эти годы, не разлучался со мной никогда – по сей день мы живем и работаем рядом. Даниэль жил в Меленках, в Иваново, в Плесе. Мотался с нами в машине, когда мы искали «наше» место, наш дом. Спал в палатках в спальном мешке. Сейчас мой сын – мой помощник, поддержка и – главный критик. Он счастливо женат на девочке из наших любимых Меленок. У них растет дочка Юнна – моя первая и пока, к сожалению, единственная и обожаемая внучка.

А мой Андре заскучал – по своей родине, по земле, по соотечественникам. И я его поняла – я тоже ведь испытала подобное. Сейчас он живет в городе Туре. Создал там литературное общество, собрал вокруг себя людей, близких по духу, преподает и, по-моему, счастлив.

Вокруг него ученики и соратники. Он снова в своей стихии, в любимом климате – там много солнца и много тепла, там – его земляки, и он говорит на своем языке. Пьет любимое красное вино и закусывает своим

любимым сыром. Издает свои книги.

Он доволен и счастлив. Мы, конечно, общаемся, видимся, приезжаем друг к другу. Но жизни наши, увы, разделились – каждый выбрал свое.

Возможно, мы устали друг от друга – наша жизнь была слишком бурной, слишком наполненной событиями и переменами.

Когда-нибудь все кончается...

Но – я не грущу! И благодарна ему за многое – в том числе и за опыт, бесценней которого нет.

Кстати, Андре до сих пор поклонник России. По-прежнему любит ее, защищает и часто старается оправдать.

А мама так у меня и не побывала... Не погостила. Ни в Париже, ни здесь, в моем Плесе...

Так и не захотела она мной гордиться.

Разговор с Леной

Мне всегда очень хотелось взять интервью у необычного человека, получить ответы на многие волнующие меня вопросы.

Я нашла опросник Пруста. Великий французский писатель несколько раз в жизни отвечал на подробные анкеты, очень это любил – очевидно, таким образом лучше понимал себя. Я добавила к его анкетам пару вопросов, которые были мне любопытны. Надеюсь, что Пруст не обидится! Вот и поехали, Лена!

– Когда тебе было труднее всего?

– Во Франции! Я много работала, но не получала удовольствия, потому что не было того общения, которого мне хотелось. Тогда я «теряла» родную речь, свою языковую среду, мир был для меня словно смазан, не сфокусирован, вкус к жизни утерян. Словно ты в очках с чужими диоптриями.

– С чем тебе было бы легче смириться – с чувством обиды или чувством вины?

– С чувством вины мне было смириться бы тяжелее! Наверняка!

– Когда тебе было страшнее всего?

– Мне было страшно до моего сна очень часто. Я боялась разочаровать своих близких. Меня часто мучили сомнения.

– Ты боишься смерти?

– Нет! Я заранее за все благодарна! Чувства страха перед смертью у меня нет.

– Ты отличаешь любовь от страсти? И было ли у тебя второе?

– Любовь – это путь долгий и трудный. А страсть – ураган, тайфун. Но – с очень коротким сроком действия. Было, по счастью, и то и другое.

– Что для тебя патриотизм? Понятие родины?

– Для меня здесь все просто! Россию я воспринимаю как страну, которой должна. Эта земля меня вскормила, вырастила, выучила, и я хочу ей отдать долг. Отдать то, что имею, умею и люблю. Я хочу украсить свою страну! Не знаю, откуда взялась эта глубинная, внутренняя потребность, но я хочу вернуть ей свой долг, не обмануть возложенных надежд. Спасибо судьбе, что выкинула меня в эмиграцию и дала возможность мне это понять.

Ностальгия – это потребность, желание быть на своей земле.

– Как ты видишь себя в старости?

– Я очень хочу жить, как никогда в молодости! Я умею быть счастливой! И мне кажется, что в старости я могу быть полезной многим – своим детям, внукам, друзьям. Я молю бога быть на ногах, не быть обременительной, не потерять разум. Если господь отнимет у меня возможность ходить, пусть он оставит мне радость рассказывать детям сказки!

– Какая ты свекровь?

– Мне кажется, что хорошая! Я рада своей невестке! Есть вещи, которые мне не очень нравятся – точнее, я вижу, чего ей не хватает. Но я надеюсь пополнить ее багаж, дать то, что могу. Вернее – добавить! Но самое главное у нее есть – она прекрасная мать, и ее любит мой сын! Она – точно лучше, чем я в ее возрасте!

– Какой ты была в пять лет?

– Веселой и задорной хулиганкой. Точнее – проказницей.

– А в десять?

– Маленькой женщиной! Это я точно ощущала тогда.

– В пятнадцать?

– Невероятной кокеткой!

– В двадцать?

– Хорошей матерью, но не самой хорошей дочерью. С большим чувством вины.

– Ты лучше мать или дочь?

– Точно – мать! Как к дочери у меня много претензий к себе.

– Ты лучше свекровь или невестка?

– Я лучше – свекровь! А в этом мне во многом помогла твоя книга! («Дневник свекрови». – М.М.) Я существенно скорректировала тогда свое отношение к невестке. Я очень благодарна твоей книге!

– Какой ты была в тридцать лет?

– Я была полна надежд и готова к перелому, к переменам в моей жизни. Я жила в ожидании чудес.

– Какой ты была в сорок?

– В сорок я увидела свой сон, который дал мне возможность начать все заново и перевернул мою жизнь.

– Какая ты сейчас?

– Сейчас я самый счастливый человек на свете!

– Когда у тебя был самый тяжелый возраст? Возраст разочарований?

– В двадцать три – двадцать четыре. Мне казалось, что я плохая мать, плохая жена и плохая дочь. Я очень страдала.

– Был ли у тебя момент в жизни, когда тебе показалось, что жизнь твоя

зряшная, пустяшная? Прожита зря?

– Лет в тридцать шесть! В то время я много читала автобиографий и восхищалась другими людьми – вот на фоне их жизни мне это и казалось!

– Что тебя сейчас может удивить больше всего?

– Люди.

– А что расстроить?

– Они же, люди.

– Кто тебе ближе всех?

– Мои друзья – Наташа, Лена, Танечка. Разумеется, мои дети.

– Какие добродетели ты ценишь больше всего?

– Великодушие – во всем.

– Что самое ценное в мужчине?

– Ум и смелость.

– В женщине?

– Способность к любви.

– Твоя главная черта?

– Доброжелательность. Великодушие, которому научила меня жизнь.

Желание сделать добро. Умение прощать слабости.

– Какая твоя главная черта?

– Любовь к людям.

– Твое любимое занятие?

– Преобразовывать помойки. (Смеется.)

– Что для тебя счастье?

– Чувствовать рядом свою семью, своих единомышленников. Это дает мне уверенность в жизни.

– Твой любимый цвет?

– Красный, голубой, зеленый и все полутона.

– А цветы?

– Все полевые, ирисы, жасмин, сирень, чубушник, бульденеж, калина, черемуха, лесная фиалка.

– Ты живешь в том месте, где тебе бы хотелось?

– Я очень люблю свою страну. И хотела бы жить в лесу, в домике на опушке.

– Кто твой любимый писатель?

– Коэльо, Улицкая.

– Художник?

– Коровин, Матисс. И, конечно, Хамдамов!

– К каким порокам ты снисходительна?

– К чревоугодию и унынию. Я жалею этих людей.

- Есть ли любимый литературный персонаж?
- Надо подумать! Точно знаю, что Скарлетт О’Хару я не люблю! Не люблю откладывать жизнь «на завтра»!
- Есть ли у тебя герои в реальной жизни?
- Лихачев, Эйнштейн, мои Наташа и Лена. Они лучше, сильнее меня.
- Любимое блюдо и напиток?
- Квас, кисель, домашний лимонад. Моя генеральская ватрушка из 50-х годов и утиный расстегай. Последнее – альтернатива хот-догу.
- К чему ты испытываешь отвращение?
- К мелочности, скарелности, жадности.
- Что ты больше всего ценишь в друзьях?
- Чувство юмора и открытость.
- Твой главный недостаток?
- Непоследовательность.
- Любимая птица?
- Я птиц очень люблю, всех! К нам прилетают самые разные – в кормушки, в скворечники! Умиляет меня гаечка, маленькая синичка – нежно-бирюзовая, с голубизной.
- А в истории? Есть героиня?
- Конечно! Екатерина Вторая. Я ей завидую. У меня слишком маленькое королевство. Эх, развернуться бы! Хозяйка-то я рачительная! Я бы научила людей любить землю.
- Кого ты ненавидишь больше всего?
- Прожектеров! Это такие прожигатели времени, своего и чужого, хронофобы. Любители не сделать, а поговорить. Делать-то им страшно! Я очень ценю время – свое и чужое.
- Если бы тебе дали возможность попросить какую-то способность, что бы ты выбрала?
- Знать языки в совершенстве. Если можно было общаться с большим количеством людей, я бы сделала больше. Мы бы могли поделиться знаниями, обогатить друг друга.
- Если бы ты оказалась перед богом – что бы сказала? Или – какой вопрос задала?
- Я думала об этом! Я бы сказала – спасибо за честь и доверие! За данные мне возможности. И еще – прости, что не все задуманное я успела осуществить.

И напоследок.

Я пыталась быть объективной, хотя правда у всех своя. Я очень старалась быть честной и искренней. А что получилось – судить только вам.

Благодарю своих мужа и редактора – за терпение и понимание.

Большое спасибо моей маме – за уточнения, подсказки, факты и бережную память. И вообще – за все.

Спасибо Лене Маньенан – за способность удивлять и за великий дар смотреть на жизнь позитивно.

Благодарность всем, кто прочтет эту книгу, для меня очень важную, которую я писала дольше и сложнее других.

Я вас очень люблю, восхищаюсь вами и желаю вам всяческого благополучия.